

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС

ИСТОРИЯ МИРОВОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

Герберт Джордж Уэллс
История мировой цивилизации
Серия «Тайны мировой истории»

Аннотация

Практически все знают художественные произведения английского писателя и публициста Герберта Джорджа Уэллса (1866–1946). Его научно-фантастические романы «Машина времени», «Человек-невидимка», «Война миров» и др. оказали существенное влияние на развитие жанра научной фантастики. Однако в этой книге Уэллс предстает перед читателями в качестве историка и исследователя цивилизаций. Эта книга – настоящий наглядный путеводитель по страницам истории с впечатляющим объемом информации и прекрасным изложением событий от зарождения жизни на Земле до начала XX века.

Содержание

Предисловие	8
Глава I. Мир в пространстве	9
Глава II. Мир во времени	13
Глава III. Начало жизни	18
Глава IV. Век рыб	22
Глава V. Век каменноугольных отложений	28
Глава VI. Век пресмыкающихся	34
Глава VII. Первые птицы и млекопитающие	40
Глава VIII. Век млекопитающих	46
Глава IX. Мартышки, обезьяны и получеловек	52
Глава X. Неандертальский и Родезианский человек	58
Глава XI. Первый настоящий человек	64
Глава XII. Первобытная мысль	71
Глава XIII. Начало земледелия	78
Глава XIV. Первобытная неолитическая цивилизация	84
Глава XV. Шумерия, ранний Египет и их письмена	91
Глава XVI. Первые кочевые народы	97
Глава XVII. Первые мореплаватели	102
Глава XVIII. Египет, Вавилон и Ассирия	109
Глава XIX. Первобытные арийцы	118

Глава XX. Последнее Вавилонское царство и царство Дария I	124
Глава XXI. Древняя история евреев	129
Глава XXII. Еврейские священники и пророки	135
Глава XXIII. Греки	141
Глава XXIV. Греко-персидские войны	148
Глава XXV. Величие Греции	153
Глава XXVI. Империя Александра Великого	158
Глава XXVII. Музей и библиотека Александрии	164
Глава XXVIII. Жизнь Гаутамы Будды	171
Глава XXIX. Царь Ашока	179
Глава XXX. Конфуций и Лао-Цзы	182
Глава XXXI. На арене истории появляется Рим	190
Глава XXXII. Рим и Карфаген	197
Глава XXXIII. Развитие Римской империи	203
Глава XXXIV. Между Римом и Китаем	218
Глава XXXV. Жизнь простого народа во времена Римской империи	225
Глава XXXVI. Религиозные движения во времена Римской империи	234
Глава XXXVII. Учение Иисуса Христа	242
Глава XXXVIII. Развитие христианского вероучения	250
Глава XXXIX. Разделение империи варварами на восточную и западную	255
Глава XL. Гунны и конец восточной империи	261

Глава ХLI. Византийская империя и империя Сасанидов	268
Глава ХLII. Китайские династии Суй и Тан	274
Глава ХLIII. Магомет и ислам	277
Глава ХLIV. Эпоха величия арабов	282
Глава ХLV. Развитие латинского христианства	287
Глава ХLVI. Крестовые походы и эпоха папского владычества	299
Глава ХLVII. Строптивные монархи и великий раскол	312
Глава ХLVIII. Завоевания монголов	324
Глава ХLIX. Умственное возрождение европейцев	330
Глава L. Реформация латинской церкви	343
Глава LI. Император Карл V	349
Глава LII. Век политических экспериментов, великой монархии, парламентаризма и республик в Европе	361
Глава LIII. Новые империи европейцев в Азии и за океаном	376
Глава LIV. Американская война за независимость	383
Глава LV. Французская революция и реставрация монархии	391
Глава LVI. Нездоровый мир в Европе после падения Наполеона	402

Глава LVII. Развитие прикладных знаний	408
Глава LVIII. Революция в промышленности	421
Глава LIX. Развитие современных политических и социальных идей	427
Глава LX. Рост Соединенных Штатов	443
Глава LXI. Возвышение Германии в Европе	455
Глава LXII. Новые заокеанские завоевания, обязанные пароходу и железной дороге	458
Глава LXIII. Агрессивная политика Европы в Азии и возвышение Японии	467
Глава LXIV. Британская империя в 1914 году	474
Глава LXV. Период вооружений в Европе и Великая война 1914–1918 гг	478
Глава LXVI. Революция и голод в России	485
Глава LXVII. Политическое и социальное переустройство мира	493
Хронологическая таблица	502

Герберт Уэллс
История мировой
цивилизации

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Предисловие

Эта «Краткая история Мира» предназначена для беглого чтения в том же роде, как читается роман. Она дает в наиболее общей форме сводку всех наших современных знаний по истории, без излишних взысканий и подробностей. Из нее читатель в состоянии будет извлечь то общее понятие об истории отдельной страны. Она может быть также полезной, как подготовка к чтению более обстоятельных «Очерков истории» того же автора. Но все же ее главное назначение – удовлетворить потребности среднего читателя, слишком занятого, чтобы подробно изучать карты и хронологические таблицы «Очерков», но желающие освежить и подновить свои позабытые или слишком отрывочные знания о великих событиях в истории человечества. Она не является также извлечением из предыдущего труда автора или его сокращением, – но своей задачей «Очерки» дальнейшего сокращения не допускают. Настоящая книга – это еще более всеобщая «История», заново задуманная и написанная.

Герберт Уэллс

Глава I. Мир в пространстве

Знание Вселенной еще очень несовершенно. Всего двести лет назад людям были знакомы только последние три тысячи лет ее истории. Всему совершившемуся до этого времени отводилась лишь область легенд и догадок. В значительной части цивилизованного мира людей учили, и они верили, что, однажды, за 4004 года до Рождества Христова был создан мир. Мнения компетентных авторитетов расходились лишь в том: весной или осенью того года свершилось это событие. Это весьма длительное недоразумение было основано на слишком буквальном толковании еврейской библии и на достаточно произвольных богословских заключениях, вытекавших из него. Учителя религии давно уже оставили эту точку зрения, и всеми ныне признано, что вселенная, в которой мы обитаем, по всей вероятности, существовала в течение огромного периода времени, быть может, бесконечно. Разумеется, многое может быть обманчивым в видимых явлениях; например, комната покажется почти бесконечной, если к ее противоположным стенам приделать зеркала и посмотреть в них. Но мнение, будто вселенная, в которой мы живем, существует всего только шесть или семь тысяч лет, теперь нужно рассматривать, как совершенно изжитое.

Как всем теперь известно, Земля представляет собой сфероид, шар, слегка приплюснутый, наподобие апельсина, диа-

метром около 8000 миль. Сфероидальная форма ее была известна небольшому кружку интеллигентных людей уже более 2500 лет тому назад. Но до этого времени Землю считали плоской, и придумывались самые разнообразные теории, чтобы объяснить ее отношение к небу, звездам и планетам. Теперь мы знаем, что Земля оборачивается вокруг своей оси (эта ось, приблизительно, на 24 мили короче экваториального диаметра) каждые двадцать четыре часа, и этим объясняется смена дня и ночи, мы знаем также, что в течение года Земля оборачивается вокруг Солнца, описывая слегка неправильный овал. Расстояние от Земли до Солнца колеблется от $91\frac{1}{2}$ миллионов до $94\frac{1}{2}$ миллионов миль.

Вокруг Земли вращается другое, гораздо меньшее небесное тело, Луна, находящееся от нее обычно на расстоянии около 239 000 миль, Земля и Луна не единственные тела, вращающиеся вокруг Солнца. Существуют еще планеты; Меркурий и Венера, находящиеся на расстоянии 36 и 37 миллионов миль от Солнца. А за орбитой Земли, за целым поясом меньших тел, так называемых малых планет, находятся Марс, Юпитер, Сатурн. Уран и Нептун – на расстоянии 141 483, 886, 1782 и 1793 миллионов миль. Трудно постичь умом эти расстояния, вычисленные в миллионах миль. Быть может, воображению читателя будет легче представить себе их соотношение, мысленно уменьшив масштаб Солнца и планет до более понятных величин.

Если бы мы представили себе Землю небольшим шариком

диаметром в вершок, то Солнце должны были бы представлять большим шаром, диаметром в 9 футов, находящимся на расстоянии 323 ярдов от Земли, т. е. около $\frac{1}{6}$ мили или 4–5 минут ходьбы. Луна же была бы размером в горошину, на расстоянии $2\frac{1}{2}$ футов от шарика-Земли. Между Землей и Солнцем находились бы две другие внутренние планеты: Меркурий и Венера, в расстоянии одна 125, другая 250 ярдов от Солнца. Кругом и около этих тел была бы пустота, вплоть до Марса, находящегося на расстоянии 175 футов за Землей, до Юпитера, диаметром в 1 фут, на расстоянии почти 1 мили, Сатурна, несколько меньшего объемом, на расстоянии двух миль, Урана – на расстоянии четырех, и Нептуна – на расстоянии шести миль от Земли. А за этим... пустота... пустота – на протяжении тысяч миль, за исключением небольших частиц и плавающих остатков разреженного тумана. Ближайшая звезда от Земли по этому масштабу была бы на расстоянии 40 000 миль.

Эти цифры, быть может, несколько помогут нам составить понятие о той безмерности пространств, где разыгрывалась драма жизни.

О всех этих беспредельных мировых пространствах мы знаем достоверно лишь то, что происходит на поверхности нашей Земли; в глубины же ее нельзя проникнуть более, чем на три мили из 4000, отделяющих нас от центра земного шара; над поверхностью Земли жизнь поднимается всего на

расстояние не более пяти миль. По-видимому, все остальное безграничное пространство пусто и мертво.

Самые глубокие океанские исследования не превосходят пяти миль. Наивысший полет аэроплана достигал несколько более четырех. В воздушном шаре люди подымались до семи миль, но платились за это тяжелым страданием. Ни одна птица не может летать на высоте пяти миль, а небольшие птички и некоторые насекомые, которых поднимали на такую высоту в аэроплане, падали в бесчувственном состоянии задолго до достижения такой высоты.

Глава II. Мир во времени

За последние 50 лет высказывались очень тонкие и интересные соображения о возрасте и происхождении нашей Земли. Мы не беремся здесь подвести хотя бы общий итог таким соображениям, потому что это требует весьма тонких математических и физических рассуждений. В действительности, физические и астрономические науки еще настолько мало развиты, что все эти соображения являются ничем иным, как некоторыми живописными догадками. Общее стремление сводится к все большему и большему удлинению предполагаемого возраста нашей планеты. В настоящее время наиболее вероятным представляется, что Земля имела самостоятельное существование как вертящаяся вокруг себя наподобие веретена и облетающая вокруг Солнца планета, более чем в 2 000 000 000 лет. Быть может, срок этот был значительно продолжительнее. Такие сроки совершенно ускользают из области нашего воображения.

До этого длительного периода, периода самостоятельного существования Солнца, Земли и других вращающихся вокруг Солнца планет, они, быть может, существовали в виде вращающегося распыленного в пространстве вещества. Телескоп открывает нам в различных местах небосклона светящиеся спиральные облачные вещества – спиральные туманности, – которые кажутся движущимися вокруг какого-то

центра. Многие астрономы предполагают, что Солнце и планеты некогда представляли такую спираль и что их вещество лишь понемногу сконцентрировалось в свою теперешнюю форму. Это концентрирование продолжалось в течение бесконечных тысячелетий, пока, наконец, в тот неисчислимо древний период, о котором мы только что упоминали, не образовались Земля и сопутствующая ей Луна. В те времена они вращались значительно скорее, чем теперь; они находились ближе к Солнцу и совершали свой путь вокруг него гораздо быстрее; по всей вероятности, они были светящимися или расплавленными на своей поверхности. Да и Солнце тогда сияло с гораздо большей силой.

Если бы у нас была возможность вернуться вспять за весь этот бесконечный промежуток времени и увидеть Землю во время первой стадии ее истории, нам представилось бы нечто более похожее на внутренность доменной печи или на поверхность извергающейся лавы, прежде чем она успевает остыть и затвердеть. Воды еще не было бы видно, потому что вся существовавшая влага должна была превращаться в горячие пары и исчезать среди грозовой атмосферы серных и металлических испарений. Под ними должен был вращаться целый океан полурасплавленных скал; а по небосклону, покрытому пламенеющими тучами, быстро неслись, как огненное дыхание, Солнце и Луна.

Медленно и постепенно, по мере того, как миллион лет следовал за миллионом, эта пламенеющая картина теряет

свой вулканический вид. Туманы опускаются вниз, и благодаря этому верхний слой их разрежается; громадные глыбы застывающей массы, превращаясь в скалы, появляются на поверхности расплавленного моря и потом опускаются на дно, а на их месте появляются новые плавающие массы. Расстояние от Солнца и Луны удлиняется: объем их уменьшается, и они с меньшей быстротой прорезают небесное пространство. Луна, будучи меньшего размера, к этому времени уже настолько остыла, что перестает быть самосветящейся и только по очереди то отражает, то затемняет солнечный свет, сменяя полнолуние затмением.

Таким образом, с громадной медлительностью в течение беспредельного промежутка времени, Земля становится более похожей на обитаемую нами планету, пока, наконец, не наступает тот период времени, когда в остывшем воздухе пар сгущается в тучи и первые капли дождя падают с шипением на первую образовавшуюся скалу. В течение бесконечного ряда миллионов лет большая часть земной воды находится в состоянии тумана в воздухе. Но теперь горячие течения омывают кристаллизирующиеся скалы и образуют озера, в которые приносятся течениями и накаплиются осаждающиеся вещества.

Наконец, на Земле наступает такое состояние, при котором, казалось, человеку возможно было бы появиться, оглядеться и существовать. Если бы мы могли в то время посетить Землю, то очутились бы на громадных оголенных ска-

лах, не покрытых ни малейшим признаком Земли или живой растительности. Над нашими головами носились бы одни лишь грозовые тучи. Нас обуревали бы со всех сторон горячие грозовые ветры, более жгучие, более сильные, чем встречающиеся теперь смерчи. На нас изливали бы свои потоки такие ливни, о каких на Земле нашего времени, сравнительно умеренной и медлительной, нельзя составить себе никакого понятия. Воды этих ливней, изливаясь на нас, неслись бы дальше, мимо нас, мутные и бурлящие, унося с собою обломки скал, прорезая глубокие овраги и расселины, торопясь влить свои воды, со всеми их осадками, в ближайшее море. Сквозь разорванные тучи нам было бы видно Солнце: громадное Солнце, заметно передвигавшееся по небосклону. Землетрясения и извержения, как прилив и отлив, поочередно происходили бы ежедневно. И Луна, которая теперь лишь одною стороною своею обращена к Земле, тогда заметно вращалась, показывая нам и ту сторону, которую она теперь так упорно отворачивает от нас.

Земля старилась. Миллионы лет проносились за миллионами; день удлинялся; расстояние от Земли до Солнца увеличивалось, и солнечные лучи палили не так яростно; Луна замедляла быстроту своего движения; потоки вод и сила бури улеглись; воды, собравшись в отдельные моря, разрастались, сливались и вливались в океан, отныне окруживший нашу планету.

Но пока еще на Земле не было ничего живого. Моря были

безжизненны – скалы не приносили плода.

Глава III. Начало жизни

В наше время всем известно, что мы черпаем свои понятия о происхождении жизни из следов и окаменелостей, находимых в скалистых породах. Наряду со следами, оставленными первобытными приливами, отливами и ливнями в нефтяных и шиферных сланцах, меловых породах и песчаниках, мы находим в них также отпечатки костей, раковин, стеблей, стволов, плодов, следов животных, различные отметки и т. д. Внимательное изучение летописи этих скал и дает нам возможность составить себе понятие об истории жизни Земли. Это известно почти каждому. Скалы, образовавшиеся из осадков, состоят не из правильно расположенных пластов, а, наоборот, из пластов смятых, разбросанных, исковерканных и перемешанных, как листы книги в библиотеке, неоднократно подвергавшейся пожару и разграблению. Потребовалось много самоотверженно-преданной работы, многих жизней, для того, чтобы эту летопись привести в порядок и прочесть. Общая сложность веков, о которых нам повествуют скалы, исчисляется теперь в 1 600 000 000 лет. Первые скалы, о которых нам повествуется, называются Азойскими скалами, потому что в них отсутствует всякий признак жизни. Громадные голые пространства таких скал находятся в Сев. Америке, и слои их настолько толсты, что геологи считают, что они являются результатом половины

всей той эпохи в 1 600 000 000 лет, которыми исчисляется весь геологический период. Мне хочется обратить ваше внимание на этот чрезвычайно важный факт. Половина огромного промежутка времени, протекшего с того момента, как вода была отделена от Земли, не оставила по себе никакого следа жизни. В этих скалах найдены следы, оставленные прибоем и ливнями, но ни единого следа живого существа.

Изучая дальнейшие стадии Летописи Скал, все чаще и чаще встречаем мы признаки когда-то существовавшей жизни. Геологи называют период мировой истории, в который мы находим эти признаки, Нижне-Палеозойским. Первым указанием на то, что жизнь зашевелилась и закишела, являются следы, оставленные сравнительно несложными и простыми организмами: раковины небольших моллюсков, стебли и цветоподобные головы зоофитов, водоросли и следы, оставленные морскими червями и ракообразными. В очень ранний период появляются существа, подобные растительным вшам; ползающие существа, обладающие способностью сворачиваться в шар, как это делают растительные вши, трилобиты. Через несколько миллионов лет после этого появляются морские скорпионы, более подвижные и могущественные существа, чем все известные миру до этого времени.

Все эти существа были не особенно большого размера. Морские скорпионы, длиною в девять футов, принадлежали к самым большим. Но до нас не дошло от этого времени никаких следов жизни на суше – следов растений или живот-

ных. В этот период Летописи также не существовало ни рыб, ни позвоночных. Все растения и животные, оставившие по себе след за эту эпоху, принадлежат к породе мелководных, выброшенных на Землю во время прибоя. Если бы мы хотели найти на нашей Земле параллель для флоры и фауны скал Нижне-Палеозойского периода, мы могли бы всего лучше достигнуть этого, рассматривая под микроскопом каплю воды, добытую из лужи, образовавшейся на скале или в овраге. Маленькие моллюски, маленькие зоофиты и водоросли, которые мы увидели бы там, оказались бы поразительно похожими на своих более неуклюжих, громоздких прототипов, когда-то представлявших венец творения на планете.

Не следует, однако, забывать, что Нижне-Палеозойские скалы не дают нам ничего, что могло бы помочь нам составить представление о начатках жизни на нашей планете. Для того, чтобы оставить по себе либо отпечаток ноги, либо след пройденного пути, либо какой-нибудь другой окаменелый остаток, надо, чтобы существо обладало или костяком, или какой-либо другой твердой частью тела, или было покрыто раковиной; или же, чтобы оно было внушительных размеров и тяжести. И в настоящее время в мире существуют сотни тысяч пород маленьких мягкотелых живых существ, относительно которых нельзя себе представить, чтобы они могли оставить по себе след для будущих геологов. В мировом прошлом, быть может, миллионы миллионов таких пород существовали и размножались, процветали и исчезали,

не оставляя никаких следов. В теплых водах озер Азойского периода, быть может, в бесконечном разнообразии кишели простые студнеобразные, не обладающие ни раковиной, ни скелетом существа; и множество зеленых водяных растений могли расстилаться на согретых Солнцем скалах и по берегам, обнажавшимся во время отлива.

Летопись Скал такая же неполная запись жизни прошлого, как было бы неполно понятие о жизни окрестной местности, составленное на основании записи жизни, наблюдаемой лишь на берегу. Та или иная порода записывается в книги Летописи только с того момента, когда она вырабатывает скорлупу или иглы, или приобретает твердый стебель. В скалах предыдущих периодов, в которых не находят никаких следов окаменелостей, иногда встречается графит, т. е. чистая форма углерода, и некоторые авторитеты считают, что это, быть может, не что иное, как выделения незнакомых нам живых пород.

Глава IV. Век рыб

В то время, когда предполагалось, что мир существует всего лишь несколько тысяч лет, царила уверенность, что различные породы растений и животных, в определенном окончательном виде, были созданы каждая порода сама по себе, именно такую, какую встречаем мы ее ныне. С течением времени и с открытием и изучением Летописи Скал, уверенность эта уступила место предположению, что различные виды постепенно развивались и видоизменялись в течение веков, что, в свою очередь, привело к теории так называемой органической эволюции, полагающей, что все виды как животных, так и растений, населяющих Землю, путем постоянного медленного процесса, изменения, произошли от некоторой, весьма простой, прародительской формы жизни; от какого-то почти лишенного строения живого существа, относящегося к далеким временам так называемых Азойских морей.

Подобно вопросу о возрасте Земли, и этот вопрос об органической эволюции в свое время был областью жестоких пререканий. Было время, когда, вследствие несколько неясных причин, теория органической эволюции считалась несоответствующей здоровым верованиям – как христианскому, так и иудейскому и мусульманскому. Время это прошло, и ныне последователи самого правоверного католического,

протестантского, иудейского и магометанского исповеданий свободно приемлют эту новую широкую точку зрения об общем происхождении всех живых существ. Невозможно допустить, чтобы жизнь сразу появилась на Земле. Жизнь развивается постепенно, из века в век, в огромные периоды времени, перед которыми бледнеет всякое воображение. Жизнь зачалась и развивалась, начав с прозябания в тине, оставленной прибоями, и все ширясь к свободе, силе и сознательности.

Жизнь состоит из особей. Особи эти – вполне определенные предметы, отнюдь не похожие на глыбы или массы, ни на неподвижные кристаллы мертвой материи; они обладают двумя характерными признаками, которых ни одно мертвое тело не имеет. А именно: особи эти могут поглощать другие вещества и претворять их в свое собственное существо; а также могут воспроизводить самих себя. Они питаются и размножаются. Они производят других особей, почти во всем похожих на себя, но все же имеющих некоторые отличия. Между особью и ее отпрыском всегда существует специфическое и семейное сходство. Но также всегда существует индивидуальное различие между родителем и отпрыском, им произведенным... Это относится к каждому виду и к каждой стадии жизни.

Люди науки не в силах объяснить нам ни сходства отпрысков со своими родителями, ни отличия их от этих последних. Сходство и различие отпрысков постигается не науч-

ным знанием, а скорее здравым смыслом, который указывает и на то, что, если изменились условия существования вида, то при этом и самый вид испытывает соответствующие изменения. Во всяком поколении каждого вида имеется некоторое число особей, индивидуальные отличия которых делают их более приспособленными к жизни при тех новых условиях, в которых виду приходится проживать; равно как и известное число особей, индивидуальные отличия коих затрудняют для них жизнь в данных условиях. В общем, первый род особей будет жить дольше, даст больше отпрысков и размножится обильнее, чем второй; и потому в смене поколения поколением, орудия и средства приспособления вида изменятся в благоприятном направлении. Этот процесс, называемый «естественным подбором», является не столько научной теорией, сколько необходимым выводом, вытекающим из фактов воспроизведения и индивидуального отличия. Есть еще много сил, действующих в виде разнообразных разрушающих или сохраняющих породу факторов, еще не ясных и не поддающихся науке. Но всякий, отрицающий действие процесса естественного подбора на жизнь с самого ее зарождения, является либо неосведомленным относительно основных фактов жизни, либо неспособным к простому размышлению.

О зарождении жизни многие ученые высказывали свои предположения, и нередко предположения эти представляли большой интерес. Но до сих пор не имеется сколько-ни-

будь определенного знания и не высказано сколько-нибудь убедительной догадки о том, каким именно образом началась жизнь. Тем не менее, мнение большинства авторитетов сводится к тому, что, по всей вероятности, жизнь зачалась в грязи или песке, в теплых мелких солоноватых водах, пригреваемых Солнцем, и оттуда уже распространилась как на берег, за линию прибоя, так и в открытое море.

Этот ранний мир был миром сильных приливов и течений. Очевидно, что живые особи первоначальных пород, выбрасываемые ими на берег, за черту прибоя, или вовлекаемые в глубину моря, где они лишались воздуха и света, подвергались постоянному уничтожению. Первичные условия жизни благоприятствовали поэтому развитию кожных и иных защитных покровов, предохраняющих особь от быстрого иссыхания и способствующих тем самым ее развитию и укреплению. С самого начала развитие вкусовой способности направляло особь к пище; способность же ощущения света побуждала ее, с одной стороны, выбираться из морских глубин и пещер, а с другой – удаляться от слишком яркого света опасных мелких вод. Вероятно, первичные раковины и первые покровы тела живых существ были не столько защитой от врагов, сколько предохранением от высыхания. Тем не менее зубы и клешни появляются на сцену уже в самые ранние времена истории Земли.

Мы уже упоминали о размерах первичных водных скорпионов. В течение многих веков существа эти были власти-

телями жизни. Затем в Силурийский период, который составляет подразделение периода Палеозойского, древность которого многими геологами определяется в пятьсот миллионов лет, появляется новый тип существ, снабженных зубами и глазами и обладающих в высшей степени развитой способностью плавания. Это были первичные рыбы, самые первые из известных нам позвоночных.

Следы этих рыб появляются в следующем подразделении скалистых пород, известном под названием Девонской системы, – появляются в таком огромном количестве, что этот период Летописи Скал называется «Веком Рыб». Рыбы, как пород, давно исчезнувших с лица земли, так и напоминающие своим строением наших акул и осетров, носились в водах, подпрыгивая в воздух, питаясь среди морских подводных растений, преследуя и поедая друг друга и внося в воды, омывающие Землю, новое оживление. Рыбы эти, с современной точки зрения, не были особенно велики. Немногие из них превышали два-три фута длиною, но встречались и исключительные породы, длиною до двадцати футов.

Геология ничего не говорит нам о предках этих рыб. По-видимому, нельзя установить связь между ними и какими-либо предшествовавшими видами. Зоологи высказывают весьма интересные взгляды по вопросу о происхождении их, но взгляды эти вытекают из опытов над развитием икры при обычных жизненных условиях, а также из других источников. По-видимому, прародителями первых позвоночных

были мягкотелые, и возможно, что это были весьма малые плавающие существа, первые начавшие развивать твердые части во рту и около неба, например, зубы. Зубы ската покрывают небо и весь рот его и переходят на губу в виде зубообразных тупых чешуек, покрывающих большую часть его тела. По мере развития таких чешуек, – факт, отмеченный в геологической летописи, – рыбы переходят из сокровенного мрака прошлого на белый свет в виде первых позвоночных, занесенных на страницы земного архива.

Глава V. Век каменноугольных отложений

В «Век Рыб» почва, по-видимому, была совершенно безжизненна. Расщелины и уступы бесплодных скал подставляли поверхность свою дождю и Солнцу. Настоящей почвы еще не было, ибо не было еще земляных червей, способствующих развитию почвы; не было еще растений, которые могли бы превратить мелкий щебень выветривающихся скал в разрыхленную землю; не было и следов мхов и лишайников. Вся жизнь кишела только в море.

В мире бесплодных скал происходили большие климатические изменения. Последствия этих климатических изменений были весьма сложны и ждут еще достойной оценки. Изменение формы земной орбиты и постепенное склонение полюсов вращения видоизменяет очертание материков. Очевидно, что колебания в силе солнечной теплоты то подвергают значительные пространства земной поверхности в состоянии длинных периодов холода и льда, то вновь, в течение миллионов лет, ниспосылают тепло и награждают нашу планету ровным климатом. Очевидно также, что в истории мира были фазисы усиленной подземной деятельности, когда накопившиеся в течение нескольких миллионов лет наслоения земной коры прорывались рядом вулканических из-

вержений и изменяли горные и материковые очертания земного шара, углубляя дно морей, возвышая вершины гор и усиливая климатические крайности. За процессами этими следовали долгие века сравнительного спокойствия, в течение коих мороз, дожди и реки разрушали и смывали горные вершины и сносили в море большие количества ила, заполнявшего его дно, повышавшего его уровень и заставлявшего морскую воду разливаться все шире и мельче по земным пространствам. В истории мира был век «вершин и глубин»; были и века «ровные и неглубокие». Читатель должен расстаться с заблуждением, утверждающим, что земная поверхность образовывалась постепенно, охлаждаясь с момента затвердения земной коры. По достижении значительного охлаждения земная поверхность перестала зависеть от температуры земного центра.

Даже в Азойский период встречаются следы обильных льдов и снегов, свойственных «Ледниковому Веку».

Лишь к концу «Века Рыб», в период обилия мелководных морей и заливов, жизнь, действительно, выходит из воды и начинает распространяться по суше. Несомненно, что первичные формы появившихся видов уже начали свое развитие, в единичных случаях и при темных для нас условиях, за много десятков миллионов лет до этого времени. Но лишь теперь наступил благоприятный час для них.

Несомненно, что в своем нашествии на твердую Землю растения предшествовали животным, но, вероятно также,

что животные весьма скоро последовали за растениями. Первая задача, которую пришлось разрешить растению, когда оно покинуло волнующиеся воды, было нахождение твердой опоры, основываясь на которой оно могло бы подставлять свои ветви лучам Солнца. Второй задачей было приспособление к впитыванию его тканями влаги и добывание ее из болотистой почвы, в виду того, что вода не находилась уже так близко. Обе задачи были разрешены образованием древесной ткани, каковая служила как поддержкой, так и проводником влаги к листве. летопись Скал неожиданно обогащается великим разнообразием древесных болотистых растений, из которых многие достигали значительной высоты: большими древесными мхами, деревьями-папоротниками, гигантскими лишайниками и т. д. В связи с этим, с течением веков, из воды выползали весьма разнообразные формы животных. Явились стоножки и тысяченожки, явились первые примитивные насекомые, явились существа, родственные королевским крабам и морским скорпионам, из которых выработались первичные пауки и земные скорпионы, а затем появились и позвоночные животные.

Некоторые виды первичных насекомых достигали значительной величины. Так, появились драконовидные мухи с крыльями размером до 20 вершков.

Все эти новые виды и роды животных, тем или иным образом, приспособились к вдыханию окружающего воздуха. До того времени все животные дышали воздухом, растворен-

ным в воде, что они, собственно говоря, делают и по сие время. Разница была лишь в том, что представители животного царства, тем или иным путем, сами обрели способность выработать потребную им влагу.

В наше время человек с совершенно сухими легкими немедленно задохся бы. Для того, чтобы частицы воздуха могли входить в кровь через поверхность человеческого легкого, поверхность эта должна быть увлажнена. Приспособление к дыханию воздухом во всех случаях заключается либо в развитии покрова прежних жабр для предотвращения испарения, либо в развитии дыхательной трубки или иных дыхательных органов, находящихся глубоко в самом теле и увлажняемых водянистою секрецией. Те жабры, которыми дышала первичная рыба из породы позвоночных были не приспособлены для дыхания на суше; при указанном нами превращении, совершившемся в животном царстве, плавательный пузырь рыбы становится новым глубоко-сидящим дыхательным органом – легкими. Животные, называемые амфибиями – знакомые нам лягушки и ящерицы – начинают жизнь, дыша через жабры. Впоследствии легкое их, развивающееся, подобно плавательному пузырю многих рыб, в виде мешкообразного нароста в горле, принимает на себя дыхательные функции. Животные выходят на сушу. Жабры же сходят на нет, и щели, из которых они вырастают, исчезают (за исключением отростка жаберной щели, становящегося проходом уха и барабанной перепонки). С этого момента

животное может жить только на воздухе, но для метания икры и воспроизведения себе подобных должно возвращаться, по крайней мере, к берегу воды.

Все дышащие воздухом породы позвоночных, относящиеся к данному веку болот и растений, принадлежат к классу амфибий. Почти все формы этих животных были сродни знакомым нам ящерицам. Некоторые же из них достигали значительной величины. Правда, они были сухопутными животными, но тем не менее могли жить лишь в сырых и болотистых местах или около таковых. Все значительные деревья того периода по привычкам своим также походили на амфибий. Ни одно из них не производило таких семян и плодов, которые при падении на почву могли бы прорасти при помощи влаги, доставляемой только дождем и росой. По-видимому, деревьям этим приходилось стряхивать свои споры в воду для того, чтобы размножаться.

Любопытнейшей частью интереснейшей из наук – сравнительной анатомии – является определение совокупности удивительных приспособлений живых существ к необходимости жизни на воздухе. Все живые существа – как растения, так и животные – первоначально были водяными существами. Все высшие позвоночные животные – от рыб до человека включительно – проходят через стадию постепенного развития или в яйце или в утробе, в течение которой они имеют жаберные щели, каковые атрофируются до появления их на свет. Голый, омываемый водою рыбий глаз – у высших

форм предохраняется от засыхания веками и железами, выделяющими влагу. Слабость звуковых волн воздуха приводит к необходимости создания барабанной перепонки. Почти во всяком органе тела заметны подобные изменения и приспособления, видна та же подготовка к принятию атмосферных условий.

Этот каменноугольный период, век амфибий, был веком жизни в болотах, заливах и на низких берегах, прилегающих к водам. Это и был предел, до которого простиралась уже жизнь. Горы и плоскогорья по прежнему оставались бесплодными и безжизненными. Жизнь научилась дышать воздухом, но корни ее по-прежнему находились в родной водной среде и по-прежнему должны были возвращаться к воде для воспроизведения своего рода.

Глава VI. Век пресмыкающихся

За богатой жизнью Каменноугольного периода последовал длинный ряд сухих и суровых эпох. Об этом можно судить по отложившимся толстым пластам в скалах, песчаниках и т. д., в которых, впрочем, ископаемые встречаются сравнительно редко. Температура мира резко колебалась, и временами наступали длинные промежутки ледяного холода. На обширных пространствах иссякла всякая болотная растительность; они покрылись новыми отложениями, и это положило начало тому процессу прессовки и окаменения, который дал современному миру большинство его угольных залежей.

Но именно в такие переходные эпохи жизнь подвергается наиболее быстрым изменениям и из трудностей извлекает она самые ценные уроки. При возвращении к теплу и влаге мы находим ряд новых форм растений и живых существ. В летописи Скал видны остатки позвоночных животных, несущих яйца, из которых вылупливались не головастики, живущие первое время в воде, но особи, настолько близкие к вполне развившимся формам, что они могли жить на воздухе с первой же минуты самостоятельного существования. Жабры исчезли совершенно, и жаберные щели сохранялись только в зародышевой стадии развития особи.

Эти новые существа, не проходящие стадии головастика,

образуют породу пресмыкающихся. Одновременно с их появлением началось и развитие деревьев, размножающихся при посредстве семян, без помощи болот и озер. Появляются пальмовые, цикадовые и многие формы тропических хвойных, хотя цветковых растений и трав еще не было. Особенно велико было количество папоротников; увеличилось также разнообразие и число видов насекомых. Появились жуки, хотя бабочки и пчелы принадлежали еще к породам будущего. Но основные формы новой, действительно земной, фауны и флоры уже зародились в этот долгий и суровый период. Новая континентальная жизнь ждала только более благоприятных условий, чтобы развиваться и победить.

Век за веком, с перерывами и колебаниями, устанавливались эти, более мягкие условия существования. Неисчислимые изменения земной коры, изменение земной орбиты, увеличение и уменьшение угла склонения орбиты и полюсов, – все это, вместе взятое, содействовало широкому распространению тепла. В настоящее время предполагают, что период этот длился более 200 миллионов лет. Он называется Мезозойским периодом, или иначе «Веком Пресмыкающихся», из-за громадного преобладания и разнообразия этой формы жизни, в отличие от более продолжительных Палеозойского и Азойского периодов (в сумме дающих около 1400 миллионов лет), предшествовавших ему, и от Кайнозойского периода, или периода «Новой Жизни», следующего за ним и продолжающегося до нашего времени; Мезозой-

ский период завершился около 80 миллионов лет назад.

В современном нам мире пресмыкающиеся сравнительно редки и местопребывание их весьма ограничено. Правда, они более разнообразны, чем немногие выжившие члены семейства амфибий, которые в Каменноугольный период преобладали на Земле. Существуют и теперь змеи, морские и речные черепахи (*Chelonia*), аллигаторы, крокодилы и ящерицы. Все они, без исключения, существа, требующие тепла круглый год. Они не выносят холода, и весьма вероятно, что это относится в не меньшей степени и к пресмыкающимся Мезозойского периода. То была тепличная фауна, существовавшая среди тепличной флоры. Она не выдерживала мороза. Но, по крайней мере, мир получил настоящую земную фауну и флору вместо болотной, илистой фауны и флоры предыдущего периода, – периода зарождения жизни на Земле.

Все виды пресмыкающихся, известные теперь, были представлены тогда более полно: огромные черепахи, огромные крокодилы и многие ящерицы и змеи; но кроме них было много видов поразительных существ, теперь совершенно исчезнувших с лица земли. Существовало большое разнообразие существ, называемых динозаврами. Растительность начала распространяться по всем низинам в виде тростников, хвощей и т. д. Питаясь за счет этого изобилия растительности, появилось множество травоядных пресмыкающихся, увеличивающихся в своем объеме по мере того, как Мезо-

зойский период подходил к своему расцвету. Некоторые из этих животных своими размерами превосходили все сухопутные живые существа, когда-либо существовавшие. Объемом они были не меньше наших китов; например, *Diplodocus Carnegii* имел 84 фута от головы до хвоста. Гигантозавр был еще больше; длиной он доходил до 100 футов. За счет этих чудовищ питалось множество плотоядных динозавров соответственного размера. Один из них, тираннозавр, изображается и описывается во многих книгах, как самая необычайная разновидность пресмыкающегося чудовища.

В то время, как эти громадные существа паслись и преследовали друг друга среди лиственных и вечно зеленых Мезозойских чащ, другое, теперь исчезнувшее племя пресмыкающихся, развитием передних ног напоминающих летучих мышей, преследовало друг друга и насекомых, вначале только подпрыгивая и взлетая на воздух, впоследствии научившись летать среди листвы и ветвей лесных деревьев. Это были птеродактили, первые летающие позвоночные существа, и их появление отмечает новое достижение развивающихся способностей позвоночных животных.

Кроме того, некоторые пресмыкающиеся начинают возвращаться в моря. Три группы крупных плавающих существ снова вторгаются в те воды, которые некогда были заселены их предками: мезозавры, плезиозавры и ихтиозавры. Некоторые из них по размеру также приближались к современным китам. Ихтиозавры были, по-видимому, исключитель-

но водными животными, но плезиозавры не имеют теперь ничего себе подобного. Большое толстое тело с лопастями, приспособленными к плаванию или ползанию по болотам или дну мелких вод. Сравнительно маленькая голова заканчивала длиннейшую змееобразную шею, значительно более длинную, чем шея лебедя. Плезиозавры либо плавали, находя себе пищу под водой, питаясь подобно лебедям, либо прятались в воде, хватая проносящихся рыб и животных.

Такова была преобладающая земная жизнь в Мезозойский период. По нашему человеческому суждению, это был прогресс по сравнению со всем предшествующим. Он породил сухопутных животных более значительных размеров. Область, в которой они были в состоянии жить, значительно расширилась; они стали сильнее и деятельнее, более «жизненны», как теперь принято говорить, чем все, что мир знал до того. В жизни морей такого прогресса не произошло. Там мы замечаем лишь значительное размножение новых видов жизни. Огромное разнообразие головоногих, аммонитов, покрытых створчатыми и большею частью спиральными раковинами, появилось в мелких водах. Предки их существовали в Палеозойский период, но теперь наступил момент их расцвета. В наше время от них не осталось никакого потомства. Самый близкий их родственник – это жемчужный наutilus, живущий в тропических морях. Новый, более быстро размножающийся тип рыб, с чешуей, более легкой и совершенной, чем бронеподобные, зубообразные покровы

существующие до тех пор, сделался и остался самым распространенным в морях и реках.

Глава VII. Первые птицы и млекопитающие

В нескольких параграфах мы очертили картину этого первого расцвета жизни в Мезозойский период, богатый растительностью и кишачий жизнью. Но в то время, как динозавры властвовали на горячих и болотистых низинах, и птеродактили наполняли леса шелестом своих крыльев, а, может быть, и криками и карканьем, преследуя жужжащих насекомых среди кустов и деревьев, пока еще лишенных всякого цвета, другие существа, менее заметные и менее многочисленные, приобретали, на окраинах этой разнообразной жизни, известные способности и получали известные уроки выносливости, которые должны были сослужить их племени огромную службу в будущем, когда, наконец, стала тускнеть радостная щедрость Солнца и Земли.

Группы известных семейств и видов подпрыгивающих пресмыкающихся, небольших животных, принадлежащих к типу динозавров, были, по-видимому, вынуждены соревнованием и преследованием своих врагов выбирать между вымиранием или приспособлением к более холодным климатическим условиям на высотах и на побережьях морей.

У этих вытесненных пород развился новый вид чешуи: отдельные чешуйки вытянулись и постепенно начали разде-

ляться, приобретая пока еще только грубую начальную форму пера. Эти перьеподобные чешуйки лежали друг на друге и образовали задерживающий тепло покров, более действенный, нежели все покровы пресмыкающихся, существовавших до того времени. Таким образом, сделалось возможным заселение более холодных областей, которые иначе остались бы необитаемыми. Может быть, одновременно с этими переменами у животных возникла большая заботливость о своих яйцах. Большинство пресмыкающихся, по-видимому, совершенно не заботится о своих яйцах, которые согреваются солнечным теплом. Но некоторые разновидности этой новой отрасли жизни начали приобретать привычку охранять свои яйца и согревать их теплотой своего тела.

Наряду с этими приспособлениями к холоду, происходили другие внутренние изменения, которые делали эти существа – первобытных птиц – теплопокровными и независимыми от согревания солнечными лучами. Первые птицы были, по всей вероятности, морскими, питающимися рыбой, и их передние члены были не крыльями, а плавниками, довольно похожими на те, которые мы и теперь видим у пингвина. Киви – новозеландская птица, принадлежащая к первобытному типу, обладает перьями весьма упрощенной конструкции и не только не обладает способностью летать, но, по-видимому, и не происходит от летавших предков. В истории развития птиц мы видим появление перьев до появления крыльев. Но раз перья появились, то способность с легкостью

распускать перья неизбежно должна была привести к созданию крыла. Нам известна одна окаменелость птицы, у которой зубы, найденные в челюсти, и длинный хвост указывают на ее принадлежность к типу пресмыкающихся, но у которой было и настоящее птичье крыло и которая, во всяком случае, была бы способна летать и оспаривать свое право на существование среди птеродактилей Мезозойского периода. Если бы человек имел возможность вернуться в типичную Мезозойскую страну, он бродил бы там долгие дни, не видя и не слыша ничего, напоминающего птицу, хотя и видел бы большое количество птеродактилей и насекомых.

И еще одного он не увидел бы там, а именно: не увидел бы и следа млекопитающих. Вероятно, первые млекопитающие существовали за миллионы лет до появления того, что можно было бы назвать птицей, но они были слишком малы и незаметны, чтобы привлечь к себе внимание.

Первые млекопитающие, как и первые птицы, были теми существами, которые оказались вынуждены борьбой за существование и преследованием перейти к более суровым условиям жизни и приспособиться к холоду. У них также чешуя стала перистой и развилась в покров, задерживающий тепло. И они также подвергались изменениям, таким же по существу, хотя и иным в подробностях, чтобы стать теплокровными и независимыми от солнечных лучей. Вместо перьев у них развились волосы, и вместо того, чтобы охранять и согревать яйца, они держали их в теплоте и безопасности

своего собственного тела почти до полного развития. Большинство из них стало производить на свет живых детенышей. Даже после их рождения они стремились охранять и питать их. В настоящее время большинство, хотя и не все млекопитающие, обладают сосками, с помощью которых они вскармливают детенышей. Существует еще две разновидности млекопитающих, которые несут яйца и не имеют сосков, хотя и вскармливают детенышей питательными выделениями своей кожи; это так называемые «platypus», с утинообразным клювом, а также ехидна. Ехидна тоже несет яйца с кожистой оболочкой, сохраняя их в особой сумке под животом, и, таким образом, вынашивает их в тепле и безопасности до минуты вылупления.

Если случайный посетитель страны Мезозойского периода мог бы провести целые дни и недели в тщетных поисках птицы, то не более успешны были бы и его поиски следов млекопитающих, если бы он не знал точно, куда направиться и где искать их.

И птицы, и млекопитающие показались бы ему странными, незначительными и второстепенными существами в Мезозойский период.

Предполагают, что век пресмыкающихся продолжался 80 миллионов лет. Если бы какой-нибудь человекоподобный ум следил за миром в продолжение этого необъятного промежутка времени, какими надежными и вечными должны были бы показаться ему и солнечный свет, и изобилие всего окру-

жающего; каким обеспеченным – благоденствие динозавров и множества летающих ящеров. Но вот таинственный ритм и накапливающаяся энергия вселенной обратились против этой quasi-вечности. Изобилующий источник жизни начал истощаться. Шли века за веками, проходили мириады за мириадами лет и – с задержками и возвращениями вспять – наступил поворот в сторону ухудшения условий существования; наступили колоссальные перемены в уровне земных плоскостей, передел морей и возвышенностей. В летописи Скалы находим факт, очень показательный для постепенного и постоянного изменения условий, а именно: сильнейшие изменения живых форм и появление новых странных пород. Под все сгущающейся угрозой вымирания, более старые роды и виды развивают до крайних пределов свою способность приспособления к условиям. Аммониты, например, во время последнего фазиса Мезозойского периода, представляют картину самых разнообразных и фантастических форм. В установившихся условиях новые породы не находят себе поддержки; они не развиваются, они подавляются. Наиболее приспособленные заняли уже все места. При перемене условий всего более страдает обыкновенный, установившийся тип, тогда как новые формы выживают и укрепляются...

В летописи Скалы наступает перерыв, который длится несколько миллионов лет. Даже самые общие черты истории развития жизни скрыты от нас туманом неизвестности. Когда этот туман вновь рассеивается, то век пресмыкающихся

ся уже закончен: динозавры, плезиозавры и ихтиозавры, птеродактили, бесконечные виды и роды аммонитов совершенно исчезли. Все бесчисленные разновидности их погибли, не оставив потомства. Холод убил их. Все разнообразие их оказалось под конец недостаточным; им не удалось найти для себя условий, при которых они могли бы выжить. Мир должен был пройти через полосу таких крайностей, которые превысили их выносливость, и произошло медленное и полное истребление Мезозойской жизни. Нам представляется новая картина, мы видим новую закаленную флору и фауну, завладевшую Землей.

Новая эпоха жизни начинается среди мрачной и оскудевшей картины. Цикады и тропические хвой уступают место деревьям, меняющим листву для того, чтобы избежать гибели от зимних снегов; появляются цветочные растения и кусты, а на место изобилия пресмыкающихся – все увеличивающееся разнообразие птиц и млекопитающих вступает свои права.

Глава VIII. Век млекопитающих

Начало следующего великого периода жизни Земли – Кайнозойского – было эпохой подъемов почвы и крайней вулканической деятельности. Тогда воздвигались грозды Альп и Гималаев, хребты Скалистых гор и Анд; тогда же появились еще грубые очертания современных океанов и материков. Географическая карта мира, впервые, начала смутно походить на карту наших дней. Теперь считают, что с начала Кайнозойского периода до настоящего времени прошло около 80 000 000 лет.

В начале Кайнозойского периода климат Земли был суров. Постепенно он становился все теплее, и, наконец, новая эпоха изобилия была достигнута; затем условия стали опять ухудшаться, и Земля снова вошла в состояние крайнего холода, – в ледниковый период, из которого она в настоящее время медленно выходит.

Мы еще недостаточно знаем причины климатических перемен, чтобы предсказать возможные, предстоящие нам изменения климатических колебаний. Быть может, мы приближаемся к возрастающему солнечному теплу или обращаемся вспять, к новому Ледниковому периоду; вулканическая деятельность и колебания горных масс, быть может, увеличиваются или уменьшаются; мы этого не знаем; наука наша слишком несовершенна.

С начала этого периода появляются травы; появляются и первые в мире пастбища; а с полным развитием раньше незаметного типа млекопитающих, нарождаются многие интересные травоядные и живущие за их счет плотоядные животные.

Сначала эти первые млекопитающие как будто бы мало отличались от тех травоядных и плотоядных пресмыкающихся, которые за много веков до их появления благоденствовали на Земле, а затем исчезли с ее лица. Поверхностному наблюдателю может показаться, что в этом втором, начинающемся долгом веке тепла и изобилия природа лишь повторяет первый век, с травоядными и плотоядными млекопитающими вместо прежних плотоядных и травоядных динозавров; птицами – вместо птеродактилей и т. д. Но сравнение это было бы очень поверхностно. Разнообразие вселенной бесконечно и неизменно: она прогрессирует вечно; история никогда не повторяется, и никакие сравнения не бывают вполне точны. Различия между жизнью Мезозойского и Кайнозойского периодов идут несравненно глубже, чем их сходства.

Самое основное различие лежит в умственной жизни этих двух периодов. Происходит оно, главным образом, из-за того, что отношения между родителями и их детенышами не прерываются; это отличает жизнь млекопитающих и, в меньшей степени, жизнь птиц, от жизни пресмыкающихся. За очень редкими исключениями, пресмыкающиеся предостав-

ляют своим яйцам выводиться самостоятельно. Вновь появляющееся пресмыкающееся не имеет понятия о родителях; та умственная жизнь, которой оно обладает, всецело ограничена его собственным опытом. Оно может допускать существование себе подобных, но оно не имеет с ними никакого общения; еще им не подражает, ничему от них не научается, и не способно к совместным с ними действиям. Жизнь его есть жизнь изолированной единицы. Но, вместе с вскармливанием и заботой о детях, т. е. отличительной чертой новых млекопитающих и птичьих пород, возникла возможность учиться посредством подражания; возможность общения и самозащиты путем предупреждающих криков и других совместных действий; возможность взаимной опеки и воспитания. На Земле возникла форма жизни, способная к «восприятию учения».

Размер мозга у самых ранних видов млекопитающих Кайнозойского периода не много превосходит размер мозга более деятельных из плотоядных динозавров; но, продолжая изучать оставшиеся следы и приближаясь к современной эпохе, мы замечаем у всех видов млекопитающих постоянное и равномерное развитие умственных способностей. Например, в сравнительно ранний период, появляются животные, подобные носорогу. Существовало животное – титанотерий, жившее в самом начале Кайнозойского периода. По-видимому, в своих привычках и потребностях оно было весьма похоже на современного носорога, но умственные

способности его были не более одной десятой части способностей ныне существующих потомков его.

Вероятно, первые млекопитающие, вскормив своих детенышей, покидали их; но, после того, как возникла способность взаимного понимания, выяснились все преимущества поддержания связи, – вскоре мы замечаем, что многие виды млекопитающих переходят к началам настоящей общественной жизни и держатся вместе, стаями и стадами, следя друг за другом, подражая друг другу, предупреждая об опасности криками и движениями. Ничего подобного до сих пор мир не видел среди позвоночных животных. Конечно, пресмыкающиеся и рыбы часто также жили стаями. Яйца их клались в большом количестве зараз, а одинаковые внешние условия заставляли их держаться вместе. Но совместное пребывание стадных млекопитающих происходит не только вследствие совокупности внешних причин, а поддерживается внутренним инстинктом. Они не только схожи между собой и потому находятся на одном и том же месте в одно и то же время; они чувствуют привязанность друг к другу, и поэтому держатся вместе.

Нашему уму невозможно постигнуть границу между миром пресмыкающихся и миром человеческого разума. Мы не можем вообразить в самих себе быструю, несложную стремительность инстинктивных побуждений пресмыкающихся, его потребностей, его страха и ненависти. Мы не можем понять их во всей их простоте, потому что все наши побуж-

дения сложны; наши побуждения руководятся не простыми потребностями, а являются результатом взвешивания и выводов. Но и у млекопитающих и у птиц есть сдерживающие факторы, забота о других особях, чувство общности, т. е. самообладания, как и у нас, хотя в более примитивной форме. Следовательно, почти со всеми из них мы можем устанавливать отношения. Страдая, они испускают крики и производят движения, возбуждающие наше сочувствие. Мы можем воспитывать из них понятливых любимцев, платящих нам взаимностью. Они могут быть приучены к сдержанности в своих отношениях с нами, могут быть воспитаны и приручены.

Необыкновенный рост мозга в Кайнозойский период отмечает начало новых отношений и взаимной зависимости отдельных животных. Он является как бы прообразом развития человеческих обществ, о которых нам придется скоро говорить.

По мере развития Кайнозойского периода сходство его флоры и фауны с растениями и животными наших дней все увеличивается. Большие, неуклюжие унитатерии и титанотерии, большие и неуклюжие чудовища, непохожие ни на что существующее, исчезают. С другой стороны ряд новых форм медленно и постепенно ведет от уродливых и неуклюжих предков к жирафам, верблюдам, лошадям, слонам, оленям, собакам, львам и тиграм современного мира. Особенно легко проследить в геологической летописи эволюцию лоша-

ди. Имеется довольно полный ряд форм, начиная с маленького, похожего на тапира животного в начале Кайнозойского периода. Также удалось проследить и составить себе довольно точное понятие о стадиях развития верблюда и ламы.

Глава IX. Мартышки, обезьяны и получеловек

Естествоиспытатели подразделяют класс млекопитающих на ряд видов. Во главе их стоит ряд «приматов», в которые входят: лемуры, мартышки, обезьяны и человек. Эту классификацию основывали вначале на анатомических сходствах, не принимая во внимание умственных способностей.

По геологической летописи в истории приматов чрезвычайно трудно разобраться. Большею частью эти животные, подобно мартышкам и лемурам, жили в лесах, или, подобно павианам, в голых скалистых местностях. Редко случалось, чтобы они тонули и покрывались осадками; большинство из них не имело многочисленных разновидностей; поэтому следы их реже встречаются среди окаменелостей, чем следы предков лошади, верблюда и т. д. Мы знаем, что в самом начале Кайнозойского периода, т. е. около 4 000 000 лет назад появились первобытные мартышки и лемуврообразные существа, более бедно наделенные мозговыми способностями и не такие разнообразные, как их позднейшие потомки.

Великое лето Земли Средне-Кайнозойского периода начинало приближаться к концу. Ему суждено было последовать за двумя другими великими эпохами истории жизни: летом Века каменно-угольных болот и летом Века пре-

смыкающихся. Еще раз Земля приблизилась к Ледниковому периоду. Мир охладился, потом временно стал теплее, потом опять охладился. В теплом климате прошлого гиппопотам бродил среди богатой субтропической растительности, и огромный тигр с клыками, напоминающими сабли, – саблезубый тигр – охотился за добычей в той местности, где теперь торопливо снуют журналисты Флит-Стрита. Суровый век сменяется еще более суровым. Отбор и вымирание видов происходит в огромном масштабе. Появляется косматый носорог, приспособленный к холодному климату, большой косматый мамонт, родственник слону, полярный мускусный бык и северный олень. И вот, век за веком, сползал все ниже к югу ледяной покров, жестокая смерть великих ледниковых периодов. В Англии он достиг почти берегов Темзы; в Америке спустился до Огайо. На несколько тысячелетий на Земле наступали более теплые времена, потом вновь она возвращалась к жестокому холоду.

Геологи говорят об этих земных эпохах, как о первом, втором, третьем и четвертом Ледниковых Периодах, а о перерывах, как о Межледниковых. В настоящее время мы живем в мире, оскудевшем и отмеченном этой страшной зимой. Первый Ледниковый Период наступил 600 000 лет тому назад; четвертый достиг своего крайнего сурового предела около 50 000 лет тому назад. И в снегах этой длинной мировой зимы жили первые человекоподобные существа нашей планеты.

Около середины Кайнозойского периода появились различные обезьяны с некоторыми получеловеческими чертами – челюстью и костями ног; но только приблизительно с Ледникового Периода мы находим следы существа, которое можно назвать «почти-человеческим». Эти следы были не кости, а предметы обихода. В Европе, в залежах этого периода, т. е. в залежах, которым около $1/2$ миллиона или 1 миллион лет, мы находим кремни и камни, по-видимому, обточенные каким-то существом, обладающим руками, с целью вбивать что-либо, скоблить или драться острым краем. Предметы эти названы «эолитами» (камнями рассвета). В Европе не находили костей или других остатков того существа, которое обделывало эти предметы. Обнаруживали только самые предметы. Мы можем предполагать, что эти существа были особо развитой породой мартышек, еще совсем нечеловекообразных. Но в Триниле, на острове Яве, в залежах этого периода найдены часть черепа и различные зубы и кости какой-то обезьяны-человека с черепной коробкой большего размера, чем у существующих обезьян, и который, по-видимому, ходил на двух ногах. Существо это теперь называют *Pithecanthropus erectus*, т. е. ходячим обезьяно-человеком: и маленькая кучка оставшихся от него костей – единственное пособие нашему воображению в представлении о создателях эолитов.

Только при переходе к исследованию песчаников, насчитывающих почти четверть миллиона лет, находим мы

остатки получеловеческого существа. Но зато найдено много предметов обихода, и чем дальше разбираемся мы в следах того времени, тем совершеннее становится их качество. Это уже не неуклюжие эолиты; это более совершенные орудия, довольно искусно сделанные. И они значительно крупнее, чем подобные им предметы, сделанные впоследствии настоящим человеком. Потом, при выемке песка в Гейдельберге, нашли одну получеловеческую челюсть, грубую, совершенно без подбородка, гораздо тяжелее и уже, чем челюсть настоящего человека, так что язык этого существа вряд ли мог двигаться достаточно свободно для речи. На основании этой челюсти ученые предполагали, что существо это было тяжеловесное, человекоподобное чудовище, может быть, с огромными руками и ногами, может быть, покрытое густою косматою шерстью; они называют его Гейдельбергским человеком.

Эта челюсть кажется мне одним из самых мучительных для нашей любознательности предметов на свете. Глядя на нее, мы как будто смотрим на прошлое сквозь плохое стекло, и только неясно удается нам уловить смутный образ этого существа, волочашегося по суровой дикой пустыне, с трудом изворачивающегося, чтобы избежать тигра с саблеобразными клыками, подстерегающего в лесах косматого носорога. Но не успеваешь разглядеть его, как чудовище уже исчезло, хотя вся почва обильно усеяна неразрушенными предметами, которые оно вытесало для своего употребления.

Еще заманчивее, загадочнее остатки существа, найденные

в Пилтдауне, в Суссэксе, в залежах двухсоттысячной древности, хотя некоторые ученые предполагают, что они по времени старше Гейдельбергской челюсти. Здесь были найдены остатки толстого получеловеческого черепа, гораздо крупнее, чем у существующих обезьян; челюсть, похожая на челюсть шимпанзе, которая могла бы принадлежать, но могла бы и не принадлежать этому черепу, вдобавок кусок слоновой кости, лопатообразной формы, по-видимому осторожно выделанной и с просверленной дырой. Здесь же найдена была берцовая кость оленя с напоминающими наши бирки надрезами... И это все.

Что за животное было это – существо, сидевшее и сверлившее дыры в костях?

Ученые назвали его: Эоантропос – Человек Рассвета. Он совершенно своеобразен, не похож ни на Гейдельбергского человека, ни на современных обезьян. Никаких других остатков, на которые бы он походил, не было еще найдено, но залежи гравия, не древнее ста тысяч лет тому назад, становятся все богаче орудиями из кремней и подобных им камней. И орудия эти уже не грубые эолиты. Археологи начинают постепенно различать орудия для скобления, сверла, ножи, дротики, метательные камни, ручные топоры.

Мы уже подходим близко к человеку. В следующей главе нам придется описать самого странного из человеческих предков – Неандертальца, человека, который почти, но все же не совсем настоящий человек.

Но, быть может, уместно будет упомянуть, что ни один ученый не предполагает, чтобы эти существа были прямыми предками современного человека. В лучшем случае это могли быть лишь родственные ему формы.

Глава X. Неандертальский и Родезианский человек

Пятьдесят или шестьдесят тысяч лет тому назад, как раз перед окончанием Четвертого Ледникового периода, на Земле обитало существо, настолько похожее на человека, что сохранившиеся остатки его еще несколько лет тому назад считались человеческими. Сохранились черепа, кости и большое количество крупных орудий, созданных и употреблявшихся им. Это существо умело пользоваться огнем. Оно укрывалось от холода в пещерах. По всей вероятности, оно грубо обрабатывало кожи животных, употребляя их для одежды. У него, как и у человека, правая рука была более развита, чем левая.

Но теперь этнологи говорят нам, что эти существа не были людьми. Они принадлежали к другому виду того же рода. У них были тяжелые, выдвинутые вперед челюсти, очень низкие лбы и крупные надбровные выпуклости над глазами. Большие пальцы на руках не были расположены так, как у людей, т. е. не давали им возможности хватывать предметы; шея их не позволяла им ни поворачивать голову, ни поднимать ее к небу. По всей вероятности, они передвигались, опустив голову и выдвинув ее вперед. Челюсти их, лишенные всякого подбородка, напоминают челюсть, найденную в

Гейдельберге, и определенно не похожи на человеческие челюсти. Строение их зубов также очень отличается от человеческих зубов. Задние коренные зубы более сложной структуры, нежели наши; более, а не менее сложной; у них не было также ясно выраженных клыков, присущих обыкновенному человеку. Объем их черепа вполне соответствовал черепу человека, но мозг их был больше в своей задней части и меньше в своей передней части, чем человеческий. Умственные способности их были иначе устроены, чем у человека. Они не были предками человеческого рода; они стояли в разных плоскостях с человеческим родом. Черепа и кости вымершей породы человека были найдены, между прочим, также в Неандертале, и отсюда эти странные человеческие прототипы получили прозвище Неандертальского человека или Неандертальца. В Европе они должны были существовать в течение столетий, а может быть, и тысячелетий.

В то время климат и география нашей Земли очень отличались от теперешних. Например, вся Европа, от Темзы до Средней Германии и России, была покрыта льдом. Великобритания еще не отделялась каналом от Франции. Средиземное и Красное моря представляли большие долины, в низинах которых, быть может, образовалась целая цепь озер, и громадное внутреннее море занимало все пространство от теперешнего Черного моря, через весь Юг России до глубины Центральной Азии. Испания и вся часть Европы, не покрытая льдом, состояла из голых возвышенных плоскогорий,

с климатом суровее Лабрадорского; только начиная с Северной Африки климат становился более умеренным. По холодным степям южной Европы, с их бедной полярной растительностью, странствовали такие выносливые существа, как, например! косматый мамонт, косматый носорог, громадные волы и северные олени, которые, во всей вероятности, следовали за растительностью: весной – на север, осенью – на юг.

Такова была картина, среди которой бродил Неандертальский человек, питаясь мелкой дичью, плодами, ягодами и кореньями. По всей вероятности, он был вегетарианцем и пережевывал ветви и коренья. Его ровные, хорошо развитые зубы указывают на почти исключительно вегетарианское питание. Но в его пещерах находили также длинные кости крупных животных, расщепленные, очевидно, с целью достать из них костный мозг. Орудия, которыми он обладал, вряд ли могли оказывать ему большие услуги в открытом бою с крупными животными, но предполагают, что он нападал на них с копьем у трудных для них переправ через реки, и даже сооружал для них западни. Быть может, он следовал за стадами, питаясь теми животными, которые убивали друг друга при драке, и может быть также, что он исполнял роль шакала при тигре с саблеобразными клыками. Возможно, что эти существа, во времена суровых испытаний Ледникового Периода, начали нападать на животных, тогда как до того, в течение долгих веков, они приспособлялись к вегетарианскому питанию. Нам трудно себе представить, на что был похож Неан-

дертальский человек. Быть может, он был густо обросший волосами и очень мало походил на человека. Сомнительно даже, чтобы он держался прямо на двух ногах. Может быть, он опирался не только на ноги, но и на кисти рук. Вероятно, он жил в одиночестве или небольшими семьями. Строение его челюсти заставляет нас заключить, что он был неспособен говорить в том смысле, в каком мы понимаем речь.

В течение тысячелетий Неандертальцы были высшим типом животного, когда-либо существовавшего на Европейском материке; а затем, тридцать или тридцать пять тысяч лет назад, по мере смягчения климата, другая раса родственных существ, более развитая умственно, более сведущая, обладающая даром слова и умеющая совместно действовать, пришла с юга и заплонила мир Неандертальца. Они вытеснили Неандертальцев из их пещер и насиженных логовищ, они охотились за той же пищей; по всей вероятности, они воювали со своими косматыми предшественниками и уничтожили их. Эти пришельцы с юга или востока – нам еще неизвестно достаточно точно место их происхождения, – которые понемногу совершенно уничтожили Неандертальцев, были одного рода с нами: мы – кость от кости и кровь от крови их, и они-то и были первые настоящие люди. Их черепа и большие пальцы, шея и губы были анатомически во всем сходны с нашими. В пещере Кро-Маньон и в другой, в Гримальди, было найдено большое количество их скелетов; это самые ранние, действительно человеческие, остатки, известные до

сих пор. Таким образом, наша раса впервые вписывает свое имя в Летописи Скал, и начинается история человечества.

Мир понемногу становился более похожим на современный, хотя климат был еще очень суров. Глетчеры Ледникового периода исчезли из Европы. По мере того, как трава стала более обильно покрывать степи, олени Франции и Испании уступили место большим табунам лошадей. Мамонт все реже и реже появляется в Южной Европе и, наконец, совершенно отодвигается на север.

Нам неизвестно, откуда произошел истинный человек. Но летом 1921 года чрезвычайно интересный череп был найден на горе Брокен в Южной Африке. Этот череп является остатком какого-то третьего типа человека; это нечто среднее между Неандертальцем и человеческим существом. Череп указывает на присутствие мозга, большего спереди и меньшего в своей задней половине, чем у Неандертальского человека; череп помещается на спинном хребте совсем прямо, как у человека. Зубы и кости также сходны с человеческими. Но лицо должно было представлять нечто обезьяноподобное, с громадными надбровными дугами и выпуклостью посередине черепа. Существо это было, действительно, человеком, но с неандертальским обезьяноподобным лицом. Этот Родезианский человек, очевидно, еще ближе стоит к настоящему человеку, нежели Неандертальский.

Череп Родезианского человека, по всей вероятности, является останком второго известного нам типа из целой серии

получеловеческих пород, живших на Земле в течение громадного промежутка времени между началом Ледникового Периода и появлением их общего наследника – Настоящего Человека, который, вероятно, их и уничтожил. Родезианский череп принадлежит, быть может, не такой уж глубокой древности. До настоящего момента, момента издания этой книги, точное определение отдаленности этой эпохи еще не установлено. Возможно даже, что это получеловеческое существо сохранилось в Южной Африке до времен, совсем не столь отдаленных.

Глава XI. Первый настоящий человек

Первые указания и первые признаки, до сих пор известные науке, о существовании человеческого рода, несомненно, родственного нашему, были найдены в Западной Европе и особенно – во Франции и Испании. Кости, оружие, отметки на костях и скалах, остатки изделий из кости и рисунки в пещерах и на поверхности скал, переносящие нас, по всей вероятности, за 30 000 или более лет, были найдены в этих двух странах. В настоящее время Испания – самая богатая страна по нахождению этих первых остатков наших истинно человеческих предков.

Конечно, коллекции этих предметов, имеющиеся в настоящее время в нашем распоряжении, являются лишь зачатком того богатства, на которое мы имеем право рассчитывать в будущем, когда в нашем распоряжении будет достаточное количество исследователей, чтобы произвести основательные исследования всех возможных источников, и когда будут подробно исследованы другие страны мира, в настоящее время недоступные археологам. В большую часть Африки и Азии до сих пор никогда еще не проникал сведущий исследователь, заинтересованный в этой науке и обладающий временем и возможностью всецело предаться сво-

им исследованиям. Поэтому требуется очень много осмотрительности в этом деле, и не следует утверждать, что первобытный истинный человек был определенно обитателем Западной Европы или что он там впервые появился.

В Азии или Африке, или, быть может, на дне образовавшегося ныне моря, могут находиться более богатые и значительно более древние отложения остатков настоящего человека, чем все то, что было обнаружено до сих пор. Я говорю: Азия и Африка, и не упоминаю об Америке, потому что, за исключением одного зуба, там не было найдено никакого признака высших первобытных существ: ни крупных обезьян, ни полулюдей Неандертальцев, ни первобытного настоящего человека. Эти формы развития жизни, кажется, принадлежали почти исключительно Старому Свету, и, по всей вероятности, только к концу древнего Каменного Века человеческие существа впервые перекочевали через перешеек, прорезанный ныне Беринговым проливом, на американский материк.

Эти первые, действительно человеческие существа, которые мы встречаем в Европе, очевидно, принадлежали к одной из двух очень значительно отличающихся друг от друга рас. Одна из этих рас принадлежала к очень развитому типу: это были существа высокого роста, с хорошо развитым мозгом. Один из найденных женских черепов своим объемом превосходит теперешний мужской череп среднего размера. Один из найденных мужских скелетов больше шести футов

длины. Этот тип в физическом отношении напоминает североамериканского индейца. От названия Кро-Маньонской пещеры, в которой были найдены эти скелеты, племя это стало называться кроманьонским. Это были дикари, но дикари высокого уровня развития. Вторая раса, следы которой были найдены в пещере Гримальди, имела определенно негритянский тип. Всего более похожи на нее бушмены и готентоты Южной Африки. Интересно проследить, с самого зарождения известной нам истории людей, это подразделение человечества, по крайней мере, на два главных типа. Мы склонны думать, хотя и не имеем для этого достаточно авторитетных данных, что первая раса, по всей вероятности, была скорее коричневой, а не чернокожей, и что она происходила с востока, а вторая раса, наоборот, была скорее не коричневой, а чернокожей, и произошла на экваториальном юге.

Эти дикари, обитавшие на Земле, может быть, 40 000 лет тому назад, были уже настолько близки к человеку, что украшали себя ожерельями из просверленных ракушек, разрисовывали свою кожу, вырезали изображения из костей и камней, выцарапывали фигуры на скалах и костях и рисовали грубые, но часто очень жизненные изображения животных и предметов на гладких стенах пещер и на поверхности скал. Они производили разнообразные орудия, значительно меньшего размера и более совершенные, нежели те, которые оставил по себе Неандертальский человек, в настоящее время в наших музеях хранится большое количество такого рода

орудий, статуэток, изображений, нарисованных на поверхности скал и т. п.

Самые древние из них были охотниками. Добыча, за которой они главным образом охотились, была лошадь. В те времена это было маленькое животное – бородатый пони. Человек следовал за их стадами, по мере того, как эти лошади перекочевывали с пастбища на пастбище. Они охотились также за бизонами. Был им знаком и мамонт, потому что они оставили по себе чрезвычайно выразительные рисунки этого животного. Судя по одному, не вполне ясному рисунку, они загоняли это животное в западню и убивали его. Они охотились при помощи копья и камня. По всей вероятности, они еще не обладали луком и стрелами, и сомнительно, чтобы они уже научились приручать некоторых животных. Собак у них не было. Сохранилось одно изваяние лошадиной головы и один или два рисунка, дающих впечатление лошади, взнузданной уздечкой из крученого ремня или сухожилий. Но маленькие низкорослые лошадки той эпохи и той местности были бы не в состоянии вынести тяжести человека, а потому, если в те времена лошадь и сделалась домашним животным, то только в качестве упряжной. Сомнительно и невероятно, чтобы они уже прибегали к довольно неестественному употреблению в пищу молока животных.

Не видно также, чтобы они сооружали какие-либо здания, но может быть, они обладали юртами, сделанными из кожи; хотя они вылепливали глиняные фигурки, они еще не до-

думались до сооружения глиняной посуды. Без приспособлений и посуды для варки пищи, приготовление ее должно было быть у них чрезвычайно элементарным или же вовсе отсутствовать. Им также была незнакома обработка полей, плетение корзин и ткань материй. За исключением одеяний из кож, они были голыми, разрисованными дикарями.

Эти первые известные нам люди охотились среди открытых степей Европы в течение, быть может, сотен столетий, а потом постепенно перекочевывали на север и восток; за ними последовали бизоны и лошади. Степи уступили место лесам и красные олени заменили лошадь и бизона. Замечается изменение орудий в связи с изменением применения их. Рыболовство в реках и озерах получает большое значение для человека, следовательно, увеличивается количество тонких костяных орудий. «Костяные иголки того века, – говорит де Мортилье, – гораздо совершеннее, чем иголки более поздних, даже исторических, времен, вплоть до Ренессанса. Римляне, например, никогда не достигали выделки иголок, которые могли бы сравниться с иголками той эпохи».

Около пятнадцати или двенадцати тысяч лет тому назад новый народ заселил юг Испании, оставив замечательнейшие изображения самого себя на открытых поверхностях скал. Это были Азилийцы, названные так по пещере Мас-д-Азиль (Mas d'Asil). Они уже обладали луком и, по-видимому, носили на голове украшения из перьев; рисунки их очень жизненны. Эти рисунки становятся символическими, напри-

мер, человек изображается вертикальной чертой с двумя или тремя горизонтальными линиями – в этом можно проследить зародыш искусства письма. В рисунках, изображающих охотничьи сцены, часто находятся метки, подобные меткам на бирках. Одни рисунок изображает двух людей, докуривающих пчелиный рой.

Эти последние Палеолитические люди (Древний Каменный Век) названы так потому, что они высекали свои орудия из камня. Десять или двенадцать тысяч лет тому назад новый тип жизни зарождается в Европе. Человек научается не только высекать, но и отшлифовывать и точить каменные орудия, и с этого начинается Неолитический (Новый Каменный) Век.

Интересно отметить, что менее, чем сто лет назад, все еще существовала в отдаленной части света, в Тасмании, человеческая раса, стоящая на более низком уровне физического и умственного развития, чем все эти первобытные расы человечества, оставившие после себя следы в Европе. Эти тасманийцы уже очень давно были отрезаны географическими изменениями от общения с остальными, себе подобными, расами; отрезаны, следовательно, от соревнования и побуждения к совершенствованию. И оказалось, что они дегенерировали, вместо того, чтобы развиваться. Европейские исследователи, открыв этот народ, нашли людей, обладавших чрезвычайно низкой степенью развития, питающихся моллюсками и мелкой дичью. У них не было жилищ; они кочевали с

места на место; они принадлежали к породе настоящих людей, к нашей породе, но не обладали ни ловкостью, ни искусством первобытных настоящих людей.

Глава XII. Первобытная мысль

Перейдем теперь к весьма интересным предположениям. Постараемся представить себе ощущение человека в те давние времена. Как он думал, о чем он думал в отдаленные дни охотничьей кочевой жизни, четыреста веков тому назад, когда не начались еще времена посевов и жатв. Эти дни восходят далеко за пределы письменных памятников человеческих впечатлений и потому выводы наши в данном вопросе могут быть только гадательными.

Источники, к которым обращается наука, чтобы составить представление о первобытном мышлении, разнообразны. С некоторых пор наука психоанализа, исследуя вопрос о том, каким образом сдерживаются, подавляются или видоизменяются применительно к требованиям социальной среды эгоистические и страстные влечения ребенка, проливает немало света и на историю первобытного общества. Другим богатым источником предположений является изучение нравов и обычаев еще сохранившихся диких народов. Кроме того, и народная поэзия, и глубоко коренящиеся суеверия и предрассудки, еще и поныне существующие среди современных цивилизованных людей, представляют собой нечто вроде «окаменелости умственного состояния прежних веков»; наконец, в многочисленных рисунках, статуях, разных изделиях, символических знаках и т. п. мы, по мере приближения

к нашему времени, находим все более и более ясные указания на то, что занимало ум первобытного человека и казалось ему достойным воспроизведения.

Весьма вероятно, что первые люди мыслили так же, как мыслит ребенок, т. е. образами. Человек вызывал в себе эти образы, или же они сами напрашивались ему на ум, и он действовал, согласно возбуждаемым этими образами чувствам. Тем же путем мыслит и наш ребенок; так же мыслит и необразованный человек. Систематическое мышление, очевидно, является сравнительно позднейшим приобретением человеческого опыта, и за пределами последних трех тысяч лет оно играло весьма малую роль в человеческой жизни. Даже в наши дни люди, вполне управляющие своим мышлением, являются лишь незначительным меньшинством всего человечества. Большая часть мира продолжает жить воображением и чувством.

Вероятно, что в начале истории рода человеческого первым людским обществом была семья. Подобно тому, как первые стада млекопитающих создавались из семей животных, соединившихся между собой и размножившихся, очевидно, создавались и первые племена. Но для того, чтобы это могло случиться, необходимо было, чтобы была наложена узда на первоначальный эгоизм отдельного индивидуума. Надо было, чтобы страх перед отцом и уважение к матери ощущались и в более зрелом возрасте; также должна была уменьшиться естественная ревность родоначальников

группы к подрастающей мужской молодежи. С другой стороны, мать становится естественным советчиком и защитником молодежи. Общественная жизнь людей слагалась из столкновения между грубыми инстинктами молодежи, влекущими их, по достижении известного возраста, отделяться и соединяться в пары и сознанием опасности и невыгоды такого объединения. Выдающийся писатель-антрополог Дж. Дж. Эткинсон в своей книге «Первый закон» показал, что первоначальный закон дикарей «Табу», имеющий такое значение в жизни племени, может быть приписан именно такому приспособлению нужд первого животного-человека к требованиям развивающейся общественной жизни. Позднейшие работы психологов дали новые подтверждения подобного объяснения.

Некоторые гипотезы стараются убедить нас, что уважение и страх перед родоначальником и чувства, возникающие у первобытного дикаря по отношению к опекающим его женщинам, преувеличенные сновидениями и обогащенные игрою воображения, были началом первобытной религии и легли в основу понятия о богах и богинях. Наряду с уважением к сильным и полезным личностям появилась боязнь их и восхваление их после смерти, вызванные появлением их в сновидениях. Легко создавалось верование, что люди эти в действительности не умерли, но чудесным образом перенеслись в более отдаленную область и получили еще большую власть над живыми.

Сны, фантазии и страхи ребенка куда более живы и реальны, чем сны, фантазии и страхи современного взрослого; в первобытном человеке всегда было много детского. Он также близко подходил к жизни животных и потому предполагал у них те же побуждения и чувствования, как у самого себя. Он мог представить себе животных-помощников, животных-врагов, животных-божеств. Тот, кто сам был впечатлительным ребенком может понять, какими важными, значительными, враждебными или дружественными казались человеку Древнего Каменного Века необычные очертания скал, обломки деревьев, редко встречающиеся породы деревьев и т. п. Сон и воображение создавали легенды; рассказы же о таких предметах переходили в верование. Некоторые из таких рассказов были настолько хороши, что их запомнили и повторяли. Женщины пересказывали их детям, и, таким образом, устанавливались традиции. И теперь еще впечатлительные дети выдумывают длинные сказки, героями которых обычно являются любимая кукла или животное, или же какое-нибудь фантастическое получеловеческое существо. Очевидно, что первобытный человек делал то же самое, но у него склонность верить в реальность своего героя была еще сильнее развита, вероятно, первые настоящие люди были существами уже говорящими. В этом отношении они отличались от неандертальцев и имели преимущество перед ними. Неандертальцы, быть может, были немymi животными. Конечно, первоначальная человеческая речь

представляла весьма скудное собрание названий; возможно также, что она сильно дополнялась жестами и мимикой.

На какой бы низкой ступени ни стоял дикарь, он все же имеет некоторое понятие о связи, существующей между причиной и следствием. Но первобытные люди устанавливали эту связь очень произвольно и весьма часто относили следствие совершенно не к настоящей причине его. «Ты поступил так-то и так-то, и то-то и то-то случилось, – говорил себе дикарь. – Ты даешь ребенку ядовитую ягоду, и он умирает». «Ты съедаешь сердце отважного врага и сам становишься отважным». Вот два образца соединения причины и вытекающего из нее следствия: в одном случае – оно истинно, в другом – ложно. Систему, в которую выливается у дикаря связь между причиной и следствием, мы называем фетишизмом. Но фетишизм есть не что иное, как наука дикаря. Она отличается от современной науки несистематичностью и отсутствием критики, а потому в большей своей части и является ложной.

В некоторых случаях легко было связать причину и следствие, в других ложное представление скоро исправлялось опытом; но существовал также целый ряд явлений чрезвычайной важности для первобытного человека, для которых он настойчиво искал причины и приходил при этом к заключениям ложным, но не настолько ложным, чтобы он мог обнаружить свою ошибку. Для него было очень важно обилие дичи и рыбы и легкость ловли их, и он, без сомнения, ис-

пытал и верил в целый ряд талисманов, заклинаний и предзнаменований, обуславливающих желанные результаты. С другой стороны, его тревожили болезнь и смерть. Иногда в стране развивались заразные заболевания, от которых люди умирали. Иногда люди болели и умирали или ослабевали без какой-либо видимой причины. Обстоятельство это также должно было сильно возбуждать неустойчивое, впечатлительное воображение первобытного человека. Сны и фантастические догадки заставляли его или обращаться к чьей-либо помощи, или, наоборот, обвинять того или иного человека, животное или предмет. Дикарь обладал детской склонностью к страху и панике.

С самых ранних времен в маленькой еще общине более пожилые и уравновешенные умы, хотя и сами разделяли этот страх и находились под влиянием своего воображения, все же, будучи несколько сильнее других, начинали советовать, начинали предписывать, начинали приказывать. Одно объявляли они неблагоприятным, другое необходимым; одно – предзнаменованием добра, другое – зла. Первый знаток фетишей, первый врач – делался первым жрецом... Он заклинал, он толковал сны, он предостерегал, он делал различные манипуляции, долженствовавшие принести счастье или отворотить беду. Первобытная религия была не столько религией, в позднейшем смысле этого слова, сколько исполнением определенных обрядов и предписаний, а первобытным жрецом был тот, кто создавал эту первобытную практическую

науку.

Глава XIII. Начало земледелия

Мы еще мало знаем о происхождении земледелия и оседлости, хотя очень много изысканий и предположений в течение последних пятидесяти лет было посвящено этому вопросу. Одно только мы можем сказать положительно: это, что пятнадцать или двенадцать тысяч лет тому назад, в то время, когда азилийцы еще жили на юге Испании и остаток первобытных охотников перекочевывал на север и на восток, где-то в Северной Африке, или Западной Азии, или в великой средиземной долине, ныне сокрытой под водами Средиземного моря, существовали люди, которые из века в век трудились над разрешением двух жизненно важных задач: как обрабатывать землю и как приручать животных. В дополнение к тем орудиям из грубо отесанного камня, которыми довольствовались их предки-охотники, они стали изготавливать орудия путем шлифовки камней. Они познали искусство плетения корзин и выделки грубой ткани из растительных волокон, также начали делать грубую глиняную посуду.

Они вступали в новую эру человеческого развития: Неолитическую (Новый Каменный Век), отличающуюся от Палеолитической (Древнего Каменного Века), к которой принадлежали кроманьонцы, гримальдийцы, азилийцы и т. п.¹).

¹ Название Палеолитический относится также к Неандертальцам, и к орудиям, названным «эолитами». Век, предшествующий появлению человека, назы-

Эти народы Неолитического периода медленно рассеялись по более теплым странам света, а те искусства, которые им сделались доступны, и те животные и растения, которыми они научились пользоваться, распространялись еще быстрее путем подражания и дальнейших культурных приобретений. Приблизительно за 10 000 лет до Р. Х., большая часть человечества достигла уровня Неолитического периода.

В настоящее время вспахивание полей, посев, сбор урожая, молотьба и помол зерна кажется современному уму самым очевидно-естественным действием, точно так же, как шаровидность Земли кажется ему самым естественным понятием. «Как же поступать иначе?» или: «Как же иначе представить ее себе?» – спросили бы они. Но для первобытного человека, жившего 20 000 лет тому назад, эта система действий и понятий, ныне кажущаяся столь ясной и незыблемой, совсем не была очевидной. Он ошупью шел к целесообразной деятельности, путем множества неудач и затруднений, на каждом шагу встречаясь с фантастическими и ненужными выдумками и ошибочными объяснениями. Где-то в средиземных странах пшеница произрастала в диком состоянии, и человек, быть может, научился толочь или молоть ее зерна, употребляя их в пищу задолго до того, как он научился сеять.

Замечательно то, что во всем мире, всюду, где люди сеяли

ваются Древне-Палеолитическим: век, в котором появляется человек, выделяющий орудия из необтесанного камня, – Ново-Палеолитическим.

и жали, можно проследить глубоко укоренившуюся мысль о связи, существующей между посевом и кровавой жертвой, выражавшейся сперва в виде человеческой жертвы; возникновение связи между этими двумя действиями представляет много интересного; читатель, интересующийся этим вопросом, найдет подробное истолкование его в исчерпывающем труде сэра Дж. Г. Фрэйзера «Golden Bough» – «Золотая Ветвь». Мы должны помнить, что связь эта была установлена в детски-примитивном, мечтательном, склонном к созданию легенд, первобытном мозгу; рассудочным процессом объяснить ее нельзя. Но в мире, существовавшем двенадцать или двадцать тысяч лет тому назад, в Неолитическом периоде, человеческие жертвы приносились, по-видимому, каждый раз, когда наступало время посева, и в жертву приносился не человек, стоящий на низшей общественной ступени, не отверженный, – наоборот, обычно назначался для принесения в жертву избранный юноша (или девушка), к которому до самой минуты жертвоприношения все относились с глубоким почтением и даже поклонением. Он считался чем-то вроде жертвенного бога-царя, и все подробности его умерщвления обращались в обряд, которым руководили мудрые старцы и который узаконялся обычаем многих веков.

В первое время, когда первобытный человек имел лишь смутное понятие о смене времен года, его затрудняло определение подходящего времени для принесения жертвы, зна-

менующей время приступа к посеву. Есть некоторые основания предполагать, что в ранних стадиях своего развития люди не имели еще понятия года. Первоначальная хронология исчислялась по Лунным месяцам: предполагают, что годы библейских патриархов в действительности выражают Лунные месяцы, а вавилонский календарь определенно указывает на попытку определить время посева, руководствуясь тринадцатью Лунными месяцами. Влияние Лунных месяцев на календарь чувствуется и теперь. Только привычка, узаконенная обычаем, заставляет нас забывать странность, что в христианской церкви празднование воскресения Христа падает ежегодно на различные числа, меняющиеся в зависимости от фаз Луны.

Можно сомневаться, наблюдали ли первые земледельцы за звездами. Более вероятно, что кочующие пастухи впервые стали наблюдать за ними, находя в этом способ узнавать путь. Но как только было понятно значение этих наблюдений для определения времен года, выяснилась также их важность для земледелия. Время для жертвоприношения, связанного с посевом, по южному или северному стоянию какой-нибудь крупной звезды. Создание мифа вокруг такой звезды и поклонение ей является почти неизбежным последствием подобных наблюдений для первобытного человека.

Отсюда легко понять то значение, которое в раннем Неолитическом мире приобретает человек, обладающий умением и опытом и искусный в принесении кровавых жертв и

в звездочетстве.

Страх перед осквернением и перед всем нечистым, и потребность изыскать способы очищения составляли другой источник власти для мудрецов – как мужчин, так и женщин. Всегда бывали не только колдуны, но и колдуньи, не только жрецы, но и жрицы. Первый жрец был не столько человеком религиозным, сколько человеком, владеющим прикладными знаниями. Знания эти были большею частью эмпирическими и очень часто ошибочными. Он ревниво хранил их в тайне от большинства людей, но тем не менее эти знания составляли его первейшую обязанность: назначение же их было чисто практическим. Двенадцать или пятнадцать тысяч лет тому назад во всех теплых и достаточно орошенных странах Древнего мира эти Неолитические человеческие общины, располагающие сословием жрецов и жриц с их традициями, с обработанными полями, разрастающимися поселками и городами, обнесенными стеной, распространялись все шире. Век за веком накапливался опыт и совершался обмен мыслями между этими общинами. Элиот Смит и Риверс употребляют название Гелиолитическая культура для культуры этих первых земледельческих народов. Слово «Гедаолит» (солнце и камень), быть может, не самое подходящее для этого, но пока ученые не додумаются до лучшего, нам придется употреблять его. Гелиолитическая культура зародилась в Средиземной и Западно-Азиатской области, и век за веком подвигалась на восток, с острова на остров, через Тихий океан, пока

не достигла Америки и не смешалась с более примитивными формами жизни монгольских народов, пришедших с севера.

Где бы ни появлялись эти смуглокожие люди, обладатели Гелиолитической культуры, они приносили с собой целый ряд своеобразных понятий и обычаев. Некоторые из них нуждаются еще в дальнейшем обследовании со стороны историков культуры. Они сооружали пирамиды и высокие курганы, складывали большие круги огромных камней, быть может, с целью облегчения астрономических наблюдений для жрецов; они сохраняли мумии некоторых лиц или всех своих покойников; они татуировались и совершали обряд обрезания; они соблюдали старинный обычай, известный под названием «кувады», – укладывания в постель отца во время рождения ребенка; они считали символом счастья известный знак «свастики».

Если бы мы начертили карту мира и пунктиром обозначили бы границы, в которых оставила по себе следы эта группа обычаев, мы увидели бы, что умеренный пояс и под-тропическое побережье от Стонегенджа и Испании, через весь мир, вплоть до Мексики и Перу, вошли бы в эти границы. Но Африка южнее экватора, северная и центральная Европа, северная Азия оставались бы за чертой, – там жили расы, которые развивались в самостоятельном направлении.

Глава XIV. Первобытная неолитическая цивилизация

За 10 000 лет до Р. Х. мировая география, в общих чертах, была очень похожа на современную. По всей вероятности, к тому времени преграда, существовавшая на месте Гибралтарского пролива и удерживавшая воды океана от вторжения в Средиземную долину, уже была сметена, и эта долина обратилась в море, мало чем отличающееся от современного. Каспийское море, по всей вероятности, было значительно обширнее, чем теперь, и, может быть, сливалось в одно целое с Черным морем к северу от Кавказских гор. Вокруг этого большого центрального азиатского моря лежала обитаемая, плодородная земля, ныне обратившаяся в степи и пустыни. В общем, мир тогда был более плодородным и климат более влажным. Гораздо большая часть Европейской России, чем теперь, была покрыта болотами и озерами, и, может быть, еще существовало сухопутное сообщение между Азией и Америкой через Берингов пролив.

Уже в те времена возможно было бы различить главные, известные нам теперь, расовые подразделения человечества. В теплой умеренной зоне того мира, более теплого и покрытого более богатыми лесами, нежели наш мир, и по побережью морей расположились смуглокожие народы гелиолити-

ческой культуры, предки большинства нынешних обитателей побережья Средиземного моря, предки берберов, египтян и многих народностей южной и восточной Азии. Эта великая раса, конечно, имела много подразделений. Иберийцы, или средиземная смуглая раса Атлантического и Средиземного побережья; «хамиты», включающие берберов и египтян; дравиды, более темнокожие обитатели Индии; многочисленные народы восточной Индии; многие полинезийские народы, а также маори – все они составляют подразделение основной массы человечества. Западные разновидности ее отличаются более белой кожей, чем восточные. В лесах центральной и северной Европы выделилась из главной массы смуглокожих народов и выдвинулась другая отрасль голубоглазых людей с белокурыми волосами, и эту разновидность называют теперь северной расой. В более открытой части северо-восточной Азии замечается другое подразделение этого смуглокожего человечества, образующего тип с раскосыми глазами, выдающимися скулами, желтоватой кожей и очень прямыми черными волосами, – монгольская раса. В южной Африке, Австралии, на многих тропических островах и на юге Азии сохранились остатки ранних негритянских народов. В центральных частях Африки уже были области, где встречались расовые помеси. Почти все современные заветные народности Африки, по-видимому, являются помесью смуглокожих народов севера с негритянскими. Надо помнить, что все человеческие расы могли свобод-

но перемешиваться между собой; что они, как облака, расходились, смешивались и соединялись вновь. Человеческие расы не разветвляются, подобно дереву, отдельными несоединяющимися вновь между собой ветвями. Мы никогда не должны упускать из вида этого смешения рас при всевозможных комбинациях. Это избавит нас от многих жестоких иллюзий и предубеждений. Люди привыкли слишком свободно употреблять слово «раса», приходя к самым невероятным обобщениям. Например, говорят о британской расе или об европейской расе. Но почти все европейские нации представляют помесь коричневых, смуглых, белых и монгольских типов. В Неолитический период человеческого развития народы монгольской расы впервые проникают в Америку. По-видимому, они проникли туда через Берингов пролив и оттуда распространились на юг. На севере они нашли американского северного оленя – корибу, а на юге – крупные стада бизонов. Когда они достигли Южной Америки, там еще водился гигантский Глиптодон (*Glyptodon*) и Мегатерий (*Megatherium*), чудовищный неуклюжий ленивец, ростом со слона. По всей вероятности, они уничтожили породу последнего, беспомощность которого равнялась его размеру.

Большая часть этих американских племен никогда не возвышалась над охотничьей кочевой жизнью Неолитической эры. Они не научились пользоваться железом, и главные металлы, которыми они обладали, были местное золото и медь. Но в Мексике, Юкатане и Перу условия благоприятствовали

оседлой культуре, и здесь за 1000 лет до Р. Х. возникла весьма интересная цивилизация параллельного, хотя и отличного от цивилизации Древнего мира, типа. Подобно значительно более ранним примитивным цивилизациям Древнего мира, эти общины обнаруживали большую склонность к человеческим жертвоприношениям в эпоху посева и жатвы. Но в древнем мире, как мы впоследствии увидим, эти первобытные обряды впоследствии смягчились, усложнились и уступили место другим, а в Америке они развились и достигли степени высокой напряженности. Эти американские цивилизованные страны были, главным образом, странами религиозными, странами, управляемыми жрецами; их военные предводители и начальники были подчинены строжайшим предписаниям религии и сообразовали свою деятельность с разными предзнаменованиями и предсказаниями жрецов.

Их жрецы довели астрономическую науку до высокой точности. Они умели исчислять года лучше, чем вавилоняне, о которых мы узнаем впоследствии. В Юкатане они оставили по себе нечто вроде особого рода письмен – письмена майя, самого странного и замысловатого типа. Поскольку удалось расшифровать их, они употреблялись только для ведения точных и очень сложных календарей, над которыми жрецы изоощряли свою мудрость. Цивилизация майя достигла своего высшего развития за 700 или 800 лет до Р. Х. Скульптурные памятники этого народа поражают современного наблюдателя пластической выразительностью и часто своей красо-

той и в то же время смущают его своей причудливостью и невообразимой условностью, и сложностью, несоответствующей современному образу мышления. В Древнем мире нет ничего другого, совершенно похожего на это. Всего ближе напоминает это, хотя и здесь сходство довольно-таки отдаленное, архаистическую индийскую деревянную скульптуру. Всюду встречаются переплетающиеся перья и извивающиеся змеи. Многие надписи, начертанные письмом майя, более всего напоминают сложные рисунки сумасшедших, которые можно найти в европейских домах для умалишенных. Порою нам кажется, что разум майянца развивался в совсем ином направлении, нежели разум древнего человека; как будто бы род его мышления был совсем особенный и его нельзя было бы даже признать разумным существом, руководясь обычными критериями.

Взгляд на эти американские цивилизации, уклонившиеся с обычного пути остальных цивилизаций, как на результат какой-то умственной аберрации, подтверждается странной страстью к пролитию человеческой крови. Особенно кровава была мексиканская цивилизация: там ежегодно приносились тысячи человечески жертв. Разрезывание еще живых жертв, вырывание бьющегося сердца, – все это в сильной степени наполнило мышление и жизнь этого странного жреческого сословия. Общественная жизнь, национальные празднества – все сосредоточивалось вокруг таких фантастически-ужасных поступков.

Обыденная жизнь простого народа в этих общинах походила на жизнь крестьянства у всех других первобытных народов. Их глиняная посуда, ткани и окраска тканей были очень совершенны. Письмо майя не только высекалось на камнях, но также писалось и рисовалось на кожах животных и т. п. Европейские и американские музеи содержат многие непонятные рукописи майя, из которых до сих пор было расшифровано очень мало, кроме разве обозначения даты. В Перу встречаются начатки такого же письма, но там оно было вытеснено способом вести записи системой веревочных узлов. Такая же система веревочного письма употреблялась и в Китае тысячу лет.

В Древнем мире еще за три или четыре тысячи лет до этого, т. е. за 4000 и 5000 лет до Р. Х. существовали первобытные цивилизации, до некоторой степени сходные с американскими, основу которых составляли храм с необычайным количеством кровавых жертвоприношений и занимающееся астрономией жречество. В Древнем мире первобытные цивилизации взаимно оказывали влияние друг на друга и, развиваясь, приближались к условиям нашего мира. В Америке же они никогда не возвышались дальше первичной стадии. Каждая из них представляла отдельный обособленный мирок. Мексика, по всей вероятности, не знала о существовании Перу до прихода европейцев в Америку. Картофель, доставлявший главный пищевой продукт в Перу, был неизвестен в Мексике.

Век за веком народы эти жили и поклонялись своим богам, приносили им жертвы и умирали. Искусство декоративного характера в майя достигло высокого развития. Люди предавались любви, племена воевали. Засуха и урожай, болезни и благоденствие сменяли друг друга. В течение долгих веков жрецы усовершенствовали свои календари и обряды жертвоприношения, но мало преуспевали в других отношениях.

Глава XV. Шумерия, ранний Египет и их письменна

Древний мир занимал более широкое пространство, представлял более разнообразную картину, нежели современный. За 6000 или 7000 лет до Р. Х. – полудивилизованные общины, уже почти достигшие уровня развития перуанцев, появляются в разных плодородных краях Азии и Нильской долины. В то время северная Персия, западный Туркестан и южная Аравия были значительно плодороднее, нежели в настоящее время, и во всех этих странах находятся следы примитивных общин. Но города, храмы, система искусственного орошения и признаки общественной организации, стоящей выше обычного уровня первобытного города-деревни, появляются впервые в Нижней Месопотамии и в Египте: в те времена Тигр и Евфрат впадали двумя самостоятельными устьями в Персидский залив и здесь-то, в области, заключенной между ними, шумерийцы первые начали строить свои города. Около того же времени, по приблизительной хронологии, начинается великая история Египта.

Шумерийцы отличались коричневатой кожей и большими носами. Они употребляли некий род письма, который теперь уже расшифрован, так что их язык нам знаком. Они умели вырабатывать бронзу и строили из кирпичей, высушен-

ных на солнце, громадные храмы, похожие на башни. Глина в этой местности очень высокого качества; они употребляли ее, чтобы писать на ней, и таким образом их надписи сохранились до нашего времени. У них уже был рогатый скот, овцы, козы, ослы, но лошадей еще не было. Сражались они в пешем строю, тесными колоннами, держа в руках копья и кожаные щиты. Одевались в шерстяную одежду и брили себе голову.

Каждый из шумерийских городов, по-видимому, представлял собою самостоятельное государство, с своим собственным божеством и собственными жрецами. Иногда же один геород владычествовал над другими, облагая их данью. Одна очень древняя надпись в Ниппуре говорит уже об «империи» шумерийского города Эреха (Урука). Авторитет и власть тамошнего божества и жреца-царя распространялись от Персидского залива до Красного моря.

Первоначальные письма представляли только сокращенное видоизменение иероглифов, т. е. картинной записи. Люди начали писать даже еще до неолитического периода. Изображения на Азойских скалах, о которых мы уже упоминали, указывают на начало этого процесса. Многие из них повествуют об охотах и походах, и в большинстве из них ясно вырисованы человеческие изображения. Но в некоторых художник словно не хотел тратить времени на вырисовывание головы и членов, а лишь намечал человеческую фигуру одной прямой и одной или двумя поперечными чертами. Пере-

ход от этого к условным сокращенным письменам-рисункам был нетруден. В Шумерии, где писали на глине палочкой, эти черточки скоро потеряли всякое сходство с изображаемыми предметами, но в Египте, где рисовали на стенах и на полосках папируса (первоначальная бумага), сходство с изображаемыми предметами сохранялось. Так как деревянные заостренные палочки, употребляемые для писания в Шумерии, оставляли на глине клинообразные знаки, то шумерийские письмены и называются клинообразными.

Важный шаг в искусстве письма был сделан, когда рисунки стали употребляться для того, чтобы обозначить не изображаемый предмет, а то, о чем он мог напомнить. Этот способ употребляется и по сие время в ребусах, столь популярных среди детей известного возраста. Например, изображается лагерь (Camp) с палатками и звонок (Bell), и ребенок с радостью догадывается, что это изображает шотландское имя: Campbell. Язык шумерийца представлял собою собрание слогов, как и некоторые современные языки индейцев, а потому очень подходил к такому слогораздельному способу писать слова, выражающие понятия, которые было бы трудно изобразить непосредственно рисунками. Египетские письмены подверглись такому же развитию. Позднее, когда иностранным народам с менее определенно слогораздельным языком пришлось изучать и пользоваться этими иероглифами, они стали производить и дальнейшие видоизменения и упрощения, которые наконец вылились в алфавит-

ное изображение букв. Все настоящие азбуки более позднего времени развились из смешения шумерийской клинописи с египетскими иероглифами. Позднее, в Китае, развилось условное изобразительное письмо, но там оно никогда не достигло стадии настоящего алфавитного письма.

Изобретение письма было фактом большой важности в развитии человеческих общин. Оно давало возможность составлять записи различных соглашений, законов, распоряжений. Это способствовало образованию государств более крупных, нежели государства, существовавшие прежде. Это сделало возможной преемственность исторического сознания. Приказания жреца или царя, предписания, скрепленные его печатью, могли теперь оказывать влияние без прямого участия его личности, его голоса; могли продолжаться и после его смерти. Интересно заметить, что в Древней Шумерии употребление печатей было очень распространено. У царя, вельможи или купца встречались художественно исполненные печати, и они прикладывали их ко всем документам (сделанным из глины), которые хотели санкционировать. Так близко к книгопечатанию подошла человеческая цивилизация шесть тысяч лет тому назад! После этого глина высушивалась, становилась твердой и могла сохраняться вечно. Читатель не должен забывать, что в Месопотамии в течение бесконечного ряда лет письма, летописи и отчетность записывалась на почти неподвергавшихся разрушению черепицах. Только поэтому и возможно было восстановить

и познать прошлое.

Бронза, медь, золото, серебро и, как драгоценнейшая редкость, метеорное железо были знакомы в Шумерии и в Египте еще в очень ранние времена.

Повседневная жизнь в этих первых городах-государствах Древнего мира была, вероятно, однородна и в Шумерии, и в Египте. За исключением бродящих по улицам ослов и скота, жизнь в этих городах должна была довольно близко походить на жизнь, протекавшую три или четыре тысячи лет после того в американских городах майя. В мирное время большинство населения было занято искусственным орошением и земледелием, – за исключением особых дней, установленных для религиозных празднеств. У них не было денег; да они и не нуждались в них. Они справились в своей небольшой случайной торговле путем товарообмена. Лишь князья и властелины, обладавшие некоторым богатством, употребляли золотые и серебряные слитки и драгоценные камни для некоторых торговых оборотов. Храм властвовал над жизнью. В Шумерии храмы эти представляли большие башни, с крыш которых следили за движением звезд; в Египте это были массивные одноэтажные здания. В Шумерии жрец-властелин был самым великим, наиболее могущественным существом. В Египте же было лицо, стоявшее выше жрецов; оно было живым воплощением главного божества страны, – это был фараон, бог-царь.

В те времена человеческая жизнь была полна Солнца, тру-

да и основывалась на обычаях страны. Чужеземцы редко появлялись в стране, а судьба тех, которые появлялись, была незавидна. Жрец управлял всей жизнью согласно бесчисленным законам: следил за звездами, определял времена посевов и отмечал предзнаменования жертвоприношений; разъяснял предостережения и объяснял сны. Люди трудились, любили, умирали; жизнь их была счастлива; они забыли дикое прошлое своей расы и не заботились об ее будущем. Иногда властелины бывали милостивы. Таков, например, был Пиопи II, царствовавший в Египте в течение 90 лет. Иногда честолюбие охватывало их, и они выделяли часть своего народа, образовывали войско и отправляли его против соседних городов воевать и грабить, или же они заставляли его трудиться над сооружением громадных построек. Таковы, например, были Хеопс, Хефрен и Микерин, построившие громадные надгробные памятники-пирамиды около Гизеа. Самая большая из них имела 450 футов высота, а вес камня в ней исчисляется в 4 883 000 тонн. Все это сплавлялось вниз по Нилу в лодках и потом перетаскивалось человеческими усилиями к месту назначения. Возведение этих пирамид истощало Египет более, чем истощила бы его великая война.

Глава XVI. Первые кочевые народы

Между шестью и тремя тысячами лет до Р. Х. люди начали вести оседлый образ жизни не только в Месопотамии, но и в долине Нила. Всюду, где только возможно было применять искусственное орошение и где добыча пищи продолжалась равномерно круглый год, человек менял суровую, подверженную случайностям жизнь охотника и кочевника на более равномерную оседлую жизнь. В верховьях Тигра народ, называемый ассирийцами, начинает основывать города; небольшие общины в долинах Малой Азии и по побережью и островам Средиземного моря приближались к настоящей цивилизации. Быть может, такое же развитие жизни человека шло одновременно и в более благоприятных местностях Индии и Китая. Во многих местах Европы, на берегах богатых рыбою озер, маленькие общины давно уже ютились в хижинах, построенных на сваях над водой, дополняя земледелие рыбной ловлей и охотой. Но в значительно большей части Старого Света такая оседлость была немыслима. Земля была слишком сурова, густо покрыта лесом и груба; времена года были слишком неопределенны, чтобы люди, обладавшие орудиями и наукой того времени, могли прочно осесть на ней.

В условиях первобытной цивилизации человеку, для того, чтобы обосноваться, нужен был постоянный приток воды, тепло и Солнце. Там, где нужды эти не удовлетворялись, человек мог задерживаться лишь мимоходом, как охотник, преследующий дичь, как пастух, меняющий пастбища, но не мог основываться там на долгое время. Переход от охотничьей жизни к пастушеской мог происходить только очень постепенно. Преследуя стада диких животных или (в Азии) табуны диких лошадей, человек мог прийти к мысли об их принадлежности ему, мог научиться загонять их в долины, защищать их от волков, диких собак и других хищников.

Таким образом, в то время, как развивалась первобытная земледельческая цивилизация, главным образом, в долинах больших рек, создавался и другой образ жизни, – жизни кочевой, вечно пребывающей в движении, меняющей зимние пастбища на летние. Кочевые народы были, в общем, грубее земледельцев; они медленнее размножались и были не так многочисленны; у них не было постоянных храмов, не было организованного жреческого сословия; их орудия были более примитивны. Но читатель не должен поэтому думать, что жизнь их была менее развита. Во многих отношениях эта свободная жизнь была полнее жизни земледельцев. Отдельная личность была самостоятельнее; она не была до такой степени частью толпы. Вождь среди них имел большее значение; врач, быть может, меньшее.

Продвигаясь по обширным пространствам, кочевник при-

обретал более широкий кругозор. Он наталкивался на пределы то тех, то других соседних местностей. Он привыкал к чужим лицам. Ему приходилось строить планы и сговариваться о пастбищах с чужими племенами. Он был лучше знаком с минералами, чем население земледельческое, потому что ему приходилось проходить через горные ущелья и по скалистым местам. Может быть, он также лучше знал металлы. Возможно, что плавление бронзы и, уж наверное, плавление железа, были открытием кочевых народов. Первые железные орудия, добытые из руды, были найдены в части Центральной Европы, очень отдаленной от мест первобытной культуры.

С другой стороны, оседлые племена научились делать ткани и посуду, выделывать много полезных предметов. Попутно с этим постепенно растущим различием между земледельческой и кочевой жизнью между ними стала развиваться торговля и, с другой стороны разбой. В особенности это наблюдалось в Шумерии, где, с одной стороны, была пустыня, а с другой – местности с умеренным климатом. Кочевники, вероятно, разбивали свои шатры недалеко от обработанных полей, торгуя, воруя, может быть, предлагая свои услуги для грубых, несложных починок, как это теперь делают цыгане (правда, кур они воровать еще не могли, потому что домашняя птица – по происхождению из индийских джунглей – была приручена человеком не раньше, чем за 1000 лет до Р. Х.). Они приносили драгоценные камни, металлические и

кожаные изделия. Охотники приносили шкуры. В обмен они получали посуду, бусы, одежду и т. п. предметы.

В эти отдаленные времена первых цивилизаций Шумерии и раннего Египта было три главных области и три главных вида кочевья. Далеко, в дремучих лесах Европы, жили белокурые северные люди, охотники и пастухи – раса еще мало развитая. Первобытная цивилизация мало что знает об них до тысячи пятисот лет до Р. Х. Далеко, в степях восточной Азии, разные монгольские племена – народы гунны – приручали лошадь и все более и более развивали укоренившуюся привычку передвигаться, сообразуясь с временами года, от летних к зимним кочевьям. Возможно, что северные народы и гунны все еще были отделены друг от друга болотами России и тогда еще более обширным Каспийским морем, ибо в то время большие пространства России были покрыты болотами и озерами. В пустынях Сирии и Аравии, постепенно становившихся все неплодороднее, племена смуглых и коричневатых людей – племена семитов – гоняли стада овец, коз и ослов с пастбища на пастбище. Именно эти семиты – пастухи и другие племена из южной Персии – эламиты – были первыми кочевниками, столкнувшимися с первобытной культурой. Они появлялись то как купцы, то как разбойники; впоследствии из их среды вышли вожди, обладавшие более смелым воображением, и они превратились в завоевателей.

Приблизительно за 2700 лет до Р. Х. великий семитический вождь Саргон покорил всю Шумерию и сделался вла-

стелином всей области от Персидского залива до Средиземного моря. Он был неграмотным варваром и народ его, аккадийцы, научился шумерийским письменам и принял шумерийский язык, как официальный язык чиновников и ученых. Два века спустя империя, основанная Саргоном, пала, и после вторжения эламитов новый семитический народ – аморртяне – постепенно установил свою власть в Шумерии. Свою столицу они основали в бывшем до того времени маленьким, расположенном на берегу реки, городке Вавилоне, и царство их называется Первой Вавилонской Империей. Она была объединена великим царем Гаммураби (около 2000 лет до Р. Х.), который составил первое известное в истории уложение законов.

Узкая долина реки Нила была менее доступна вторжению кочевников, чем Месопотамия; но приблизительно во времена Хаммурапи произошло увенчавшееся успехом, семитское вторжение в Египет и воцарилась династия фараонов – Гиксов или «царей-пастухов», – которая властвовала несколько веков. Эти семиты-завоеватели никогда не ассимилировались с египтянами, которые всегда относились к ним враждебно, как к иностранцам и варварам, и, наконец, они были изгнаны народным восстанием около 1600 лет до Р. Х.

Но в Шумерию семиты вошли навсегда. Обе расы смешались, и Вавилонское царство стало семитским по языку и характеру.

Глава XVII. Первые мореплаватели

Первые лодки и корабли стали употреблять двадцать пять или тридцать тысяч лет тому назад. Вероятно, человек начал передвигаться по поверхности воды с помощью обрубка дерева или надутой воздухом кожи никак не позднее начала Неолитического периода. В те времена Египта и Шумерии, с которых начинаются наши познания, с этой целью употреблялись плетеные корзины, просмоленные и обтянутые кожей. Такие лодки употребляются там и поныне. До сих пор такие же лодки употребляются в Ирландии и Уэльсе, а на полуострове Аляске лодки, сделанные из кожи морского котика, до сих пор пересекают Берингов пролив. С усовершенствованием орудий появились выдолбленные колоды. За этим, естественно, последовала постройка лодок и кораблей.

Возможно, что легенда о Ноевом ковчеге есть не что иное, как воспоминание о какой-нибудь ранней попытке кораблестроения, так же, как и история потопа, так широко распространенная среди народов мира, может быть воспоминанием о затопленной долине Средиземного моря.

На Красном море появились корабли задолго до постройки пирамид. На Средиземном море и в Персидском заливе они появились уже за 7000 лет до Р. Х. В большинстве случаев это были рыбацьи суда, но некоторые из них были уже торговыми или разбойничьими, ибо, зная то, что мы знаем

о человечестве, мы можем смело предположить, что первые моряки грабили там, где могли, и торговали лишь там, где были вынуждены к этому.

Моря, по которым пустились эти первые корабли, были морями средиземными, на которых ветер дул лишь по временам, и на которых часто целыми днями царил мертвый штиль, так что употребление парусов не развилось дальше вспомогательной службы. Только в продолжение последних четырехсот лет создано хорошо оснащенное океанское парусное судно. Судна Древнего Мира были, главным образом, гребные, державшиеся берега и заходившие в гавань при первых признаках непогоды. По мере превращения этих судов в большие корабли возрастала потребность в пленниках, употребляемых как рабы на галерах.

Мы уже отметили появление семитических народов, как кочевников и бродячих племен в области Сирии и Аравии; отметили, как они покорили Шумерию и основали сначала Аккадийскую, а потом Первую Вавилонскую Империю. На западе те же самые семитические народы пустились в мореплавание. Они основали ряд портовых городов по восточному побережью Средиземного моря, из которых важнейшими были Тир и Сидон; а во времена Хаммурапи в Вавилоне они, как купцы, путешественники и колонизаторы, рассеялись по всему бассейну Средиземного моря. Эти морские семиты назывались финикийцами. Они обосновались, главным образом, в Испании, вытеснив старое население иберийских бас-

ков, и посылали оттуда через Гибралтарский пролив побережные экспедиции; они основали колонии на северном побережье Африки. Позднее нам придется много говорить о Карфагене, одном из этих финикийских городов.

Но финикийцы не были первым народом, имевшим галеры на водах Средиземного моря. На островах и по берегам моря существовал уже целый ряд крупных и мелких городов, принадлежавших племени, или племенам, по-видимому, родственным по крови и по языку баскам на западе и египтянам и берберам на востоке, а именно, эгейским народам. Народы эти не следует смешивать с греками, которые в историю нашу вступают значительно позднее. Они жили в до-греческую эпоху, но у них были города в Греции, Малой Азии, Микенах и Трое, и у них было большое богатое поселение в Кноссе на острове Крите.

Только за последние пятьдесят лет трудами археологов были выяснены размер и степень цивилизации эгейских народов, а Кносс тщательно исследован. К счастью, на месте Кносса не возник впоследствии столь большой город, чтобы уничтожить старые развалины, и, таким образом, он является нашим главным источником сведений об этой, когда-то почти забытой, цивилизации. Начало истории Кносса восходит к началу истории Египта. Обе страны деятельно торговали через море за 4000 лет до Р. Х. Около 2500 лет до Р. Х., т. е. между царствованием Саргона I и Хаммурапи критская цивилизация достигла своего зенита.

Кносс был не столько город, сколько огромный дворец Критского царя и его народа. Он даже не был укреплен. Укрепили его лишь позднее, когда финикийцы стали сильными и новое, более страшное, племя морских разбойников – греков – появилось на море с севера.

Царь назывался Миносом, так же как египетский назывался фараоном; он жил во дворце, снабженном водопроводом, с ваннами и тому подобными удобствами, которых мы не встречаем ни в одной из других древних развалин. Там он устраивал огромные пиры и праздники. Бывали даже бои быков, удивительно похожие на бой быков, существующий теперь в Испании; даже в одежде бойцов можно найти сходство; были и гимнастические представления; женская одежда была по духу своему удивительно близка к современной; женщины носили корсет и платье с оборками. Посуда, материи, скульптура, живопись, драгоценности, работы из слоновой кости и металла и инкрустации критян были часто поразительно красивы. У них также была своя система письма, но нам еще предстоит расшифровать ее.

Эта счастливая, залитая Солнцем, культурная жизнь длилась несколько десятков веков. Около 2000 лет до Р. Х. Кносс и Вавилон населял многочисленный, обеспеченный, культурный народ, жизнь которого была, по-видимому, чрезвычайно приятной. У него были театральные представления и религиозные праздники, за ним ухаживали домашние рабы; промышленные рабы доставляли ему доходы. За-

литая Солнцем, окруженная синим морем жизнь этих людей в Кноссе была, казалось, очень обеспеченной. Египет с его полуварварскими царями-пастухами, вероятно, считался в те дни страной упадка, и если кто-нибудь интересовался политикой, он не мог не заметить, как семитические народы распространялись, по-видимому, повсюду: они управляли Египтом; управляли отдаленным Вавилоном; на верховьях Тигра строили Ниневию; мореплаватели их доходили до Столбов Геркулесовых (Гибралтарский пролив), основывая на этих дальних побережьях свои колонии.

Были, по-видимому, в Кноссе и деятельные, любознательные умы, потому что позднее греки рассказывали легенды о каком-то искусном критском художнике Дедале, который пробовал построить летательную машину, быть может, что-то вроде парашюта, который опрокинулся и упал в море.

Интересно отметить не только сходство, но и некоторые различия между жизнью Кносса и нашей. Для какого-нибудь критянина, жившего за 2500 лет до Р. Х., железо было редчайшим металлом, который падал с неба, и было скорее любопытным явлением, нежели полезным предметом, потому что в те времена было известно только метеорное железо и еще не умели добывать его из руды. Сравните это с современным положением, когда железо царит повсюду. Лошадь также была для критянина легендарным существом, чем-то вроде усовершенствованного осла, живущего в суровых северных странах, далеко за Черным морем. Для него цивили-

зация сосредоточивалась в Эгейской Греции, Малой Азии, где лидийцы, карийцы, и жители Трои вели жизнь, похожую на его жизнь и, вероятно, говорили на родственном языке. Существовали и финикийцы, и эгейцы, поселившиеся в Испании и северной Африке, но по его представлению это были очень отдаленные местности. Италия все еще была пустынной страной, покрытой дремучими лесами: смуглокожие этруски еще не переселились туда из Малой Азии. Быть может, когда-нибудь критянин, спустившись в гавань и увидев пленника, привлекшего его внимание своей белой кожей и голубыми глазами, попытался бы заговорить с ним и получил бы ответ на непонятном для него наречии. Существо это, происходившее откуда-то из-за Черного моря, казалось бы ему совсем темным дикарем. Но, в действительности, это был бы человек арийского племени, принадлежавший к расе и культуре, о которой нам скоро придется много говорить, а странному наречию его было суждено в будущем разделиться на санскритский, персидский, греческий, латинский, немецкий, английский и большинство других главных языков мира.

Таков был Кносс в своем расцвете культурной, предприимчивой, оживленной и счастливой жизни. Но около 1400 лет до Р. Х. на него обрушилось бедствие, неожиданно разрушившее это благосостояние. Дворец Миноса был разбит, и с тех пор, и до сего времени, развалины его никогда не восстанавливались. Мы не знаем, как случилось это несчастье.

Раскопки указывают на следы возможного грабежа и пожара. Но также были найдены и следы разрушительного землетрясения. Быть может, природа разрушила Кносс, а греки dokonчили то, что было начато землетрясением.

Глава XVIII. Египет, Вавилон и Ассирия

Египтяне не особенно охотно сносили иго семитических царей-пастухов, и, приблизительно за 1600 лет до Р. Х., они энергичным патриотическим восстанием изгнали этих чужеземцев. Наступила новая эпоха возрождения для Египта, период, названный египтологами Новой Империей. Египет, в котором до вторжения Гиксов не замечалось тесной сплоченности, после их изгнания стал единым, сильным государством. Пройденная школа порабощения и восстания пробудила полностью его воинственный дух. Фараоны превратились в нападающих победителей. К этому времени в их распоряжении находились уже боевые кони и колесницы, введенные Гиксами. В царствование Тутмоса III и Аменофиса III владычество Египта простиралось далеко вглубь Азии, вплоть до Евфрата.

С этого времени начинается тысячелетняя война между некогда совершенно обособленными цивилизациями Месопотамии и Нила. В начале первенство оставалось за Египтом. Великие династии – 17-я, включающая правление Тутмоса III, Аменофисов (Аменхотепов) III и IV и великой царицы Хатасу (Хатшепсут), и 19-я, в которой Рамзес II, бывший, по мнению некоторых авторитетов, фараоном при Моисее,

царствовал в продолжение шестидесяти семи лет, – подняли Египет до высокой степени благосостояния. В промежутках в Египте бывали также периоды упадка: порабощение сирийцами и, позднее, порабощение эфиопами, пришельцами с юга. В Месопотамии установилось владычество Вавилона; впоследствии хеттиты и сирийцы из Дамаска временно достигли первенства. Сирийцы также временно покорили Египет. Счастье ассирийцев в Ниневии было неустойчиво: временами город этот бывал поработан. Временами ассирийцы владычествовали над Вавилоном и нападали на Египет. Размеры этой книги не позволяют нам остановиться более подробно на походах и передвижениях египетских войск и войск различных семитических государств Малой Азии, Сирии и Месопотамии. Эти войска сопровождались целыми полчищами колесниц, ибо к этому времени употребление лошади распространилось из Средней Азии на все древние цивилизации, хотя пока еще только для целей войны и парада.

Из туманного прошлого тех отдаленных времен выступают великие завоеватели и снова исчезают: Тушратта – царь Митанарский, завоевавший Ниневию; Тиглат Пилессер I из Ассирии, завоевавший Вавилон. Наконец, военное первенство укрепилось за ассирийцами. В 745 году до Р. Х. Тиглат Пилессер III завоевал Вавилон и основал, так называемую, Ново-Ассирийскую империю. К этому времени употребление железа, знакомое вначале лишь на севере, стало уже из-

вестным и здесь. Первыми стали употреблять его хеттиты, предшественники армян; они же научили применению его и ассирийцев; а один из ассирийских узурпаторов, Саргон II, вооружил им свои войска. Ассирия первая начала проповедовать учение крови и железа. Сын Саргона – Синаххериб – довел свои полки до границ Египта и был побежден не военной силой, а чумой. Внук Синаххериба – Ашшурбанапал (известный в истории под именем Сарданапала) окончательно покорил Египет в 670 году; но к тому времени Египет уже был страной побежденной, находящейся под владычеством Эфиопской династии. Сарданапал лишь занял место другого завоевателя.

Если бы в нашем распоряжении находились целые серии политических атласов, мы увидели бы, что Египет то разбухал, то съеживался, подобно амебе под микроскопом. Мы увидели бы разнообразные семитические государства – вавилонян, ассирийцев, хеттитов и сирийцев – возникающие и исчезающие, взаимно поглощающие и опять извергающие друг друга. На западе Малой Азии находились мелкие Эгейские государства, вроде Лидии, со столицей Сардами и Карию. Но приблизительно после 1200 года до Р. Х., а может быть, и ранее, новые имена появляются на карте Древнего мира, вторгаясь в него с северо-востока и северо-запада. То были имена варварских племен, вооруженных железным оружием и употребляющих колесницы, запряженные конями; племена эти сделались бичом Эгейской и Семитической

цивилизаций северных окраин. Все они говорили на различных наречиях, происходящих от одного и того же языка – Арийского.

К северо-востоку от Черного и Каспийского морей появляются персы и мидяне. В современных тому времени летописях к последним примешивались скифы и сарматы. С северо-востока и северо-запада пришли армяне; с северо-запада, из-за морей, через Балканский полуостров, появились киммерийцы, фригийцы и эллинские племена, которые мы называем греками. Эти арийцы, как восточные, так и западные, были хищниками и разбойниками, нападали на границы и грабили города. Все эти племена были родственны и схожи между собой. Это были выносливые пастухи, обратившиеся в разбойников. На востоке они были только хищниками и грабителями, но на западе они завоевывали города, вытесняя из них цивилизованные эгейские народы. Положение эгейских народов стало настолько безвыходно, что они стали приискивать себе новую родину за пределами населенных арийцами областей. Некоторые из них искали себе пристанища в области, образованной дельтой Нила, но здесь встретили отпор со стороны Египта. Некоторые, например, этруски, по-видимому, покинули Малую Азию для того, чтобы основать государство в лесных дебрях Средней Италии; некоторые строили города на юго-восточном побережье Средиземного моря и впоследствии образовали народ, известный под названием филистимлян.

Об этих арийцах, которые так неожиданно появляются среди древней цивилизации, мы будем еще говорить в другом месте. Здесь мы только отметим те сдвиги и переселения, которые произошли в местах древних цивилизаций вследствие начавшегося между 1600 и 600 годом до Р. Х. постепенного и постоянного наплыва из северных лесов и пустынь этих арийских варваров.

В другом месте нам придется говорить о другом небольшом семитическом народе – евреях, который жил в горах за Финикийским и Филистимлянским побережьем и к концу означенного периода начал приобретать мировое значение. Он создал литературу, имевшую огромное значение для будущей истории: собрание книг, историй, поэм, книг премудрости и пророческих предсказаний – еврейскую Библию.

В Месопотамии и Египте нашествие арийцев произвело глубокие перемены не ранее, чем за 600 лет до Р. Х. До этого времени бегство эгейцев перед наступлением греков и даже разрушение Кносса, вероятно, очень мало волновало какого-нибудь жителя Египта или Вавилона. В этих государствах – колыбелях нашей цивилизации – династии возвышались и исчезали, не нарушая обычного течения человеческой жизни: только из века в век, медленно возрастали сложность и утонченность жизни. В Египте вместо сохранившихся памятников более древних времен (пирамиды и тогда уже считывали почти 3000 лет давности и, как и в наши дни, показывались иностранцам, как достопримечательность) появ-

ляются новые великолепные постройки; особенно блистает ими 17-я и 19-я династии. Величественные храмы в Карнаке и Луксоре относятся к этому времени. Главные памятники в Ниневии – величественные храмы, крылатые быки с человеческими головами, барельефы царей, колесниц, львиных охот относятся к периоду времени между 1600 и 600 лет до Р. Х. В эту эпоху возникает также большинство великолепных построек Вавилона.

У нас сохранились многочисленные письменные памятники Месопотамии и Египта: деловая отчетность, рассказы, поэмы и частная переписка. Мы знаем, что жизнь зажиточных и влиятельных людей в таких городах, как Вавилон или египетские Фивы, была и тогда почти такой же утонченной и роскошной, как жизнь современных нам обеспеченных классов общества. Жизнь таких людей протекала в благоустроенной и пышной обстановке. Они жили в прекрасных, роскошно обставленных и разукрашенных домах; одевались в богатые ткани и украшались драгоценностями; у них были пиры и празднества; они услаждали друг друга пением и танцами; окружали себя вымуштрованными рабами; у них были также доктора и зубные врачи. Путешествовали они еще немного и недалеко, но экскурсии в лодках по Нилу и Евфрату были их обычным летним развлечением. Вьючным животным их служил осел, – лошадь употреблялась лишь в колесницах для войны и в торжественных случаях; мулы только начинали вводиться, а верблюд хотя и был известен в Месопотамии,

но еще не появлялся в Египте. Железо употреблялось еще редко; гораздо больше были распространены медь и бронза. Тонкое льняное полотно, бумажные и шерстяные ткани были известны, но шелковые еще не встречались. Было известно и стекло, которое великолепно раскрашивалось, но выдвигались из него обычно лишь очень небольшие вещи; прозрачного стекла еще не было совсем. Не употреблялось оно и для целей оптики. В зубах у людей бывали золотые пломбы, но очков они еще не носили.

Существенная разница между жизнью древних Фив и Вавилона и нашей жизнью состоит в том, что у них не было чеканных денег. Почти вся торговля велась товарообменом. В финансовом отношении Вавилон далеко опередил Египет. Золото и серебро употреблялось для обмена и сохранялось в слитках. Банкиры существовали уже и тогда, когда еще не чеканили денег. Они накладывали свой штампель на слитки драгоценного металла и обозначали их вес. Купец или путешественник брали с собой эти драгоценные слитки, чтобы расплачиваться. Большинство прислуги и рабочих были рабами, которым жалованье выплачивалось натурой, а не деньгами. С введением денег рабство пошло на убыль.

Современный посетитель этих главных городов древнего мира ощутил бы недостаток двух существенных предметов питания: там не было ни кур, ни яиц. Повар-француз был бы несчастным существом в Вавилоне. Эти продукты появились с востока, только к концу последней Ассирийской им-

перии.

Религиозный ритуал, как и все остальное, принимал постепенно более мягкие формы. Человеческие жертвы, например, давно из него исчезли. Они были заменены принесением в жертву животных или статуэток, сделанных из хлеба. (Но финикийцев и особенно граждан Карфагена – самого крупного поселения в Африке – впоследствии все же обвиняли в человеческих жертвоприношениях). Когда в древние времена умирал великий вождь, обычай требовал принесения в жертву жен и рабов и преломления над его могилой меча и лука, чтобы он мог явиться в мир духов вооруженный и со свитой. В Египте от этой мрачной традиции сохранился очень ценный для нас обычай: вместе с покойником зарывали в землю модели дома, лавки, изображения слуг и домашних животных; они дают нам возможность получить самое наглядное представление о полной довольства культурной жизни этого древнего народа за три или более тысячи лет назад.

Таков был древний мир до прихода из северных лесов и долин арийцев. В Индии и Китае мы видим схожее развитие. В великих долинах этих областей разрастались земледельческие города-государства, населенные коричневокожим народом, но, по-видимому, в Индии они развивались и укреплялись менее быстро, чем города-государства Месопотамии и Египта. Они скорее стояли на уровне древних шумерийцев или цивилизации майя в Америке. Китайским ученым еще

предстоит привести историю Китая в более современный вид, очистив ее от легендарных элементов. По всей вероятности, в эти времена Китай стоял на более высоком уровне развития, чем Индия. Одновременно с 17-й Египетской династией в Китае тоже существовала династия императоров – династия Шан. То были императоры-жрецы, властвующие над слабо спаянными государствами вассальных им королей. Главной обязанностью этих первых императоров было принесение соответствующих периодических жертвоприношений. Прекрасные бронзовые сосуды сохранились со времени династии Шан. Красота и совершенство их исполнения заставляют вас признать, что производству их должны были предшествовать многие века цивилизации.

Глава XIX. Первобытные арийцы

Четыре тысячи лет назад, т. е. около 2000 лет до Р. Х., центральная и юго-восточная части Европы и центральная Азия были, по всей вероятности, теплее, влажнее и более густо покрыты лесами, нежели теперь. В этой местности бродили группы племен, большею частью белокурой и голубоглазой северной расы. Племена эти были настолько родственны друг другу, что от Рейна до Каспийского моря могли объясняться на различных наречиях одного общего языка. В то время они, по-видимому, были настолько немногочисленны, что о существовании их даже не подозревали ни вавилоняне, получившие законодательство от Хаммурапи, ни древняя, культурная страна – Египет, который в те дни впервые испытывал всю горечь порабощения.

Этим северным племенам суждено было сыграть выдающуюся роль в мировой истории. Они жили в лесистых местностях и расчищали их; лошадей у них еще не было, но зато был рогатый скот. Перекочевывая с места на место, они складывали свои пожитки на грубо груженные телеги или арбы, запряженные волами; когда они предполагали пробыть более продолжительное время на одном месте, то они строили лачуги из земли и ветвей. Они сжигали тех покойников, которым хотели оказать почести, а не хоронили их со всякими обрядами, как это делали народы смуглые. Пепел сво-

их великих предводителей они собирали в урны и насыпали над ними большие круглые холмы. Эти холмы, встречающиеся повсюду в северной Европе, называются «круглыми курганами». Смуглые народы, предшественники белокурых, не сжигали своих покойников, а хоронили их в сидячем положении в продолговатых холмах, называемых «продолговатыми курганами».

Арийцы сеяли пшеницу, пахали на волах, но они не обособывались около своих посевов. Они снимали урожай и двигались дальше. Они были знакомы с бронзой, и приблизительно за 1500 лет до Р. Х., у них в обращении находят и железо. Быть может, они-то и стали впервые плавить железо. Приблизительно к тому же времени относится появление лошади – вначале она употреблялась только как упряжное животное. Общественная жизнь этих народов не сосредоточивалась около храма, как жизнь более оседлых народов, живших вокруг Средиземного моря; они управлялись не столько жрецами, сколько вождями. Общественный строй их основывался не на подчинении царю и первосвященнику, а на первенстве знатных семей; с очень давних времен они выделяли некоторые прославившие себя семьи, создав, таким образом, касты знати и вождей.

Народы эти были музыкальны. Они оживляли свои странствования разными празднествами, во время которых предавались пьянству, а особого рода певцы – поэты услаждали их песнями и декламацией. До времени столкновения их

с цивилизованными народами они не умели писать, так что память этих певцов была для них своего рода живой литературой. Этот обычай декламации во время пиров очень способствовал созданию прекрасного выразительного языка, и этому, по всей вероятности, нужно приписать последующее распространение арийского языка. Каждый арийский народ кристаллизовал свою историю в былинах, сказаниях, сагах и ведах – как назывались они у различных народов.

Общественная жизнь их сосредоточивалась вокруг домашнего очага вождей. В тех местах, где они временно обосновывались, хоромы вождей часто представляли собой очень обширное деревянное здание. По всей вероятности, существовали постройки для скота и других хозяйственных надобностей; но у большинства арийских народов главное помещение в хорамах вождя представляло общее средоточие, куда все сходились пировать, слушать певцов и принимать участие в играх и спорах. Дом вождя был окружен сараями и конюшнями. Для ложа предводителя, его жены и некоторых домочадцев отделялась несколько возвышенная часть помещения, или же они спали на верхней галерее; простолюдины спали где и как попало; в Индии спят так и по сие время. Среди племени господствовал своего рода патриархальный коммунизм; только оружие, украшения, инструменты и т. п. являлись предметами личной собственности. Вождь владел скотом и пастбищами, защищая общие интересы; леса и реки не принадлежали никому.

Таковы были обычаи народов, разраставшихся и размножавшихся на больших пространствах Центральной Европы и на западе Центральной Азии одновременно с развитием великих цивилизаций Месопотамии и Нила. Народы эти, во втором тысячелетии до Р. Х., начинают со всех сторон теснить гелиолитические народы. Они проникли во Францию, Великобританию и Испанию. Двумя широкими потоками двигались они на запад. Первые из этих народов, достигших Великобритании и Ирландии, были вооружены бронзовым оружием. Они уничтожили и подчинили себе народ, воздвигший громадные каменные сооружения в Карнаке, в Бретани, в Стоунхендже и Эйвбери, в Англии. Они проникли в Ирландию. Их называют гойдельскими кельтами. Вторая волна народов, родственных первым, но, быть может, не без примеси других рас, принесла в Великобританию железо. Эта волна народов называется британскими кельтами. От их наречия происходит язык Уэльса.

Родственные кельтские племена продвигались на юг, в Испанию, сталкиваясь не только с гелиолитическими басками, которые все еще занимали страну, но и с финикийскими колониями побережья. Целая группа племен, тесно связанных с ними, – италийцы – продвигалась вниз по еще дикому лесистому Апеннинскому полуострову. Не всегда они оставались победителями.

В VIII веке до Р. Х. впервые появляется в истории имя Рима, торгового города на берегах Тибра, населенного арийски-

ми латинянами, но находящегося под владычеством этрусской аристократии и царей.

На противоположном краю области, занятой арийцами, такое же продвижение народов совершалось в южном направлении. Арийские народы, говорящие на санскритском языке, более чем за тысячу лет до Р. Х. спустились вниз через западную часть северной Индии. Здесь они столкнулись с туземной цивилизацией черного народа – дравидов. От них они многому научились. Другие арийские племена, по-видимому, распространились в гористой местности Центральной Азии, далеко на восток от области, обитаемой этими народами в настоящее время. В восточном Туркестане до сих пор встречаются белокурые, голубоглазые северные племена, но говорят они теперь на монгольских наречиях.

Между Черным и Каспийским морями древние хетты были вытеснены и «арийнизованы» армянами за 1000 лет до Р. Х., и ассирийцы и вавилоняне уже знали о существовании на их северо-восточных границах угрожающих им новых воинственных варваров, группы племен, из которых наиболее известны имена: скифов, мидян и персов.

Но первое серьезное нападение на самое сердце древней мировой цивилизации было произведено арийцами через Балканский полуостров. Уже в течение многих столетий, почти за тысячелетие до Р. Х., они продвигались на юг и перебирались в Малую Азию. Первой появилась там группа племен, из которых самыми выдающимися были фригийцы; за

ними последовали греки – эолийцы, ионийцы и дорийцы. За тысячу лет до Р. Х. они стерли древнюю эгейскую цивилизацию как на греческом материке, так и на греческих островах. Города Микены и Тиринф были уничтожены и Кносс почти заброшен. Более, чем за 7000 лет до Р. Х. греки сделали мореплавателями: они поселились на Крите и Родосе и основали колонии в Сицилии и на юге Италии, подобно разбросанным по всему побережью Средиземного моря торговым городам Финикии.

Итак, в то время, как Тиглатпалассар III, Саргон II и Сарданапал властвовали в Ассирии, воевали с Вавилоном, Сирией и Египтом, арийский народ перенимал систему цивилизации, перерабатывая ее для своих целей, в Италии, Греции и северной Персии. Все содержание истории, начиная с IV века до Р. Х. и в продолжение последующих шести веков, есть ничто иное, как история усиления власти и предприимчивости арийского народа и покорения им Древнего мира, как семитического, так и эгейского и египетского. С внешней стороны победа осталась всецело за арийцами; но борьба между арийским, семитическим и египетским мировоззрением и культурой продолжалась еще долго и после того, как первенство перешло в руки арийцев. В действительности эта борьба проходит через всю историю и, до известной степени, продолжается и по сие время.

Глава XX. Последнее Вавилонское царство и царство Дария I

Мы уже упоминали о том, что Ассирия в царствование Тиглата Пилессера III и узурпатора Саргона II сделалась сильной военной державой. Саргон не было его настоящим именем: он назвался так, чтобы польстить побежденным вавилонянам в воспоминание об основателе древнего Аккадского царства – Саргоне I, жившем за 2000 лет до того. Несмотря на то, что Вавилон был городом покоренным, он имел более многочисленное население и большее значение, чем Ниневия, и к великому вавилонскому богу Бел-Мардуку, как и к вавилонским купцам и жрецам приходилось относиться с уважением. В Месопотамии VIII века до Р. Х. были уже забыты варварские времена, когда взятие города означало грабеж и избиение жителей. Победители стремились польстить побежденным и привлечь их к себе. В продолжение полутора веков после Сайгона держалось еще новое Ассирийское царство, и, как мы уже говорили, Ашшурбанапал (Сарданапал) завладел даже нижним Египтом.

Но могущество и сплоченность Ассирии быстро падали. В царствование фараона Псамметиха I Египет общим дружным усилием сбросил иго чужестранцев, а в царствование Нехо II попытался начать завоевательную войну в Сирии. В

это время Ассирии приходилось бороться с своими ближайшими врагами, и она могла оказать лишь слабое сопротивление. Семитический народ с юго-востока, халдеи, соединился против Ниневии с северо-восточными арийцами, мидянами и персами, и в 606 году до Р. Х., – ибо теперь мы уже добрались до точной хронологии, – город был взят.

Последовал раздел Ассирии. На севере было основано царство мидян с царем Киаксаром. В него входила и Ниневия, а столицей его была Эқбатана. На востоке оно простиралось до границ Индии, на юге от него полукругом лежало новое Халдейское государство – вторая Вавилонская империя, которая достигла богатства и могущества в правление Навуходоносора Великого. Последние великие дни наступили для Вавилона, величайшие из всех, бывших в его истории. Некоторое время оба государства жили в мире, и дочь Навуходоносора была выдана замуж за Киаксара.

Тем временем Нехо II продолжал свои легкие завоевания в Сирии. В 608 году, в битве при Мегиддо, он разбил и умертвил Иосию, царя Иудеи, небольшой страны, о которой вам вскоре придется говорить, и продвинулся к Евфрату для того, чтобы сразиться уже не с разлагающейся Ассирией, а с возрождающимся Вавилоном. Халдеи решительно отразили египтян. Нехо был разбит и прогнан обратно в Египет и вавилонская граница отодвинулась до древней египетской границы.

С 606 до 539 года до Р. Х. процветание второго Вавилон-

ского царства шло с переменным успехом. Оно преуспевало, пока сохраняло мир с более сильным и крепким государством мидян на севере. В продолжение 67 лет в древнем городе процветала не только жизнь, но и наука.

Уже в дни ассирийских царей, особенно при Сарданапале, Вавилон был центром усиленной умственной деятельности. Сарданапал, хотя и был ассирийцем, обратился в настоящего вавилонянина. Он основал библиотеку, собрав в ней не книги, а глиняные дощечки, употребляемые в Месопотамии для письма с начала шумерийских времен. Коллекция его была найдена и представляет собою, быть может, драгоценнейший в мире клад исторических материалов. Еще более интересовался литературой последний из Халдейской династии Вавилонских царей – Набонид. Он покровительствовал археологическим изысканиям, и, когда последними был выяснен год восшествия на престол Саргона I, он увековечил это событие надписями. Однако, в государстве его было много признаков разъединения, и он стремился централизовать его, перевоза различных местных богов в Вавилон и возводя им там храмы. Метод этот успешно применялся в позднейшие времена римлянами, но в Вавилоне он вызвал зависть и ревность могущественного сословия жрецов Бел-Мардука, главного бога вавилонян. Они стали стремиться к смещению Набонида и нашли ему заместителя в лице Кира Персидского, правителя близлежащего царства мидян. Кир уже прославился своей победой над Крезом, богатым владыкою Лидии, на востоке

Малой Азии. Он двинул свои силы на Вавилон; под стенами города произошла битва, и в 588 году городские ворота были открыты. Солдаты его вошли в город без боя. Наследник царя Валтасар был той же ночью убит. Набонид взят в плен, а занятие города произошло так мирно, что служение Бел-Мардуку продолжалось беспрепятственно.

Таким образом объединились Вавилонское и Мидяньское царства. Камбис, сын Кира, покорил Египет. Камбис сошел с ума и был случайно убит, и вскоре на престол взошел Дарий Мидянин, Дарий I, сын Гистаспа, одного из главных советников Кира.

Персидское царство Дария I, первое новое Арийское государство, возникшее на месте старых цивилизаций, было самым крупным государством из всех существовавших дотопе. В него входили: вся Малая Азия и Сирия, и все старые ассирийские и вавилонские владения – Египет, Кавказ, Каспийская область, Мидия, Персия; в Индии оно простиралось до Инда. Создание такого царства было возможно лишь благодаря появлению лошади; появились всадники и колесницы и пробиты были дороги. До тех пор для быстреего способа сообщения служили лишь ослы и волы, а в пустыне верблюды. Персидские цари для того, чтобы управлять страной, исчертили ее сетью больших дорог; почтовые лошади были всегда наготове для царских посланцев или путешественников с казенным разрешением. Кроме того, стали входить в обращение чеканные деньги, что значительно облегчило торговлю и

сношения. Столицей этого царства был уже не Вавилон, и в конце концов жрецы Бел-Мардука ничего не выиграли своей изменой. Вавилон, хотя и имел еще значение, начинал приходить в упадок и главными городами новой империи стали Персеполь, Сузы и Экбатана. Столицей стали Сузы. Ниневия была уже покинута и превратилась в развалины.

Глава XXI. Древняя история евреев

Теперь мы можем перейти к евреям, т. е. семитическому народу, имеющему значение не столько во время своего самостоятельного существования, сколько по оказанному им влиянию на позднейшую историю человечества. Евреи обосновались в Иудее больше, чем за 1000 лет до Р. Х., и столицей их с тех пор был Иерусалим. История их тесно связана с историей великих государств, смежных с ними: Египта на юге и сменяющихся государств Сирии, Ассирии и Вавилона на севере. Страна их неизбежно стала проезжей дорогой между этими последними и Египтом.

Значение евреев для мира состоит в том, что они создали письменную литературу, всемирную историю, собрание законов, летописей, псалмов, книг премудрости, поэзии и прозы и политических изречений, которые впоследствии стали тем, что называют Ветхим Заветом, – Еврейской Библией. Литература эта появляется в IV и V веке до Р. Х.

Вероятно, литература эта была впервые собрана в Вавилоне. Мы уже говорили о том, как фараон Нехо II вторгся в Ассирийское царство в то время, когда Ассирия боролась за свое существование с мидянами, персами и халдеями. Иосия, царь Иудеи, оказал ему сопротивление и при Ме-

гиддо потерпел поражение и был убит (608 г. до Р. Х.). Иудея впала в зависимость от Египта, и, когда Навуходоносор Великий, новый Халдейский царь Вавилона, прогнал Нехо обратно в Египет, он попытался управлять Иудеей, назначая в Иерусалим номинальных царьков. Опыт не удался, – народ умерщвлял вавилонских чиновников, и Навуходоносор решил уничтожить маленькое государство, так долго искусно игравшее на вражде между Египтом и северным государством. Иерусалим был сожжен и разграблен, а остаток народа уведен в плен в Вавилон.

Там они и оставались до тех пор, пока Кир не завоевал Вавилон в 538 году до Р. Х. Тогда они были собраны и отосланы обратно, чтобы воссоздать свою страну и вновь построить стены и храм в Иерусалиме.

До этого времени иудеи, по-видимому, не были ни особенно цивилизованны, ни крепко объединены. Вероятно, только немногие из них умели читать и писать. В их истории нет никаких указаний о чтении первых книг Библии: первое упоминание о книгах относится к временам царя Иосии. Вавилонское пленение цивилизовало и объединило их. Они возвратились сознавшими значение своей литературы: возвратились народом сознательным и политически зрелым.

В то время Библия их, по-видимому, состояла только из Пятикнижия, т. е. первых пяти книг того Ветхого Завета, который мы теперь знаем. Кроме того, в отдельных книгах у них имелось многое из того, что позднее, вместе с Пяти-

книжием, составило современную Еврейскую Библию, например, книги Паралипоменон, Псалмы и Притчи.

Рассказ о сотворении мира, Адама и Евы и о потопе почти совпадает с подобными же вавилонскими легендами; по-видимому, эта часть веры была присуща всем семитическим народам. Также истории Моисея и Самсона имеют сходные шумерийские и вавилонские варианты. Но, начиная с истории Авраама, появляется нечто особое, присущее еврейской расе.

Возможно, что Авраам жил не позднее времен Вавилонского Хаммурапи. Он был патриархальным семитическим кочевником.

После долгого пребывания в Египте и 50-летнего странствования по пустыне под предводительством Моисея, дети Авраамовы, размножившиеся к тому времени в двенадцать племен, захватили землю Ханаанскую на восток от Аравийской пустыни. Это могло произойти между 1600 и 1300 годами до Р. Х. В Египте не сохранилось никаких летописей о Моисее и о Ханаане, которые помогли бы нам уяснить этот период еврейской истории. Во всяком случае им не удалось завоевать ничего, кроме гористой окраины «Обетованной земли». Побережье находилось уже не в руках хананеян, пришельцев – эгейцев, филистимлян, и города их Газа, Гад, Ашдод, Ашкелон и Иафо успешно сопротивлялись еврейскому наступлению. В продолжение многих поколений потомки Авраама оставались мало известным народом гор-

ной страны, занятым постоянными мелкими столкновениями с филистимлянами и родственными им соседними племенами: моавитянами, мидианитянами и другими. Читатель найдет в Книге Судей летопись их борьбы и несчастий за этот период. Ибо, откровенно говоря, это, по большей части, летопись неудач и поражений.

В продолжение большей части этого периода евреи управлялись – постольку, поскольку они вообще кем-нибудь управлялись, – судьями-священниками, которых избирали народные старейшины. Наконец, – приблизительно за 1000 лет до Р. Х. – они избрали себе царя Саула, который должен был вести их к победам. Но предводительство Саула оказалось немногим удачнее предводительства судей; он погиб под стрелами филистимлян в битве при горе Гелвуде; вооружение его было принесено в храм филистимлянской Венеры, а тело пригвождено к стенам Бет-Шана.

Его преемник, Давид, оказался более удачливым и более способным политиком. При Давиде зажглась заря единственного счастливого периода, которому суждено было выпасть на долю еврейского народа. Благоденствие это основывалось на тесном союзе с финикийским городом Тиром, царь которого, Хирам, был, по-видимому, человеком выдающегося ума и предприимчивости. Ему хотелось обеспечить за собой торговую дорогу к Красному морю через гористую страну евреев. Обыкновенно финикийская торговля с Красным морем шла через Египет, но в это время Египет был

в состоянии глубокой разрухи; может быть, существовали и другие препятствия на этом пути. Во всяком случае, Хирам установил самые близкие отношения с Давидом и с сыном и наследником его Соломоном. При содействии Хирама построен был Иерусалимский храм, стены и дворец, за что ему было позволено построить и спустить в Красное море свои корабли. Через Иерусалим шла значительная торговля с севером и югом. Соломону удалось достигнуть величия и благоденствия, неизвестного дотоле его народу.

Не следует, однако упускать из вида относительный размер событий. В расцвете своей славы Соломон был лишь маленьким подчиненным царьком маленького города. Могущество его было настолько преходяще, что через несколько лет после его смерти Шешонк, первый фараон 22-й династии, взял Иерусалим и разграбил его драгоценности. С другой стороны, из рассказа самой Библии мы можем убедиться, что Соломон устал от своей роскошной, расточительной жизни и что он переобременил свой народ налогами и работами. После его смерти северная часть его царства отпала от Иерусалима и сделалась самостоятельным Израильским царством. Иерусалим остался столицей Иудеи.

Благосостояние еврейского народа было недолговечно: Хирам умер, и Иерусалим потерял поддержку Тира. Египет снова усилился. История царей Иудейских и царей Израильских делается историей двух маленьких государств, сдавленных между Египтом с юга и с севера сначала Сирией, дотом

Ассирией и, наконец, Вавилоном. Это – история бедствий и кратковременного благополучия, за которым неизменно шли новые неудачи. Это – история царей-варваров, управляющих варварским народом. В 721 году до Р. Х. народ Израильский был уведен в плен ассирийцами, и царство Израильское совершенно погибло для истории. Иудея же просуществовала до 604 года до Р. Х., когда, как было уже сказано, она разделила судьбу Израиля.

В Вавилоне еврейский народ собрал воедино свои силы и создал свою традицию. Вернувшись по приказанию Кира в Иерусалим, он казался, по своему духу и степени просвещения, совсем другим народом, чем тот, который отправился в плен. Он воспринял цивилизацию. В развитии его своеобразного характера большую роль сыграли люди особого, нового в истории типа, – так называемые пророки, на которых нам и нужно остановиться несколько долее. Пророки отмечают собой появление новых, выдающихся сил в постепенном развитии человеческого общества.

Глава XXII. Еврейские священники и пророки

Падение Ассирии и Вавилона было лишь первым из многих бедствий, которым суждено было обрушиться на семитические народы. В VII веке до Р. Х. казалось, что всему цивилизованному миру предстоит подчиниться власти семитов. Они управляли великим ассирийским царством и покорили Египет; Ассирия, Вавилон и Сирия все были семитическими государствами, все говорили на взаимопонятном языке. Мировая торговля была в руках семитов. Тир и Сидон, главные города Финикийского побережья, основали колонии в Испании, Сицилии и Африке, которым суждено было в будущем развернуться еще шире. Население Карфагена, основанного более чем за 800 лет до Р. Х., превысило миллион жителей. Некоторое время он был величайшим городом в мире. Корабли его ходили в Британию и на атлантический океан. Быть может, они достигали Мадеры. Мы уже говорили о том, как Хирам, при содействии Соломона, строил корабли на Красном море для торговли с арабами и, быть может, даже с Индией. Во времена фараона Нехо одна финикийская экспедиция объехала всю Африку.

Арийцы в это время все еще оставались варварами. Одни только греки создавали новую цивилизацию на месте разру-

шенной ими, да мидяне, в Средней Азии, становились «угрожающими», как гласит об них одна ассирийская надпись. За 800 лет до Р. Х. никто не мог предсказать, что еще раньше III века до Р. Х. всякий след семитического владычества будет сметен победоносными арийцами; что повсюду семитические народы превратятся в подвластных или будут рассеяны совершенно и племена их будут платить дань повсюду, кроме лишь северных пустынь Аравии, где бедуины все еще придерживались кочевого образа жизни, т. е. первобытного образа жизни семитов до завоевания Шумерии Саргоном II и его аккадийцами. Араб-бедуин никогда не покорялся арийскому владычеству.

Из всех цивилизованных семитов, побежденных и плененных в продолжение этих богатых событиями пяти веков, только один народ сохранил свою сплоченность и свой древний обычай, а именно, тот маленький народ – евреи, который был возвращен на родину Киrom Персидским, чтобы вновь выстроить свой город Иерусалим. Они смогли выполнить это благодаря собранной ими в Вавилоне литературе, благодаря своей Библии. Не столько Библия была создана евреями, сколько еврейский народ был создан Библией. В Библии появляются некоторые понятия, отличные от понятий окружающих их народов, – мысли, ободряющие и укрепляющие, которых евреям суждено было держаться в продолжение двадцати пяти веков бедствий, приключений и притеснений.

Руководящей идеей евреев была идея невидимого и да-

лекого бога, пребывающего в храме нерукотворенном, бога справедливости, преисполняющего Землю. У других народов были свои народные боги, воплощенные в изображениях и живущие в храмах. Если изображение разбивалось и храм был уничтожен, то бог вскоре умирал. Совершенно новым было это еврейское понятие о боге в небесах, над всеми священниками и жертвоприношениями. Евреи верили, что этот бог, бог Авраама, избрал их своим народом, чтобы воссоздать Иерусалим и сделать его градом справедливости в мире. Мысль об этом предназначении поднимала их в собственных глазах и воодушевляла их, когда они вернулись в Иерусалим после Вавилонского пленения. Неудивительно, что во времена переворотов и покорений эта религия евреев привлекла многих вавилонян, сирийцев, а позже и многих финикийян, говорящих почти на том же языке и имеющих те же обычаи, привычки и предания.

После падения Тира, Сидона, Карфагена и финикийских городов в Испании, финикийцы внезапно исчезают со страниц истории; и также внезапно находим мы не только в Иерусалиме, но и в Испании, в Африке, в Египте, в Аравии, на востоке – всюду, где мы видели ранее финикийцев, общины евреев, связанных воедино Библией и учением ее. С самого начала Иерусалим был лишь по названию их столицей; настоящей же их столицей, центром их жизни была эта Книга Книг. Явление это было в истории совершенно новым. Но семена его были посеяны уже давно: в те времена, когда шу-

мерийцы и египтяне впервые стали превращать свои иероглифы в письмо. Евреи были явлением совершенно новым, – народом без царей, а вскоре и без храма (ибо, как нам придется еще рассказывать, Иерусалим был разрушен в 70-м году после Р. Х.), сплоченным и слитым воедино из разнообразных элементов ничем иным, как силою писанного слова.

Духовная спайка евреев была создана и закреплена не священниками и не государственными деятелями. (С развитием еврейства в истории появляется не только новый род общины, но и новый род человека.) Во времена Соломона казалось, что евреи станут незначительным народом, подобным всем другим маленьким народам того времени, группирующимся вокруг дворца и храма, управляемым мудростью священника и предводительствуемым честолюбием царя. Но, как читатель знает из Библии, уже появились те новые люди, о которых мы говорили, – появились пророки. По мере того, как вокруг разделившегося еврейского народа сгущаются тучи, увеличивается и значение пророков. Кто же были эти пророки? Они были людьми самого разнообразного происхождения. Пророк Иезекииль был священником, а пророк Амос носил пастушью одежду из козлиной шкуры. Но у всех пророков общее было то, что они верили только в единого, справедливого бога и обращались с проповедью непосредственно к народу. Они не посвящались в сан и не получали от кого-либо поручения проповедовать. «Слово господне сошло на меня» – такова была их формула. Они прини-

мали живое участие в общественной жизни. Они возмущали народ против Египта, этой «трости надломленной», или против Вавилона и Ассирии. Они обличали халатность священников или вопиющие преступления царей. Некоторые из них отдавались тому, что мы называем теперь «социальным реформаторством». Богачи «пьют кровь народа», роскошествующие отнимают от детей их насущный хлеб; богачи сближаются с иностранцами и подражают их роскоши и разврату; вся эта мерзость перед лицом Иеговы, бога Авраамова, за которую он покарает страну.

Эти страстные обвинения записывались, сохранялись и изучались. Куда бы ни направлялись евреи, они брали их с собой и всюду распространяли новые религиозные идеи. Они возвышали человека над священниками и храмом, над дворцом и царем, ставя его лицом к лицу с властью Справедливости. В этом их главное значение в истории человечества. В великих изречениях Исайи пророческий голос его поднимается до небывалого величия и силы и предрекает объединение и примирение всей земли под властью единого бога. В его словах достигается предельная высота еврейского пророчества.

Но не все пророки были проникнуты этим духом: читающий пророческие книги найдет в них также много ненависти, предрассудков и много такого, что напомнит ему английскую пропагандистскую литературу нашего времени. Тем не менее, именно еврейские пророки времен Вавилон-

ского пленения отмечают собою появление в мире новой силы – силы нравственного призыва, призыва к свободному сознанию и свободной совести вместо языческих жертвоприношений и рабской покорности властям, которые до тех пор связывали и опутывали человечество.

Глава XXIII. Греки

В то время, когда после смерти Соломона (царствовавшего, вероятно, около 960 года до Р. Х.) разделившиеся царства израильское и иудейское подвергались разрушению; в то время, когда еврейский народ создавал свой быт в плену у вавилонян, – нарождалась новая сила, которой предстояло оказать большое влияние на человеческие умы, – греческая культура. В то время, когда еврейские пророки воспитывали новое сознание непосредственной нравственной ответственности людей перед вечным и праведным богом вселенной, – греческие философы воспитывали человеческий ум в новом духе мышления.

Греческие племена, как мы уже говорили, были ответвлением арийской расы. Они появились в эгейских городах и на островах во втором тысячелетии до Р. Х. Вероятно, движение их на юг началось уже задолго до того, как фараон Тутмос впервые охотился на слонов по ту сторону покоренного им Евфрата. Ибо в те времена в Месопотамии водились слоны, а в Греции встречались львы. Возможно, что Кносс был разрушен и сожжен налетом греков, но об этой победе не сохранилось никаких греческих преданий, хотя и существуют рассказы о Миносе и его дворце (Лабиринте) и об искусстве критских художников.

Как у большинства арийцев, у греков были певцы и декла-

маторы, выступления которых были важным событием общественной жизни. И певцы эти передали нам два больших эпических произведения, создавшихся еще в первобытный период народной жизни: во-первых, «Илиаду», рассказывающую о том, как союз греческих племен осадил, взял и разграбил город Трои в Малой Азии; во-вторых, «Одиссею», длинную повесть о приключениях во время обратного путешествия из Трои на родной остров мудрого мореплавателя Одиссея. Эпические поэмы эти были написаны около VIII или VII века до Р. Х., когда греки научились от своих более развитых соседей употреблять азбуку. Предполагают, однако, что они существовали еще задолго до этого. Прежде их приписывали слепому певцу Гомеру, причем считали, что он создал их сразу, как Мильтон создал свой «Потерянный Рай». До сих пор вопрос о том, существовал ли такой поэт, написал ли он или только записал и отдал эти поэмы, является предметом спора ученых. Нам не стоит заниматься здесь такими спорными вопросами. Для нас лишь важно, что в VIII веке до Р. Х. греки обладали этим эпосом, что он был общим достоянием и связующим звеном отдельных племен, объединяя их против окружающих варваров. Эти племена были группой родственных народов, связанных сначала общим языком, а потом и письменностью, разделявших общие идеалы доблести и нравственности.

В этих эпических произведениях греки изображаются варварским народом, незнакомым с употреблением железа,

не знающим письменности и еще не живущим в городах. По-видимому, они сначала жили в открытых селениях, окружавших хоромы вождя, около развалин разрушенных ими эгейских городов. Потом они стали окружать свои города стенами и заимствовать от покоренных ими народов идею храма. Мы уже говорили, что города в первобытных цивилизациях возникали вокруг алтаря какого-нибудь местного божка, а стены создавались уже позднее; в городах греков, наоборот, – возникновение городских стен предшествовало сооружению храма. Греки начали торговать и основывать колонии. К VII веку до Р. Х. целый ряд новых городов, не знавших о былых эгейских городах и цивилизациях, возник по долинам и островам Греции. Главными из них были: Афины, Спарта, Коринф, Фивы, Самос, Милет. По побережью Черного моря, в Италии и Сицилии, существовал ряд греческих поселений. Южная оконечность Италии называлась Великой Грецией. Марсель был греческим городом, основанным на развалинах прежней финикийской колонии.

Нужно заметить, что страны, лежащие на больших равнинах или имеющие главным путем сообщения большую реку, вроде Нила или Евфрата, имеют склонность объединяться под общей властью. Напр., города Египта и Шумерии находились под властью одного правительства. Но греческие народы были рассеяны по островам и горным долинам; кроме того, Греция и Великая Греция очень гористы; поэтому у греков наблюдается противоположное стремление. Когда

греки впервые появляются на страницах истории, они разделены на маленькие государства, в которых незаметно никакого стремления к слиянию. К тому же население этих маленьких государств принадлежит к разным расам. В некоторых из государств оно состоит главным образом из граждан, принадлежащих тому или другому греческому племени: ионическому, эолийскому или дорическому; другие государства имели смешанное население, состоящее из греков и предшествовавших им «средиземных» народов; в иных несмешанное греческое население царило над поработанными туземцами, как, например, над илотами в Спарте. В некоторых старые, первенствующие арийские семьи создали замкнутую аристократию; в других существовала демократия всего арийского населения; в третьих, наконец, правили избираемые или даже наследственные цари, узурпаторы или тираны.

Те же самые географические условия, которыми объясняется обособленность греческих государств, способствовали незначительности их размера. Самое крупное государство было меньше большинства отдельных областей Англии, и вряд ли население какого-либо города превышало треть миллиона. Немногие достигали даже 50 тысяч. Существовали союзы, основанные на взаимных выгодах и дружбе, но союзного государства не образовывалось. По мере развития торговли города основывали лиги и союзы, а мелкие города отдавались под покровительство крупных. Тем не менее вся

Греция была объединена известной общностью чувств, которая поддерживалась как ее эпосом, так и обычаем принимать каждые четыре года участие в атлетических состязаниях в Олимпии. Это не препятствовало войнам и междоусобицам, возникавшим между отдельными государствами, но смягчало их жестокость. Особый договор обеспечивал безопасность всех посетителей игр до их окончания.

С течением времени чувство культурной общности постепенно развивалось, а с ним увеличивалось и число государств, участвующих в олимпийских играх; наконец, к участию в них стали допускаться и жители родственных грекам северных стран – Эпира и Македонии.

В VII и VI веках до Р. Х. торговля греческие городов все разрасталась, и значение их все увеличивалось. Росла вместе с тем и их цивилизация. Общественная жизнь во многих отношениях существенно отличалась от общественной жизни эгейской цивилизации и цивилизаций, возникших по долине рек. У них были величественные храмы, но жрецы не составляли того могущественного сословия, каким они были в городах более древнего периода; они не были хранителями мысли и кладезем премудрости. У них были вожди и знатные семьи, но не существовало богоподобного монарха, окруженного строго организованным двором. Их система была скорее системой аристократии с влиятельными семьями, следившими друг за другом. Даже их так называемая демократия была аристократична по существу: каждый

горожанин принимал участие в общественных делах, но не каждый был гражданином. Греческие «демократии» не были похожи на нашу современную демократию, где все имеют голос. Во многих греческих демократиях было несколько сотен или тысяч граждан и много тысяч рабов, вольноотпущенников и тому подобное, не имевших права участия в общественной жизни. Обыкновенно в Греции все дела находились в руках группы влиятельных людей, цари же и тираны были просто людьми, выдвинувшимися из среды других людей или узурпировавшими власть: царь не был для греков каким-то обожествляемым сверхчеловеком, подобно фараону, Миносу или царям Месопотамии. Поэтому и мысль, и государственное правление отличались в Греции свободой, совершенно неизвестной древнейшим цивилизациям. Греки принесли с собой в города индивидуализм и личную предприимчивость бродячей жизни северных лесов. Они были первыми республиканцами, имевшими значение для истории.

И мы видим, что, по мере прекращения ими варварских войн, в умственной жизни их намечается новое явление. Мы видим у них людей, которые, не принадлежа к жреческому сословию, являются искателями и хранителями знания, стремятся постигнуть тайны жизни и бытия, делая то, что до тех пор считалось священной прерогативой жрецов или предметом забавы царей. Уже в шестом веке до Р. Х., быть может, в то самое время, когда Исаия пророчествовал в Ва-

вилоне, в Греции мы встречаем людей вроде Фалеса и Анаксимандра из Милета, или Гераклита Эфесского. Это были люди независимого положения отдавшие свои умственные силы разрешению вопросов о мире, исследующие истинный смысл его, его происхождение и его судьбу, отказывавшиеся удовлетворяться какими-либо готовыми и уклончивыми ответами. Об этих стремлениях греческого ума к разрешению мировых вопросов нам придется подробнее говорить в дальнейшем. Эти греческие мыслители, замечаемые впервые в VI веке до Р. Х., и есть первые греческие философы, первые «любители мудрости».

Здесь можно только отметить особое значение этого VI в. до Р. Х. в истории всего человечества, ибо в то самое время, когда греческие философы стремились прийти к ясному представлению о мире и выяснению роли человека в нем, когда Исайя поднял пророческий дух еврейства до небывалой высоты, – в Индии, как мы узнаем позднее, начал учить Гаутама Будда, а в Китае – Конфуций и Лао-Цзы. От Афин и до Тихого океана пробуждался человеческий разум.

Глава XXIV. Греко-персидские войны

В то время, как греки в городах Греции, Южной Италии и Малой Азии пробивали себе путь к свободному умственному развитию; в то время, как в Вавилоне и Иерусалиме последние еврейские пророки добивались свободы совести для человечества, два предприимчивых арийских народа – мидяне и персы – сделали властелинами цивилизации древнего мира, создав великую Персидскую монархию, которая по обширности превосходила все существующие до того империи. Во время правления Кира Вавилон и богатая древней культурой Лидия были присоединены к Персидскому государству; финикийские города Леванта и все греческие города Малой Азии стали ее данниками; Камбис покорил Египет; Дарий I, мидянин, третий царь персидский (521 до Р. Х.), сделался властелином всего, как ему казалось, мира. Гонцы его рассылались с приказаниями и декретами от Дарданелл до Инда, от Верхнего Египта до Центральной Азии.

Одни только европейские греки, Италия, Карфаген, Сицилия и испанские финикийские колонии не находились под персидским скипетром; но и они с уважением относились к нему. Единственным народом, который оставался агрессивным по отношению к Персии, были родственные ей орды се-

верных народностей на юге России и в Центральной Азии – скифы; они совершали набеги на северные и северо-восточные границы Персии.

Конечно, не все жители Великой Персидской империи были прирожденными персами. Персы составляли лишь небольшое господствующее меньшинство громадного государства. Остальное население оставалось тем же, чем оно было с незапамятных времен до прихода персов, – только персидский язык сделался господствующим. Торговля и финансы продолжали быть, главным образом, в руках семитов. Как и прежде, Тир и Сидон были первыми портовыми городами Средиземного моря; и мореплавание по преимуществу оставалось в руках семитов. Но многие из этих купцов и дельцов, переезжая из страны в страну, находили там, в еврейской литературе и еврейской традиции, почву для очень выгодного и благоприятного им сближения. Между тем влияние греков начинало заметно возрастать. Греки становились все более и более опасными соперниками семитов на море; благодаря своему энергичному, самостоятельному характеру они выдвигались, как весьма ценные практики-администраторы.

Первый европейский поход был предпринят против скифов. Дарий хотел дойти до юга России, родины скифских наездников. Перейдя с большим войском через Босфор, он прошел через Болгарию на Дунай и, переправив свои войска с помощью понтонного моста, продвинулся на север.

Войску пришлось испытать большие затруднения, так как оно, главным образом, состояло из пехоты, а наездники-скифы налетали на него со всех сторон, отрезали его от обоза, нападали на отстающих и в то же время не принимали открытого боя. Дарию пришлось бесславно удалиться. Он вернулся в Сузы, оставив свою армию во Фракии и Македонии. Последствием этого поражения были восстания в азиатских греческих городах. Европейские греки также были втянуты в эту борьбу. Тогда Дарий решил покорить европейских греков. Имея возможность располагать флотом Финикии, он мог побеждать один остров за другим, и, наконец, в 490 году до Р. Х. предпринял большой поход на Афины. Значительный флот отправился из портов Малой Азии и восточной части Средиземного моря и высадился около Марафона, находящегося к северу от Афин. Там он был встречен и разбит на голову афинянами.

В это время произошло необычайное событие. Спарта была злейшим противником Афин, но в этот момент Афины обратились за помощью к спартанцам; они послали в Спарту гонца, умоляя спартанцев не допустить, чтобы греки стали рабами варваров. Этот гонец пробежал более 100 миль трудного пути менее, чем в двое суток. Спартанцы великодушно и быстро откликнулись на этот зов; но когда через три дня спартанские войска подошли к Афинам, им оставалось только любоваться полем сражения и трупами павших персов. Персидский флот вернулся обратно в Азию. Таким образом

закончилось первое персидское нападение на Грецию.

Следующее оказалось гораздо более внушительным. Вскоре после получения известий о Марафонском поражении Дарий скончался. В течение четырех лет сын и преемник его Ксеркс готовил войско, чтобы раздавить Грецию. Но опасность временно объединила всех греков. Войско Ксеркса, без сомнения, было самым большим из всех когда-либо существовавших. Оно представляло громадное собрание разнородных племен.

В 480 году до Р. Х. оно переправилось через Дарданеллы по понтонному мосту, а за ним, придерживаясь берегов, следовал не менее разнообразный флот с провиантом и обозом. В тесном Фермопильском ущелье 1400 человек, предводительствуемые спартанцем Леонидом, встретили и задержали эти громадные полчища. Произошло сражение – пример небывалого героизма, после которого не осталось в живых ни единого грека. Но потери, нанесенные ими персам, были огромны, и армия Ксеркса продолжала свой путь на Фивы и Афины уже в подавленном настроении. Фивы сдались и заключили договор. Афиняне покинули свой город, и он был сожжен.

Казалось, что Греция была уже в руках неприятеля, но опять совершенно неожиданно-негаданно победа склонилась на сторону греков. Греческий флот, хотя и был в три раза меньше персидского, напал на персов в Саламинском проливе и разбил их. Ксеркс с его громадной армией, оказавшись

отрезанным от своего обоза, пал духом и удалился обратно в Азию с половиной своего войска, оставив вторую половину в Греции, где она вскоре потерпела поражение при Платеях (479), и к тому же времени остаток персидского флота, преследуемый греками, был уничтожен у берегов Малой Азии.

Опасность со стороны персов была устранена. Большинство греческих городов в Азии получили свободу. Все это подробно и очень живописно рассказано в первой писаной истории, истории Геродота. Геродот родился в 484 году до Р. Х., в ионийском городе Галикарнасе, в Малой Азии: он посетил и Вавилон и Египет, собирая точные сведения. После поражения царство Персидское было раздираемо бесконечными династическими распрями. Ксеркс был убит в 465 году до Р. Х., а в Египте, Сирии и Лидии вспыхнули восстания, положившие конец недолговечному процветанию великой державы. История Геродота подчеркивает слабость Персии. История эта является тем, что мы называем теперь пропагандой: обращенным к Греции воззванием, призывом объединиться и покорить персов. Геродот рассказывает, как некто Аристагор явился в Спарту с географической картой известного тому времени мира и сказал спартанцам: «Эти варвары малодушны в сражениях. Вы же, наоборот, достигли в военном деле высокого искусства. Нет ни одной нации, которая обладала бы тем, чем обладают они: золотом, серебром, бронзой, вышитой одеждой, домашними животными и рабами. Всем этим могли бы обладать вы, если бы захотели».

Глава XXV. Величие Греции

Полтора века, следующие за поражением Персии, были периодом великого расцвета греческой цивилизации. Хотя за это время Греция была раздираема отчаянной междоусобной борьбой за первенство между Афинами, Спартой и другими государствами (Пелопонесская война с 431 до 404 года до Р. Х.), а в 338 г. до Р. Х. Греция попала под владычество Македонии, – тем не менее, греческая культура, творческое и художественное развитие Греции поднялись за это время на такую высоту, что достижения служат светочем для остального человечества на протяжении всей его истории.

Во главе этого умственного развития и центром его были Афины. Более 30 лет (466–428) Афинами управлял человек выдающейся энергии и широкого умственного кругозора – Перикл. Он задался целью снова воздвигнуть город из груды пепла, в которую привели его персы. Величественные развалины, которые доныне составляют славу Афин, являются, главным образом, свидетельством его усилий. И он не только воссоздал Афины материально, но воссоздал их также и духовно. Он окружал себя не только архитекторами и скульпторами, но и поэтами, драматургами, философами и учителями. Геродот посетил Афины, чтобы прочесть там свою историю (438). Анаксагор принес туда начатки научного описания звезд и Солнца. Эсхил, Софокл, Еврипид, один

за другим, довели греческую драму до апогея красоты и благородства.

Толчок, данный умственной жизни Афин Периклом, продолжал действовать и после его смерти, несмотря на то, что к этому времени мирное процветание Греции было нарушено Пелопонесской войной и началась длительная и опустошительная борьба за «гегемонию». Тучи, надвигающиеся на политическом горизонте Греции, не подавляли, а как будто бы еще более усиливали духовное развитие ее граждан.

Еще задолго до времен Перикла своеобразная свобода государственного строя Греции выдвинула значение ораторского искусства. Решающий голос оставался не за царем, не за жрецом, но за народным собранием и за народными вождями. Поэтому красноречие и умение убеждать сделались самым драгоценным приобретением общественного деятеля, и возникла целая школа, школа софистов, поставившая себе целью обучать молодых людей этому искусству. Но рассуждать можно только тогда, когда есть о чем рассуждать; поэтому знание не отставало от искусства говорить. Деятельность и соревнование софистов естественно вели к тщательному отделяванию стиля, к анализу методов мышления и обоснованию способов суждения. Когда умер Перикл, мыслитель Сократ начинал приобретать известность своей глубокой и беспощадной критикой всякого ошибочно построенного рассуждения, а именно из таких-то неправильных рассуждений и состояло в значительной степени учение со-

фистов. Сократ стоял в центре кружка блестящей молодежи, но в конце концов его присудили к смерти за «возбуждение умов» (399). Согласно достойному обычаю того времени, афиняне приговорили его выпить кубок ядовитого напитка в его собственном доме, в кругу его друзей. Но возбуждение умов не прекратилось. Ученики Сократа продолжали распространять его учение.

Самый выдающийся из них – Платон (427–347 до Р. Х.) – вскоре начал преподавать философию в роще, окружающей Академию. Его учение подразделялось на два главных отдела: исследование происхождения и методов человеческого мышления и изучение политических учреждений. Ему принадлежит первая написанная утопия, т. е. проект общины, непохожей ни на одну из существующих, более совершенной, нежели они. Это указывает на совершенно новую, неслыханную смелость человеческого мышления, которое до того времени без рассуждения принимало общественные традиции и обычаи. Платон же прямо говорил человечеству: «Большинство общественных и политических зол, которые вы испытываете, зависят от вас самих; обладайте лишь мужеством и желанием изменить их. Вы можете жить иначе и более мудро, если только захотите вдуматься и разработать соответствующий план. Вы сами еще не сознаете собственной мощи». Это смелое, возвышенное учение и теперь еще не вполне воспринято обычными средними умами нашей расы. Одно из более ранних произведений Платона – «Респуб-

лика» – представляет не что иное, как мечту об аристократическом коммунизме; его последнее незаконченное произведение «Законы» представляет проект организации другого, столь же утопического государства.

Эта критика методов мышления и методов управления была продолжена после смерти Платона учеником его Аристотелем. Он учил своих учеников в Лицее. Аристотель происходил из города Стагиры в Македонии, и отец его был придворным врачом македонского царя. Одно время Аристотель был преподавателем царского сына, Александра, которому суждено было прославиться великими подвигами, о которых будет рассказано ниже. Труды Аристотеля в области методологии мышления возвели науку логики до столь высокого уровня, что выше его она не поднималась в течение тысячи пятисот с лишком лет, – до тех пор, пока средневековые схоластики не взяли снова за эти древние вопросы. Аристотель не создавал никаких утопий. Он понял, что раньше, чем быть в состоянии управлять собственной судьбой, как учил Платон, человеку необходимо приобрести гораздо больше знаний, гораздо больше точных знаний, чем теми, которыми он обладал. Поэтому-то он и начал с того систематического подбора знаний, который мы называем теперь наукой. Он высылал повсюду исследователей собирать факты. Аристотель был отцом естественной науки, он же является и основателем науки политической. Его ученики в Лицее исследовали и сравнили учреждения 158 различных го-

сударств.

Здесь, в Греции, в четвертом веке до Р. Х., мы находим людей, которых по существу можно было бы считать «современными мыслителями». Детские мечтательные методы первобытного мышления сменились дисциплинированным критическим отношением ко всем жизненным вопросам. Чудовищная суеверная символика и изображения богов и сверхъестественных чудовищ, а также все запреты, все темные страхи и благоговения, все задерживающие факторы, которые до сих пор тормозили свободную мысль, были теперь отброшены. Зародилась свободная, точная систематическая мысль. Свежий, непереутомленный разум этих пришельцев из дебрей северных лесов ворвался в тайники храма, разливая в них солнечный свет.

Глава XXVI. Империя Александра Великого

Начиная с 431 и вплоть до 404 г. Пелопонесская война подтачивала силы Греции. Тем временем на севере Греции постепенно укреплялась и цивилизовывалась родственная ей Македония. Язык македонян был близко родственен греческому, и несколько раз македоняне состязались с греками, принимая участие в Олимпийских играх. В 859 году до Р. Х. царем этой небольшой страны сделался богато одаренный и честолюбивый македонянин Филипп. До этого Филипп прожил некоторое время заложником в Греции. Образование он получил также греческое и, по всей вероятности, был знаком с идеями Геродота, разработанными философом Исократом, – о возможности завоевания Азии объединенными силами Греции.

Сначала он задался целью расширить и организовать собственные владения и перереформировать свои войска. В течение последнего тысячелетия решающее значение в битвах принадлежало атакам колесниц и пехоте, сражающейся тесными колоннами. Всадники также сражались, но лишь отдельными группами, самостоятельно и без всякой дисциплины. Филипп организовал свою пехоту тесно сплоченной массой, – македонской фалангой, – а также обучил всадни-

ков-рыцарей, их оруженосцев и солдат сражаться не поодиночке, а целыми отрядами и таким образом создал конницу. Решающим моментом в его сражениях и в сражениях сына его Александра была атака конницы. Фаланги удерживали нападение неприятеля в центре, а кавалерия, с двух флангов, своим натиском сметала всадников неприятеля и, обходя его, обрушивалась на неприятельскую пехоту. Колесницы же неприятеля выбивались из строя лучниками, так как лошадей расстреливали стрелами.

С помощью этой вновь сформированной армии Филипп расширил свои границы в Фессалии до Греции, а после сражения при Херонее (338 до Р. Х.) с Афинами и их сторонниками вся Греция оказалась у его ног. Мечта Геродота наконец осуществлялась: на общем конгрессе всех греческих государств Филипп был провозглашен военачальником Греко-Македонской конфедерации против Персии, а в 336 году его передовые отряды перешли уже в Азию для исполнения этой давно задуманной задачи. Но ему не суждено было следовать за своими отрядами. Он был убит, как предполагают, по наущению жены своей, царицы Олимпиады, матери Александра, ревновавшей его к его второй жене.

Филипп особенно тщательно воспитал Александра. Он не только дал ему в преподаватели Аристотеля, величайшего философа в мире, но он делился с ним всеми своими намерениями и дал ему возможность приобрести военный опыт. Во время битвы при Херонее восемнадцатилетний Алек-

сандр командовал кавалерией. Это дало впоследствии возможность юному Александру, которому при вступлении на престол было всего двадцать лет, сразу взять в свои руки дело отца и успешно продолжать борьбу с персами.

В 334 году – не менее двух лет потребовалось ему, чтобы упрочить свое положение в Македонии и Греции, – Александр отправился в Азию, одержал там при Гранике победу над несколько более многочисленным войском персов и овладел целым рядом городов в Малой Азии, все время держась морского побережья. Ему было необходимо, по мере продвижения, подчинять себе именно побережные города и оставлять в них свои гарнизоны, потому что флот Тира и Сидона был в руках персов и они владычествовали на морях. Если бы у него в ариергарде оставался хоть один враждебный портовый город, персы могли бы высадить в нем свои войска, напасть на него с тыла и отрезать его. При Иссе (333) он разбил наголову громадные, беспорядочные полчища, предводительствуемые Дарием III. Как и полчища Ксеркса, переправившегося через Дарданеллы за полтора года до того, они состояли из сброда всевозможных племен; тут же находилась многочисленная придворная свита, гарем Дария и множество следовавшего за войском народа. Сидон покорился Александру, но Тир упорно сопротивлялся ему. Наконец этот великий город был взят приступом, разграблен и разрушен. Приступом же была взята Газа, а к концу 332 г. до Р. Х. победитель вступил в Египет, выхватив власть над

ним из рук персов.

В Египте Александр отстроил большие города Александретту и Александрию. Сухопутный доступ к ним был не труден, и потому они не могли угрожать восстанием. К этим городам перешла торговля финикийский городов. Западно-средиземные финикийцы как-то внезапно исчезают со страниц истории – и столь же внезапно дают о себе знать евреи Александрии и других созданных Александром новых торговых городов.

В 331 г. до Р. Х. Александр выступил из Египта к Вавилону, как некогда делали Тутмос, Рамзес и Нехо. Но Александр держал путь на Тир. При Арбелах (Гавгамелах), около развалин Ниневии (в то время – городе уже забытом), он встретился с Дарием, и между ними произошло сражение, решившее участь всей войны. Натиск персидских колесниц был отбит; атака македонской кавалерии сломила громадную беспорядочную орду, а македонская фаланга довершила победу. Дарий обратился в бегство. Он уже не делал попыток противостоять неприятелю, он бежал на север, в страну мидян. Александр двинулся на Вавилон, который был тогда еще в полном расцвете и имел большое значение, а оттуда к городам Сузам и Персеполису. Там, после буйной оргии, он велел поджечь дворец Дария.

Оттуда Александр вскоре предпринял военный поход в Центральную Азию и достиг до крайних пределов Персидской империи. Он начал с того, что направился к северу,

преследуя Дария, и нагнал последнего умирающим в собственной колеснице от ран, нанесенных ему собственными людьми. Когда к нему подошел первый греческий отряд, он еще дышал, но Александр уже не застал его в живых. Александр прошел по побережью Каспийского моря, поднялся на горы Западного Туркестана, спустился с них около нынешнего города Герата и через Кабул и Киберский перевал прошел в Индию. При реке Инде он дал большое сражение индусскому царю Пору, и здесь македонские войска впервые встретились в сражении со слонами и победили их. Наконец, Александр построил корабли и, сев на них, отправился вниз по течению Инда, до его устья, а оттуда двинулся обратно по побережью Белуджистана. В 324 году, после шестилетнего отсутствия, он вернулся обратно к Сузы. Здесь он занялся благоустройством и сплочением великой завоеванной им империи, стараясь привлечь к себе своих новых подданных. Он облачился в одеяние и тиару персидских властелинов, что вызвало зависть и ревность его македонских полководцев. Последние причиняли ему много хлопот. Он покровительствовал бракам между македонскими офицерами и персидскими и вавилонскими женщинами – «Брак Востока с Западом». Но он не дожил до осуществления той сплоченности, о которой мечтал. В 323 г. до Р. Х. он умер, схватив в Вавилоне лихорадку после пьяного разгула.

Громадные владения его немедленно же распались. Один из его полководцев, Селевк, взял себе большую часть древ-

ней персидской империи, от Инда до Эфеса. Другой – Птолемей – захватил Египет, а Антигон удержал за собой Македонию. Остальная часть империи колебалась, подпадая под власть то одного, то другого авантюриста. Варварские набеги, начавшиеся с севера, становились все многочисленнее и решительнее, пока наконец новая власть, о которой мы будем говорить дальше, – власть Римской республики, не возвысилась на Западе и не начала подчинять себе, одну за другой, все разрозненные части империи Александра, спаивая их в новое могучее государство.

Глава XXVII. Музей и библиотека Александрии

Еще до времен Александра греки начали расселяться в качестве купцов, художников, наемных солдат почти по всем персидским владениям. Во время раздоров из-за династии, возникших после смерти Ксеркса, одному греческому отряду в 10 000 человек, под предводительством Ксенофонта, суждено было сыграть известную роль. Их отступление из Вавилона в Азиатскую Грецию описано Ксенофонтом в его «Отступлении Десяти Тысяч». Это одно из первых повествований, когда-либо написанных полководцами. Завоевания Александра и раздел его недолговечной империи между его полководцами весьма способствовали тому, что культура греков, их язык и обычаи проникли в древние страны Азии и Африки. Следы этого греческого влияния могут быть найдены в глубине Средней Азии и в северо-западной Индии. Чрезвычайно сильно было греческое влияние на развитие индийского искусства.

В течение многих столетий Афины сохраняли свою славу как центр искусства и культуры. Их философские школы существовали даже еще и в 529 г. по Р. Х., т. е. просуществовали около 1000 лет; но центр умственной жизни всего мира вскоре перенесен был через Средиземное море в Александрию.

дрию. Здесь македонский полководец Птолемей, сделавшись фараоном, окружил себя говорящими по-гречески придворными. Раньше чем стать царем, он был приближенным Александра и глубоко проникся идеями Аристотеля. С большой энергией и умением принялся он насаждать науку и производить изыскания. Он написал также историю походов Александра, которая однако, к сожалению, не сохранилась.

Александр жертвовал большие суммы для поддержки научных изысканий Аристотеля. Но Птолемей I был первый, кто установил постоянное субсидирование науки. Он воздвиг в Александрии здание, официально посвященное музам – Музей Александрии. Научные труды, производившиеся в Александрии в течение двух или трех поколений дали поразительные результаты. Эвклид; Эратосфен, измеривший размер Земли и определивший диаметр ее с точностью до 50 миль; Аполлоний, оставивший труды о конических сечениях; Гиппарх, впервые создавший звездную карту и каталог; Герон, изобретатель первого парового двигателя, – это наиболее крупные величины среди поразительной плеяды пионеров науки. Архимед из Сиракуз приезжал учиться в Александрию и постоянно переписывался с ее музеем. Герофил был одним из величайших греческих анатомов и говорят, уже применял вивисекцию.

Такого блестящего расцвета знаний и открытий, какой был в Александрии в течение одного-двух поколений в царствование Птолемея I, Птолемея II. миру не суждено было

видеть до XVI столетия по Р. Х. Но расцвет этот был недолговечен. Причин упадка могло быть несколько. Профессор Магаффи предполагает, что главная из них была та, что музей был своего рода «королевским колледжем» и что все его профессора и оставляемые при нем кандидаты назначались и оплачивались фараоном. Пока фараоном был Птолемей, друг и ученик Аристотеля, все это было очень хорошо. Но понемногу династия Птолемеев «оегиптилась» – подпала под влияние египетских жрецов и египетской религиозной культуры; они перестали следить за производимыми в Музее работами, а их опека только угнетала дух пытливости. После первого столетия существования музея выпускаемые им научные труды редко бывали высокого качества.

Птолемей I не только пытался организовать наиболее современные способы научного исследования, но стремился также сделать Александрийскую Библиотеку настоящей сокровищницей энциклопедической мудрости. Это был не только склад папирусов и рукописей, но книгоиздательская и книгопродавческая организация. Целые отряды переписчиков сидели за работой, постоянно умножая копии имеющихся в библиотеке книг.

Здесь мы впервые встречаем определенные зачатки того умственного процесса, которым мы теперь живем: здесь мы видим систематическое собирание и классификацию научных данных. Основание этого Музея и Библиотеки отмечает одну из великих эпох человеческой истории. Это истинное

начало современной истории.

Но, как дело исследования, так и дело распространения знаний встречало серьезные препятствия. Одним из них была та громадная пропасть, которая отделяла ученого, как представителя высших классов общества, господина, от торговца и ремесленника. В те дни было множество ремесленников, изготавливающих стеклянные или металлические изделия, но между ними и учеными не существовало умственного контакта. Ремесленник изготавливал прекрасно окрашенные бусы, сосуды и тому подобные предметы, но не был способен к выделке оптического стекла. Прозрачное стекло вообще не интересовало его. Ремесленник изготавливал оружие и ювелирные произведения, но никогда не мог он соорудить химических весов. Философ возвышенно размышлял об атомах, о природе вещей, но об эмали, пигментах, фильтрах и тому подобных предметах он не имел точного представления. Жизненные предметы не интересовали его. Таким образом, в короткую эпоху своего расцвета Александрия не произвела микроскопа, не сделала химических открытий, и хотя Герон изобрел паровой двигатель, он никогда не применялся как насос, или как двигатель лодки, или для другой полезной цели.

За исключением области медицины, науке редко придавали практическое значение. Поэтому, когда пытливість Птолемея I и Птолемея II перестала быть стимулом к работе ученых, научные изыскания лишились всякой практической

поддержки. Открытия, произведенные Музеем, хранились на страницах малоизвестных рукописей, и только во времена Ренессанса, когда вновь пробудилась научная пылкость, они опять стали общим достоянием.

Библиотека также не сделала никаких успехов в способе воспроизведения книги. Древний мир не умел изготавливать тряпичную бумагу требуемого размера. Изобретение бумаги принадлежит китайцам и в западный мир проникло лишь в IX в. по Р. Х. Единственным материалом для книг был пергамент и полоски склеенного между собой тростника-папируса. Эти полоски сохранялись в свертках, весьма неудобных при чтении и очень затрудняющих справки. Все это мешало развитию книгопечатания и созданию книги в современной ее форме. Печатание было известно уже со времен Каменного века, в Древней Шумерии существовали печати, но было бесцельно печатать книги, не имея в распоряжении достаточного количества бумаги. Может быть и переписчики вошли между собой в стачку, чтобы воспрепятствовать этому улучшению. Александрия производила большое количество книг, но книги эти были дороги, и в древнем мире знание никогда не распространялось в массах, оставаясь достоянием одного только зажиточного и влиятельного класса.

Поэтому-то весь этот расцвет умственной предприимчивости никогда не распространялся за пределы небольшого кружка, стоящего в тесной связи с группой философов, объединенных первыми двумя Птолеями. Состояние это

можно сравнить со светом фонаря, сокрытого заслонкой от остального мира. Быть может, внутри фонаря пламя и пылает ярким светом, но все же оно остается сокрытым. Остальной мир шел своим путем, не подозревая, что уже было посеяно семя научного знания, которому суждено было в будущем произвести такой решительный переворот. Вскоре Александрию окутала тьма предрассудков и ханжества; но в течение тысячи лет в этой тьме таилось семя, посеянное Аристотелем. И вот оно ожило и пустило ростки и в течение нескольких столетий стало тем широко разветвленным деревом знания и ясных понятий, которое теперь изменяет всю человеческую жизнь.

Александрия не была единственным центром греческой умственной деятельности в III в. до Р. Х. Среди распадающихся обломков недолговечного царства Александра было много других городов с блестящей умственной культурой. Таковы были: греческий город Сиракузы в Сицилии, где мысль и науки процветали в течение двух веков, или обладавший обширной библиотекой Пергам в Малой Азии. Но этот блестящий эллинский мир был теперь поражен нашествием с севера. Новые северные варвары, галлы, устремились на него по следам, проложенным некогда предками греков, а также фригийцами и македонянами. Они делали набеги, грабили и разрушали. А вслед за галлами явился новый победоносный народ из Италии – римляне, которые постепенно покорили западную половину обширного государ-

ства Дария и Александра. Они были способным, но мало одаренным воображением народом и предпочитали закон и выгоду науке и искусству. Из Центральной Азии также появились новые пришельцы, стремившиеся расшатать и подчинить себе царство селевкидов и отрезать западный мир от Индии. Это были парфяне, орды наездников, вооруженных луком и стрелами, которые в III столетии до Р. Х. играли по отношению к греко-персидской империи Персеполиса и Суз приблизительно такую же роль, как мидяне и персы в VII и VI веке. И еще другие кочевые народы приближались с северо-востока: народы не белокурые, не принадлежавшие к северной расе, не говорившие на арийском наречии, а желтокожие, черноволосые и говорящие на монгольском наречии. Но об этих народах мы будем говорить дальше.

Глава XXVIII. Жизнь Гаутамы Будды

Возвратимся теперь на триста лет назад и расскажем про великого учителя, поколебавшего почти все основы религиозной жизни Азии. То был Гаутама Будда, проповедовавший своим ученикам в Бенаресе, в Индии, приблизительно в то время, когда Исаия изрекал свои пророчества в Вавилоне, а Гераклит в Ефесе углублялся в свои отвлеченные изыскания о причинах и свойствах бытия. Все они жили в одно и то же время, в VI веке до Р. Х., – каждый не подозревая о существовании другого.

VI век до Р. Х. – один из самых поразительных во всей истории. Повсюду (о Китае мы расскажем впоследствии) человеческое мышление пробуждалось к новым идеям. Всюду люди отрезвлялись, сбрасывали традиции царской власти и власти жрецов с их кровавыми жертвоприношениями и стремились разрешить вопросы самого глубокого значения. Казалось, что после детства, длившегося 20 000 лет, люди достигли зрелости.

Первоначальная история Индии чрезвычайно темна. Когда-то, быть может, за 2000 лет до Р. Х., народ, говорящий на арийском наречии, вторгся с северо-запада в Индию; произошло это либо одним общим нашествием, либо многими

отдельными нападениями; но несомненно, что народ этот распространил свои обычаи и свой язык почти по всей Северной Индии. Та разновидность арийского языка, на которой он говорил, называется санскритом. Народ этот застал в области, лежащей между Индом и Гангом, смуглых туземцев, обладавших более совершенной цивилизацией, но в то же время отличавшихся слабохарактерностью. Пришлый элемент и туземцы, по-видимому, не слились вместе в одно целое, как это произошло с греками и персами. Они оставались чужды друг другу. К тому времени, когда перед нами начинает смутно вырисовываться древнейшая история Индии, общественный строй ее успел уже скристаллизироваться, образовав несколько определенных слоев, каждый из которых подразделялся на большее или меньшее число частей; между этими слоями не допускалось ни совместной трапезы, ни женитьбы, ни свободного общения. И в продолжение всей истории продолжалось это строгое подразделение на касты. Это придает индусскому населению нечто своеобразное, непохожее на свободно общающиеся европейские и монгольские классы общества. Население Индии, строго говоря, представляет своего рода общину каст.

Сиддхартха Гаутама принадлежал к аристократической семье, управлявшей небольшой областью, расположенной на склоне Гималайских гор. Девятнадцати лет он женился на красавице, своей двоюродной сестре. В этом залитом Солнцем мире, среди садов, рощ и орошенных рисовых полей, он

жил, играл и охотился. Но как раз эта-то жизнь и была причиной пробудившегося в нем чувства неудовлетворенности. То было страдание возвышенного ума, ищущего применения. Он чувствовал, что это существование не было истинной жизнью, а лишь праздником жизни, праздником, который длился слишком долго.

Сознание неизбежности болезни и смерти, неустойчивости и неполноты человеческого счастья поразило ум Гаутама. В этот период внутреннего разлада он встретился с одним из странствующих аскетов, которых и тогда было уже много в Индии. Люди эти жили, подчиняясь известным строгим правилам, посвящая много времени религиозному размышлению. Считалось, что они были способны глубже других постигнуть истинный смысл жизни, и Гаутамой овладело страстное желание последовать их примеру.

В его жизнеописании говорится, что в ту минуту, как он размышлял об этом, ему принесли известие, что его жена разрешилась от бремени сыном-первенцом. «Это еще новое звено в тех узах, которые я должен разбить», – сказал Гаутама. Он вернулся домой среди ликования своих родичей. Было устроено великолепное пиршество с танцами профессиональных танцовщиц, чтобы отпраздновать рождение этих «новых уз», а ночью Гаутама вдруг проснулся в большом волнении, «как человек, которому сообщили о пожаре в его доме». Он решил немедленно покинуть счастливую, бесцельную жизнь. Бесшумно подошел он к порогу комна-

ты своей жены, которая мирно спала, окруженная цветами, с младенцем-сыном на груди, и посмотрел на нее при свете лампы. Страстное желание схватить ребенка и в первый и последний раз перед уходом крепко прижать к своей груди охватило его, но страх разбудить жену удержал Гаутаму. Он отвернулся и, выйдя, очутился в ярком Лунном сиянии индийской ночи, сел на коня и исчез вдали.

Далеко уехал Гаутама в эту первую ночь; утром он был уже в стране, не принадлежащей к их княжеству. Там, вблизи песчаной реки, он слез с лошади, обрезал мечом свои длинные кудри, снял с себя все украшения и отослал их вместе с мечом, на лошади, обратно домой. Продолжал путь свой далее, он вскоре встретил бродягу-оборванца, обменялся с ним одеждой, и тогда, освободившись от земных пут, почувствовал себя свободным продолжать свой путь в поисках мудрости. Он отправился на юг, к гористому отрогу гор Виндхиа. Там, в пещерах, жило много мудрецов и отшельников. Изредка они посещали город, где покупали все необходимое для удовлетворения своих скромных потребностей. Поучения свои они передавали устно всем желающим приходить и слушать их. Гаутама был посвящен во все премудрости современной ему метафизики. Но его проницательный ум не был удовлетворен предлагаемыми ему решениями занимающих его вопросов.

Индусы всегда были склонны верить, что власть и знание могут быть приобретены путем крайнего аскетизма – по-

стом, лишением сна, самобичеванием, – и Гаутама пошел по этому пути. Вместе с пятью товарищами-учениками он отправился в джунгли и там предался посту и жестоким самоистязаниям. Слава его разрасталась «подобно звуку колокола, висящего на небесном своде». Но все это не давало ему сознания постигнутой истины. Однажды он ходил взад и вперед, стараясь, несмотря на свою слабость, предаваться размышлению. Внезапно он упал в обморок. Когда же он пришел в себя, ему вдруг стало совершенно ясно, что искать достижения мудрости на этом пути было совершенно напрасной затратой сил.

Он привел своих товарищей в ужас, требуя себе обычной пищи, отказываясь продолжать свои самоистязания. Он сознал, что если человеку суждено постигнуть истину, то это будет возможно лишь посредством здорового ума в здоровом теле. Такой взгляд на вещи был совершенно чужд мировоззрению того времени и той страны. Ученики покинули Гаутаму и, удрученные, вернулись в Бенарес. Гаутама продолжал свое странствование в одиночестве.

Когда мысль занята разрешением больших и сложных задач, она может продвигаться вперед только шаг за шагом, не сознавая достигнутых ею успехов до того момента, когда вдруг, как внезапное просветление, не явится сознание достигнутой победы. То же случилось и с Гаутамой. Однажды он присел, чтобы поесть под тенью ветвистого дерева у берега реки; вдруг он почувствовал, что на него нашло просвет-

ление. Ему казалось, что он теперь ясно видит смысл жизни. Рассказывают, что он целый день и целую ночь просидел так, погруженный в глубокое раздумье. Потом он встал и пошел поведать людям свои мысли.

Он отправился в Бенарес. Там он отыскал и привлек к своему новому учению отпавших от него учеников. В Оленьем парке короля в Бенаресе они построили себе хижины и основали своего рода школу, куда стекались все искавшие мудрости. Исходной точкой его учения был тот вопрос, который он поставил себе, будучи еще молодым человеком: «Почему я не вполне счастлив»? Это был вопрос, призывающий человека на путь самопознания, – весьма отличный от того пути, по которому шли, пытаясь разрешить мировые проблемы, Фалес и Гераклит, с их любознательностью, обращенной к внешнему миру. Индусский учитель не забывал человеческой личности; напротив, на ней-то он и сосредоточил все свое внимание, стремясь к уничтожению эгоистического начала ее. Он учил, что все страдания есть результат страстных личных желаний. До тех пор, пока человек не станет властелином своих личных желаний и потребностей, жизнь его есть волнение и скорбь, а конец ее – страдание. Существуют три главных формы, в которые выливается жажда жизни, и все эти три формы есть зло. Первая – это стремление к удовлетворению чувственности, жадности и сладострастия; вторая – желание личного эгоистического бессмертия; третья – жажда личного успеха, тщеславие, корыстолюбие и т. п. Все

эти формы желаний и чувственности нужно преодолеть, чтобы избежать жизненных огорчений и скорбей. Только когда они будут преодолены, когда личное «я» исчезнет совершенно, будет достигнут душевный покой, высшее благо – Нирвана.

В этом состояла суть учения Гаутамы, учения утонченного и метафизического, далеко не так доступного пониманию, как греческий призыв бесстрашно и смело наблюдать и познавать или еврейское приказание бояться бога и вести жизнь праведную. Учение Гаутамы превышало понимание даже ближайших его учеников, поэтому неудивительно, что, как только прекратилось его личное влияние, оно было извращено и приняло более грубые формы. В то время в Индии существовало общераспространенное мнение, что изредка, через большие промежутки времени, Премудрость сходит на Землю и воплощается в какой-нибудь избранной личности, которая именовалась Буддой. Ученики Гаутамы объявили, что он был Буддой, последним Буддой. Но не существует никаких указаний, из которых мы могли бы заключить, что он сам когда-либо соглашался принять это имя. Немедленно после его смерти вокруг его имени образовался целый цикл фантастических легенд. Человеческое сердце всегда предпочтет преклониться перед полным чудес вымыслом, нежели перед действительным нравственным подвигом. И Гаутама Будда стал чудесной легендой.

Но все же мир обогатился положительным приобретени-

ем. Если понятие о Нирване и оказалось слишком возвышенным и утонченным для человеческого разума, если потребность создавать мифические легенды слишком укоренилась в человечестве, чтобы оно удовлетворилось простыми фактами жизни Гаутамы, то все же люди могли хоть отчасти понять то, что Гаутама называл «Восьмистепенным путем», «Арийский шаг благородной тропой жизни». В этом требовании был призыв к духовной прямоте, к честной жизни. Совесть становилась более чуткой, люди призывались к забвению своих личных интересов и к большому великодушию.

Глава XXIX. Царь Ашока

В течение нескольких поколений после смерти Гаутамы высокое благородное учение Будды – первое учение о том, что высшее благо человека состоит в победе над самим собой, – сравнительно мало распространялось на Земле. Но по прошествии некоторого времени оно овладело умом одного из величайших когда-либо живших государей.

Мы уже упоминали о том, что Александр Великий отправился в Индию и на реке Инде сражался с Пором. Греческие историки рассказывают, что некто Чандрагупта Маурья проник в лагерь Александра и старался убедить его продолжать свой путь до Ганга и завоевать всю Индию. Но Александр не мог этого сделать, так как македоняне отказались продвигаться далее в неведомый для них мир, а позже (321 г. до Р. Х.) Чандрагупте удалось заручиться помощью нескольких горных племен и осуществить свою мечту без помощи греков. Он основал свое царство в северной Индии и вскоре (в 303 г. до Р. Х.) имел возможность напасть на Селевка I в Пенджабе и изгнать из Индии последние остатки греческих войск. Сын его расширил эту новую империю, а внук, Ашока, царь, о котором мы будем теперь говорить, сделался в 264 году до Р. Х. властелином всей области от Афганистана до Мадраса.

Вначале Ашока предполагал следовать примеру своего от-

ца и деда и закончить покорение Индийского полуострова. Он вторгся в Калингу (255 г. до Р. Х.), страну, лежащую на восточном побережье Мадраса. Военные походы его были удачны, но он был настолько поражен жестокостью и ужасом войны – единственный пример среди победителей, – что отказался от продолжения ее и не хотел более возвращаться к ней. Он воспринял мирное учение буддизма и объявил, что отныне победами его будут победы религии. Его двадцативосьмилетнее царствование является одним из самых светлых периодов в истории человечества. Он организовывал в Индии в широком масштабе копанье колодцев и насаждение деревьев, тень которых защищала от жары. Он основывал больницы и насаждал общественные сады и сады для разведения лекарственных трав. Он создал особое министерство, обслуживающее туземцев и покоренные народы Индии, заботился о воспитании женщин, делал щедрые пожертвования буддийским орденам праведников и пытался склонить их подвергнуть тщательной и более энергичной критике скопившуюся за это время буддийскую литературу, так как ошибочные толкования и суеверные добавления очень скоро стали затемнять чистое, простое учение великого индийского учителя. Миссионеры Ашоки отправлялись в Кашмир, Персию, Цейлон и Александрию.

Таков был Ашока, величайший из царей. Он далеко опередил свой век. Но он не оставил по себе наследников или иных преемников, которые могли бы продолжать его рабо-

ту, и меньше, чем через сто лет после его смерти, великие дни его царствования стали лишь славным воспоминанием для потрясенной, разлагающейся Индии. Жреческое сословие браминов, первая и самая привилегированная каста индийского общества, всегда относилось враждебно к открытому, чуждому мистики учению Будды. Постепенно брамины стали подтачивать влияние его учения. В стране снова стали господствовать древние чудовищные боги и бесчисленные индусские культы. Касты стали еще более замкнутыми, ритуал более сложным. В течение долгих веков буддизм и браманизм процветали бок-о-бок; потом буддизм стал понемногу распадаться, и вскоре многочисленные формы браманизма заменили его. Но за пределами Индии, за пределами тех областей, где господствовало кастовое начало, буддизм продолжал распространяться, пока, наконец, не проник в Китай, Снам, Бирму и Японию – страны, в которых он остается первенствующей религией и по сие время.

Глава XXX. Конфуций и Лао-Цзы

Нам остается еще рассказать о двух великих людях – Конфуции и Лао-Цзы, которые также жили в том веке расцвета, с которого начинается зрелость человечества, а именно в VI веке до Р. Х.

До сих пор в этой книге мы очень мало говорили о ранней истории Китая. История эта и по сие время очень темна, и мы ждем, чтобы китайские исследователи и археологи нового, возникающего теперь Китая так же основательно разработали свою прошлую историю, как в течение последнего столетия, была разработана история Европы. В глубокой древности первоначальная китайская цивилизация развилась в великих речных долинах из первобытной гелиолитической культуры. Характерной чертой этой цивилизации, подобно египетской и шумерийской, было то, что города ее сосредоточивались вокруг храмов, в которых жрецы и цари-жрецы в разные времена года приносили кровавые жертвы. Жизнь в этих городах походила, по всей вероятности, на жизнь Египта и Шумерии шесть или семь тысяч лет тому назад, или на жизнь майев в Центральной Америке тысячу лет тому назад.

Если здесь и существовали когда-нибудь человеческие жертвоприношения, то они давно, еще во времена доисторические, были заменены жертвоприношением животных. И

значительно более, чем за тысячу лет до Р. Х. здесь уже появляется своего рода письмо в форме изображений.

Как раз в то время, когда первоначальная цивилизация Европы и Западной Азии вступила в борьбу с кочевыми народами пустыни и кочевыми северными народами, примитивная китайская цивилизация была теснима на своих северных границах многочисленными кочевыми народами. Там было много родственных по языку и обычаям племен, о которых история по очереди упоминает под названиями гуннов, монголов, тюрков и татар. Они сменяли друг друга, разделялись и вновь неоднократно соединялись так же, как постоянно сменялись северные народы в Северной Европе и Центральной Азии, различаясь скорее по названию, чем по существу. У монгольских кочевников лошадь появилась раньше, чем у северных народов, и возможно, что в области Алтайских гор они самостоятельно дошли до открытия железа, приблизительно за тысячу лет до Р. Х. Точно так же, как их западные прототипы, эти восточные кочевники, время от времени политически соединялись и становились победителями, властелинами и воссоздателями какой-нибудь населенной цивилизованной области.

Очень возможно, что наиболее древняя цивилизация Китая совсем не была монгольского происхождения, так же, как и древнейшие цивилизации Европы и Западной Азии не были созданы северными или семитическими народами. Возможно, что древнейшая цивилизация Китая была культурой

смуглой расы, подобно египетской, шумерийской и дравидской, и что тот период, о котором начинает повествовать история, относится ко времени, следовавшему за покорением Китая и смешением его с другим народом. По крайней мере к 1750 году до Р. Х. Китай уже представлял громадное соединение небольших государств и городов-государств, признающих свою, правда, довольно слабую подчиненность и платящих, более или менее регулярно, нечто вроде феодальных повинностей одному великому царю-жрецу «Сыну Неба». Династия Шань прекратилась в 1125 году до Р. Х. За ней последовала династия Чжоу, поддерживавшая Китай до времен царя Ашоки в Индии и Птолемея в Египте. Тем не менее в течение долгого периода владычества династии Чжоу, Китай до времен Ашоки в Индии и Птолемея в Египте являются в нем и основывают свои княжества; правители провинций отказываются платить дань центральному правительству и становятся самостоятельными. В одной китайской истории говорится, что в VI веке до Р. Х. в Китае фактически существовало от пяти до шести тысяч самостоятельных государств. Эта эпоха была названа в китайских летописях «Век Смуты».

Однако этот «Век Смуты» отличается оживленной умственной деятельностью и существованием целого ряда местных центров искусства и культуры. Когда мы ближе знакомимся с китайской историей, то узнаем, что в Китае были свои Афины, свой Милет, свой Пергам и своя Македония.

Пока мы должны ограничиться краткими неопределенными сведениями об этой эпохе распада Китая, потому что наши знания недостаточны, чтобы воспроизвести полную последовательную историю ее.

Подобно тому, как в раздробленной Греции существовали философы, а в плененной Иудее пророки, так и в дезорганизованном Китае в это время были свои философы и учителя. Во всех подобных случаях самые опасности и трудности как бы побуждают выдающиеся умы к усиленной деятельности. Конфуций был аристократического происхождения и занимал какой-то значительный пост в маленьком государстве Лу. Здесь он, руководимый теми же побуждениями, как в свое время и греки, основал академию для изысканий и изучения мудрости. Его глубоко огорчал беспорядок и отсутствие законности в Китае. Он создал себе идеал более совершенного правительства, более совершенной жизни и предпринял путешествие из страны в страну, отыскивая монарха, который провел бы в жизнь его идеи законодательства и воспитания. Но такого монарха он не нашел. Одного он нашел, но придворные интриги скоро поколебали влияние учителя и воспрепятствовали осуществлению предложенных им реформ. Интересно отметить, что полтора столетия спустя греческий философ Платон также искал монарха и, временно, в Сицилии был советником Сиракузского тирана Дионисия.

Конфуций умер совершенно разочарованным. «Нет ра-

зумного правителя, который взял бы меня в учителя к себе, – говорил он, – и настало мне время умереть». Но учение его оказалось более жизненным, нежели он сам сознавал под конец своей жизни, когда уже ослабел и утратил веру в себя; учение это оказало великое творческое влияние на китайский народ. Оно стало одним из тех трех учений, которые китайцы так и называют «Три учения», подразумевая под двумя другими учение Будды и учение Лао-Цзы.

Главная сущность учения Конфуция заключалась в идее воспитания людей в духе высшего благородства, в создании «аристократии духа». Для него личное поведение человека играло ту же роль, какую для Гаутамы играло «благо самоотречения», для грека – познание внешнего мира, а для еврея – справедливость и благочестие. Из всех великих учителей он обладал умом наиболее ясно выраженным общественным складом. Хаос мира и страдания людей огорчали его более всего, и он хотел облагородить человека, чтобы и мир стал благороднее. Он пытался во всех подробностях регулировать поведение людей и старался для каждого случая жизни создать здоровые, полезные правила. Вежливый, государственно настроенный и строго дисциплинированный человек был в его глазах идеалом; прообраз своего идеала он уже встречал на севере Китая, и он увековечил его в своем учении.

Учение Лао-Цзы, который долгое время заведовал царской библиотекой династии Чжоу, носило более мистический, неясный и неопределенный характер, чем учение Кон-

фуция. Он проповедовал стоическое равнодушие к удовольствиям и силам мира сего и возврат к воображаемой простоте жизни прошлого. Он оставил по себе весьма сжатые и трудно понимаемые сочинения. Он писал загадками. После смерти его учение, как и учение Гаутамы-Будды, подверглось искажению, было загромождено легендами, суеверными толкованиями и применялось в жизни с соблюдением самых сложных, странных обычаев. В Китае, как и в Индии, первобытные идеи о волшебстве, чудовищные легенды, пережитки детского состояния этой народности постоянно боролись с новыми, передовыми идеями и, в конце концов, окружили их целым слоем смешных, неразумных и отживших обрядов. И буддизм, и таоизм (который приписывает свое происхождение Лао-Цзы), в той форме, в какой их можно теперь встретить в Китае, являются типичными религиями монаха, храма, жреца и жертвоприношений, столь же древними по форме, если не по мысли, как и религии древнего Египта и Шумерии. Но учение Конфуция осталось гораздо менее искаженным, потому что оно было просто, ограничено, прямолинейно и не давало повода для таких извращений.

Северный Китай, область реки Хуан-Хэ, соответственно своему духу и мышлению воспринял конфуцианство; Южный Китай, Янцзцзанская часть Китая, воспринял таоитское учение. С того времени во всех китайских делах можно проследить постоянную борьбу между духом севера и духом юга:

между Пекином (в последнее время) и Нанкином – между государственным, прямодушным и консервативным севером и скептическим, художественным, распущенным, пытливым югом.

Раздоры Китая «Эпохи Смуты» достигли крайних пределов в VI веке до Р. Х. Династия Чжоу была настолько ослаблена и дискредитирована, что Лао-Цзы покинул злосчастный двор и ушел в частную жизнь.

В те дни три номинально подчиненных государства господствовали в Китае: Цинь и Ци, принадлежавшие к северным государствам, и Чу, воинственно настроенное государство, расположенное в долине Янцзы. Цинь и Ци заключили союз, укротили Чу и провели договор общего разоружения и мира во всем Китае. Первенство осталось в руках Цинь. Наконец, приблизительно в то же время, когда Ашока царствовал в Индии, царь Цинь захватил священные сосуды императора Чжоу и взял на себя его жертвенные обязанности. Сын его Шихуанди (избранный царем в 246 г. до Р. Х. и императором в 220 году до Р. Х.) называется в китайских летописях «Первым Всемирным Императором».

Шихуанди господствовал над Китаем в качестве царя и императора тридцать шесть лет, – в этом отношении он был счастливее Александра. Его энергичное царствование отмечает начало новой эпохи единения и процветания китайского народа. Он энергично сражался против гуннов, нападавших на Китай из северной пустыни, и предпринял громадное

сооружение – Великую Китайскую Стену, чтобы положить предел их набегам.

Глава XXXI. На арене истории появляется Рим

Читатель заметит общее сходство в истории всех этих цивилизаций, несмотря на то, что они были отделены друг от друга великой преградой – северо-западной индийской границей и горными хребтами Центральной Азии и Дальней Индии. Вначале, в течение тысячелетий гелиолитическая культура распространялась по всем теплым плодородным речным долинам древнего мира, основывая всюду храмы с их жрецами-властелинами и традициями жертвоприношений. Очевидно, первые создатели ее принадлежали к тем смуглым народам, о которых мы уже говорили, как об основной расе человечества. После этого появляются кочевые народы из стран со сменяющейся растительностью, передвигающиеся с места на место, в зависимости от времени года; эти народы наложили на первоначальную цивилизацию печать своего характера, а иногда и своего языка. Они подчинили себе эту цивилизацию, но в то же время двигали ее и, в свою очередь, двигались ею к новому развитию, которое в разных странах принимало разные формы. В Месопотамии необходимые для развития «дрожжи» были даны сначала эламитами, потом семитами и, наконец, северными мидянами, персами и греками; в областях эгейских народов – это были греки, в

Индии – народы, говорящие на арийском наречии. В Египте приток победителей к основной цивилизации, насквозь пропитанной исключительно жреческим влиянием, был менее значителен. В Китае победителями были гунны; сначала они были поглощены первоначальной цивилизацией, затем последовало новое нашествие их, и Китай «монголизировался», точно так же, как Греция и Северная Индия были «арионизированы», а Месопотамия «семитизирована» и «арионизирована». Всюду кочевые народы много разрушали, но всюду также они вносили новый дух свободной пытливости и нравственного обновления. Они сомневались в верованиях, веками освященных. Они впускали струю света в потемки храмов. Они возвышали царей, которые не были ни жрецами, ни богами, но только предводителями среди полководцев и товарищей.

В века, следовавшие за VI веком до Р. Х., мы всюду встречаем великий надлом древних традиций и пробуждение духа нравственной и умственной пытливости, которому, в дальнейшем развитии человеческого рода, уже не суждено было более заглухнуть. Чтение и письмо становились более обычными среди правящего и зажиточного меньшинства; они уже более не составляли ревниво охраняемой тайны жрецов. Путешествия становились более частыми, и способы передвижения более легкими благодаря употреблению лошадей и устройству дорог. Чеканные деньги являются новым способом облегчения торговых сношений.

Теперь перейдем от крайнего востока Древнего мира, Китая, к западной половине Средиземного моря. Здесь мы должны отметить появление города, которому суждено было сыграть очень большую роль в человеческой судьбе, – перейдем к Риму.

До сих пор мы в этой книге очень мало говорили об Италии. За 1000 лет до Р. Х. это была гористая, лесистая, скудно населенная страна. Племена, говорящие на арийском языке, продвигались по этому полуострову, сооружая маленькие и большие города: южная часть полуострова была усеяна греческими колониями. Прекрасные развалины Пестума окружены в наших глазах отблеском великолепной культуры этих ранних греческих поселений. Народ, не принадлежащий к арийской группе, народ, вероятно, родственный эгейским народам – этруски – основался в центральной части полуострова. Как бы в нарушение обычного порядка истории, этруски временно возобладали здесь над арийскими племенами. О Риме, когда он впервые появляется в истории, упоминается как о маленьком торговом городке, построенном около брода реки Тибра, населенном народом, говорящим на латинском языке и управляемом этрусским царем. Древняя хронология определяет 753 год до Р. Х. годом основания Рима, т. е. на полстолетия позже основания великой финикийской столицы Карфагена и 23 года спустя после первых Олимпиад. Однако в раскопках древнего Форума найдены были этрусские могилы гораздо более древнего

происхождения, нежели 753 год до Р. Х.

В блестящем VI веке до Р. Х. этрусские цари были изгнаны (510 г. до Р. Х.), и Рим обратился в аристократическую республику с господствующим классом «патрициев», управляющим общей массой «плебеев». За исключением того, что здесь язык был латинским, республика эта во многом походила на греческие.

В течение многих веков внутренняя история Рима была историей упорной борьбы за свободу и за право участия плебеев в управлении. Параллельную борьбу легко заметить и в греческой истории: там она называется борьбой между аристократией и демократией. В конце концов плебеи сломали большинство тех исключительных преград, которыми окружали себя древние роды, и добились гражданского равенства. Тем самым они дали Риму возможность распространять право «Римского Гражданства» все шире и шире, включая в него все более и более «инородцев». Ибо, одновременно с внутренней борьбой, Рим расширял свою власть новыми завоеваниями.

Распространение римской власти началось с V столетия до Р. Х. До того они воевали – и большей частью неудачно для себя – с этрусками. У этрусков был укрепленный город Вейи, на расстоянии всего нескольких миль от Рима, завладеть которым римляне были не в состоянии. Однако в 474 г. до Р. Х. великое несчастье обрушилось на этрусков. Флот их был уничтожен греками из сицилийских Сиракуз. Одно-

временно волна северного племени – галлов – двинулась на них с севера. Сдавленные между Римом и галлами, этруски были побеждены и исчезли со страниц истории. Вейи были завоеваны римлянами. Галлы подошли к Риму и разграбили город (390 г. до Р. Х.), но не могли взять Капитолия (гоготание гусей помешало попытке ночного штурма). В конце концов осаждающие получили выкуп и снова удалились на север Италии.

Набеги галлов не только не ослабили Рим, но как будто еще более укрепили его. Победив этрусков, римляне смешались с ними и распространили свою власть на всю Центральную Италию, от Арно до Неаполя. Это было достигнуто около 300 г. до Р. Х. Завоевания их в Италии совпадают по времени с укреплением Филиппа в Македонии и Греции и с великим походом Александра на Египет и Индию.

К северу от римлян находились галлы, к югу – греческие поселения, Великая Греция, т. е. Сицилия и южные оконечности Италии. Галлы были выносливым воинственным народом, и римляне сдерживали их натиск на свои границы целой цепью фортов и укрепленных поселений. Греческие города на юге, с Тарентом (теперь Таренто) и сицилийскими Сиракузами во главе, не столько угрожали Риму, сколько боялись его. Они как бы оглядывались по сторонам, ища защиты от этих новых завоевателей.

Мы уже рассказали, как распалось царство Александра и как оно было разделено между его полководцами и сотова-

рищами. Среди этих авантюристов был родственник Александра – Пирр, утвердившийся в Эпире, который находится по ту сторону Адриатического моря, как раз напротив «каблука» Италии. Мечтой его жизни было сыграть в Великой Греции ту же роль, какую Филипп сыграл в Македонии, и сделаться покровителем и диктатором Тарента, Сиракуз и остальных областей этой части мира. Он обладал, как тогда считалось, очень боеспособным современным войском, в котором имелась пехотная фаланга, конница из Фессалии, равная по достоинству македонской коннице, и двадцать боевых слонов. Он вторгся в Италию, разбил римлян в двух значительных сражениях – при Гераклее, в 280 году до Р. Х., и при Аускуле, в 279 году до Р. Х., – и, прогнав их на север, занялся покорением Сицилии.

Но это вызвало против него вражду противника, более сильного, нежели римляне того времени, – финикийского торгового города Карфагена, который, по всей вероятности, был в то время величайшим городом в мире. Сицилия находилась слишком близко от Карфагена, чтобы присутствие в ней второго Александра могло быть приемлемо для Карфагена. Карфаген помнил участь, постигшую за пятьдесят лет перед тем Тир, город, от которого он сам произошел. Поэтому он послал флот, чтобы подкрепить Рим и заставить его продолжать борьбу. Вместе с тем он отрезал Пирру все морские сообщения. Римляне вторично напали на Пирра, и он потерпел тяжелое поражение при атаке, предпринятой им на

лагерь римлян при Беневентуме, между Неаполем и Римом. Неожиданно он получил известие, потребовавшее его возвращения в Эпир. Галлы надвигались на юг. Но в этот раз они шли не на Италию. Римская укрепленная и охраняемая граница стала слишком неприступной для них. Они шли через Иллирию (нынешняя Сербия и Албания) на Македонию и Эпир. Отраженный римлянами, угрожаемый Карфагеном на море и галлами на родине, Пирр оставил свои мечты о завоевании и в 275 году до Р. Х. вернулся домой. А власть римлян распространилась вплоть до Мессинского пролива.

На сицилийской стороне пролива находился греческий город Мессина, и этот город вскоре был захвачен пиратами. Карфагеняне, которые были фактическими властителями Сицилии и союзниками Сиракуз, посадили в Мессине свой гарнизон. Пираты обратились за помощью к Риму, и Рим обратил внимание на их жалобу.

Таким образом, разделенные только Мессинским проливом, стояли друг против друга эти две враждебные страны: великое торговое государство Карфаген и новый победоносный народ – римляне.

Глава XXXII. Рим и Карфаген

В 264 году до Р. Х. началась великая борьба между Римом и Карфагеном – Пунические войны. В этом году в Бехаре Ашока начинал свое царствование, а Шихуанди был еще ребенком. Музей в Александрии стоял еще на высоком научном уровне, а варвары-галлы появились в Малой Азии, требуя дани от Пергама. Различные страны мира были разделены еще непреодолимыми пространствами, и, по всей вероятности, до остального человечества доходили лишь смутные отдаленные слухи о том смертельном бое, который в продолжение полутора веков тянулся в Испании, Италии, Северной Африке и западно-средиземных странах между последним оплотом семитического владычества и Римом, этим новым пришельцем среди арийских народов.

Эта война оставила следы, которые и по сие время ощущаются в мире. Рим одержал верх над Карфагеном, но соревнование между арийцами и семитами продолжалось, хотя и в иной форме, в форме соревнования между необрезанными и евреями. Мы приближаемся теперь к описанию событий, последствия и неправильно понятая традиция которых все еще дают чувствовать себя, оказывая сложное, часто неуловимое влияние на борьбу и разногласия современности.

Первая Пуническая война началась в 264 году до Р. Х., будучи вызвана мессинскими пиратами. Она разыгралась в

борьбу за обладание всей Сицилией, кроме владений греческого сиракузского царя. Сначала успехи на море склонялись на сторону Карфагена. Он обладал большими военными судами, размер которых превышал все виденное до того времени (так называемые квинкверемы, галеры с пятью рядами весел и громадными осадными орудиями). Во время битвы при Саламии, за два века перед тем, самыми крупными галерами были триремы, с тремя рядами весел. Но римляне, несмотря на то, что у них было очень мало морского опыта, с небывалой энергией приступили к делу, решив во что бы то ни стало превзойти карфагенян. Они привлекли к созданному ими флоту греческих моряков и изобрели abordажные мосты, которые составили противовес превосходным силам противника. Когда карфагенский корабль приближался, громадные железные крюки захватывали его, и римские воины толпой бросались на неприятельский борт. При Милах (260 г. до Р. Х.) и при Экноме (255 г. до Р. Х.) карфагеняне потерпели тяжелое поражение. Они, правда, отразили римскую высадку около Карфагена, но потерпели тяжелое поражение при Палермо, потеряв там 104 слона, которые впоследствии украсили небывало торжественное триумфальное шествие по форуму Рима. После этого последовали два поражения и одна победа римлян. Последние морские силы Карфагена были разбиты во время сражения при Эгейских островах (241 г. до Р. Х.), и Карфаген послал просить мира. Вся Сицилия, кроме владений Гиерона, царя Сиракузского,

была уступлена римлянам.

Мир между Римом и Карфагеном сохранялся в течение 22 лет. У того и у другого и без войны было достаточно забот дома. В Италии галлы опять двинулись на юг и угрожали Риму, который в момент панического ужаса принес богам человеческие жертвы. Галлы были разбиты при Теламоне. Рим расширил свои владения до Альп и даже дальше – по Адриатическому побережью до Иллирии. Карфаген страдал от внутренних восстаний и от бунтов на Корсике и Сардинии и не имел достаточно жизненных сил, чтобы оправиться от нанесенного ему поражения. Наконец, Рим совершил нестерпимо вызывающий по отношению к нему поступок, захватив и присвоив себе оба восставшие острова.

В то время Испания, на север до реки Эбро, принадлежала карфагенянам. Римляне требовали, чтобы они не смели переступить эти границы; всякий переход карфагенянами реки Эбро считался римлянами актом объявления войны. Наконец, в 218 году Карфаген, выведенный из терпения новыми вызывающими поступками Рима, решился перейти эту реку под предводительством молодого полководца Ганнибала, одного из самых блестящих вождей, известных истории. Он повел свое войско из Испании через Альпы в Италию, поднял против римлян галлов и в течение 15-ти лет продолжал вторую Пуническую войну в самой Италии. Он нанес страшное поражение римлянам при Тразименском озере и при Каннах, и в течение всего его итальянского похода ни одно римское

войско, встретившись с ним, не могло избежать поражения. Но римляне высадили свои войска в Марселе и отрезали его от сообщения с Испанией; он не обладал средствами осады и потому не мог взять Рим. Наконец, карфагеняне, угрожаемые восстанием нумидийцев на родине, должны были сосредоточить все силы на том, чтобы защитить свою столицу в Африке. Римское войско переправилось в Африку, и Ганнибал испытал первую неудачу у стен Карфагена, в сражении при Заме (202 г. до Р. Х.), нанесенную ему Сципионом Африканским Старшим. Сражением при Заме окончилась вторая Пуническая война. Карфаген сдался. Он уступил Риму Испанию и свой военный флот; он должен был заплатить громадную военную контрибуцию и согласился предать Ганнибала мести римлян. Но Ганнибал бежал в Азию, где позднее, чтобы не отдаться в руки своих беспощадных врагов, лишил себя жизни, приняв яд.

В течение 56 лет продолжался мир между Римом и уменьшенным и ослабленным Карфагеном. Тем временем Рим распространил свое владычество на раздробленную, охваченную смутой Грецию, вторгся в Малую Азию и победил при Магнезии в Лидии Антиоха III, монарха Селевкида. Египет, находившийся тогда под властью Птолемеев, Пергам и большинство малых государств Малой Азии он обратил в «союзников» или, как сказали бы мы, в «заградительные государства».

Тем временем побежденный и ослабленный Карфаген по-

степенно восстанавливал часть своего прежнего благосостояния. Это возрождение пробудило ненависть и подозрение римлян. Самый пустяшный и искусственный случай послужил поводом к войне (149 г. до Р. Х.). Карфаген упорно и отчаянно защищался, выдержал долгую осаду и был взят штурмом (146 г. до Р. Х.). Сражение, вернее – массовое избиение, длилось в городе целых шесть дней: оно было чрезвычайно кровопролитным, и, когда, наконец, цитадель сдалась, в живых оставалось только 50 000 человек карфагенского населения, вместо прежних 250 000. Они были проданы в рабство, а город сожжен и разрушен до самого основания. Почерневшие развалины его были перепаханы вместе с землей и засеяны, – своего рода обряд, символизирующий полное и окончательное уничтожение.

Таким образом кончилась третья Пуническая война. Из всех семитических государств и городов, процветавших за пять веков до этого, только одно маленькое государство оставалось свободным и управляемым собственными правителями. Это была Иудея, освободившаяся от власти селевкидов и управляемая своими царями Маккавеями. К тому времени Библия была уже почти полностью собрана, и характерные традиции еврейского народа, знакомые нам, успели определиться. Естественно, что карфагеняне, финикийцы и родственные им племена, разбросанные по всему миру, чувствовали связующее звено в своем почти тождественном языке и в своей литературе, исполненной надежды и бодро-

сти. Большею частью они являлись торговцами и банкирами мира. Семитический мир был скорее затоплен, чем заменен арийским.

Иерусалим, который всегда был скорее символом, чем настоящим центром иудейства, был взят римлянами за 65 лет до Р. Х. После различных бедствий полусамостоятельного существования и различных восстаний, в 70 г. по Р. Х. он был осажден римлянами и, после упорного сопротивления, взят ими. Храм был разрушен. Более позднее восстание в 132 году по Р. Х. завершило его разрушение, а тот Иерусалим, который мы теперь знаем, был позднее снова выстроен под покровительством римлян. Храм, посвященный римскому богу Юпитеру Капитолийскому, стоял на месте иудейского храма, и евреям было даже запрещено жить в городе.

Глава XXXIII. Развитие Римской империи

Новая римская власть, как бы возникшая для того, чтобы покорить западный мир во втором и первом веках до Р. Х., во многих отношениях не походила на те великие империи, которые до того времени господствовали в цивилизованном мире. На первых стадиях своего развития Рим не был монархией, не был созданием одного какого-либо великого победителя. Он не был и первым республиканским государством. Во времена Перикла Афины господствовали над целой группой союзных и подвластных государств, а Карфаген в то время, когда он вступил в пагубную для себя борьбу с Римом, властвовал над Сардинией, Корсикой, Марокко, Алжиром, Тунисом и большей частью Испании и Сицилии. Но Рим был первым республиканским государством, избегнувшим уничтожения и продолжавшим свое развитие.

Центр этого нового государства лежал гораздо западнее, нежели более древние центры владычества, которые до того сосредоточивались по речным долинам Месопотамии и Египта. Это западное месторасположение дало Риму возможность приобщить к цивилизации новые страны и новые народы. Власть Рима простиралась до Марокко и Испании, а вскоре дала еще новые разветвления на северо-запад, про-

стиралась по местности, ныне занятой Францией и Бельгией, вплоть до Британии, а на северо-восток – до Венгрии и юга России. Но, с другой стороны, в Центральной Азии и Персии Риму удержаться не удалось, так как эти страны были слишком удалены от его административных центров. Поэтому это государство включало в себя всякое множество новых северных, говорящих по-аравийски, народов, а вскоре также все греческие народы всего мира; в населении его было значительно менее преобладание хамитических или семитических элементов, чем в населении всех предшествующих государств.

В течение нескольких столетий Римская империя не шла по той проторенной колее, которая так быстро привела к гибели Персию и Грецию. Развитие ее совершалось самостоятельно. Через одно или два поколения правители Мидии и Персии становились совсем похожими на вавилонян. Они возлагали на себя тиару царя царей, поклонялись их богам в их храмах, признавали их жрецов. Александр и его последователи шли тем же легким путем ассимиляции; двор и приемы управления селевкидов мало чем отличались от двора и приемов Навуходоносора. Птолеми стали фараонами и имели совсем египетский облик. Они ассимилировались так же, как ассимилировались с египтянами перед тем семитические победители шумерийцев. Но римляне управляли собственным городом и в течение столетий придерживались собственного законодательства. Единственный народ,

оказавший сильное влияние на них до II и III веков после Р. Х., были родственные и схожие с ними греки. Таким образом, Римская империя является первым опытом управления великим государством всецело на основании арийских принципов. В этом смысле она явилась первым историческим образцом; это была разросшаяся арийская республика. Старый образец вождя, правящего главным городом, воздвигнутым вокруг храма божества, связанного с временами года, здесь не имел места. И у римлян были боги и храмы, но они, как и у греков, были получеловеческие, бессмертные существа, своего рода божественные патриции. У римлян также существовали кровавые жертвоприношения, а во времена опасности даже человеческие жертвоприношения, которым они, быть может, научились от своих учителей, смуглых этрусков. Но вплоть до времен упадка Рима ни храм, ни жрец не играли большой роли в его истории.

Римская империя представляла нечто живое, растущее, непредвиденное, новое, развивающееся. Римскому народу, почти неожиданно для него самого, пришлось взяться за великий административный опыт. Нельзя считать этот опыт удачным. Под конец империя потерпела полное крушение. Но с каждым столетием формы и способы управления менялись чрезвычайно радикально. В течение ста лет Рим изменялся более, чем Бенгалия, Месопотамия или Египет изменялись в течение тысячелетия. Он менялся постоянно. Он никогда не застывал, вылившись в определенные формы.

В одном отношении опыт этот оказался неудачным. В другом он и по сие время остается незаконченным, и Европа и Америка все еще разрешают те задачи мирового управления, над которыми впервые задумался римский народ.

Всякому, изучающему историю, необходимо помнить о великих реформах, которые все время происходили не только в политической, но и в общественной и моральной области за все время владычества римлян. Люди слишком склонны смотреть на управление Рима, как на нечто законченное и постоянное, стойкое, закругленное, благородное и определенное. В «Очерках древнего Рима» Маколея, Катон старший, Сципионы, Юлий Цезарь и Диоклетиан, Константин Великий, триумфы, речи, бои гладиаторов и христианские мученики – все вместе сплетается в одну картину чего-то возвышенного, жестокого и благородного. Следует разобраться в составных частях этой картины. Все эти различные стороны являются результатом перемен, более глубоких, чем те, которые отделяют современный Лондон от Лондона Вильгельма Завоевателя.

Эпоха расцвета Рима может очень удобно быть разделена на четыре периода. Первый период начался после разрушения Рима готами в 390 году до Р. Х. и продолжался до 240 года до Р. Х. Этот первый период может быть назван эпохой ассимилирующей республики. Быть может, это самый славный, самый характерный период римской истории. Вековые раздоры между патрициями и плебеями близились к концу;

опасность со стороны этрусков также прекратилась; не существовало ни чрезмерно богатых, ни очень бедных; большинство людей были одушевлены общественным духом. Республика эта походила на республику африканских буров до 1900 года или на Северо-Американские Штаты 1800–1850 годов, это была республика свободных земледельцев. При вступлении в этот период Рим был маленьким государством, не более 20 миль в длину и в ширину. Он воевал с сильными родственными соседними государствами, стараясь не разрушать их, но заручиться их содействием. Столетия гражданской войны приучили народ к уступкам и компромиссам. Некоторые из покоренных городов приняли вполне римский облик и даже приобрели право голосования; некоторые сохранили самоуправление с правом вести торговлю с Римом и вступать в брак с его жителями. Гарнизоны полноправных римских граждан оставлялись в городах, имеющих стратегическое значение, и колонии, наделенные различными правами, основывались среди вновь покоренных народов. Строились большие дороги. Быстрая латинизация всей Италии была неизбежным последствием такой политики. В 89 году до Р. Х. все свободное население Италии получило право римского гражданства. Формально вся Римская империя представляла под конец один разросшийся город. В 212 году по Р. Х. каждый свободный житель на всем протяжении империи получил право гражданства, право голосования в городском собрании Рима (если ему удавалось попасть туда).

Это распространение права гражданства на покоренные города и на целые страны является отличительным приемом разрастания Рима. Здесь прежний процесс поглощения победителей побежденными пошел в обратную сторону. Благодаря методу, применявшемуся Римом, победители ассимилировали себе побежденных.

Но после первой Пунической войны и присоединения Сицилии, параллельно с этим все продолжающимся процессом ассимиляции, выступает и другой процесс. К Сицилии, например, отнеслись, как к военной добыче. Ее объявили достоянием римского народа. Плодородная почва ее и трудолюбивое население эксплуатировались для обогащения Рима. Патриции и более влиятельные плебеи захватили в свои руки главную часть этих богатств. Война также доставила Риму громадное количество рабов. До первой Пунической войны население республики было по преимуществу населением граждан-земледельцев. Военная служба составляла и обязанность и привилегию их. Во время их отсутствия на действительной службе на их поместьях накапливались долги, и появился новый тип крупных имений, главным образом, обрабатываемых с помощью рабов; по возвращении с войны римляне-земледельцы увидели, что продукты их поместий должны конкурировать с продуктами Сицилии, а также с продуктами новых, возникших на родине имений, полученными с помощью дарового труда рабов. Времена изменились. Характер республики был уже не тот. Не одна Си-

цилия была, в руках Рима: простолудин также оказался в руках у богатого кредитора и богатого конкурента. Рим вступил во второй период, период республики предприимчивых богатых людей.

В течение двухсот лет римляне солдаты-земледельцы, боролись за свободу и за право участия в управлении; в течение ста лет они уже обладали этими правами. Первая Пуническая война разорила их и отняла все, чего они достигли. Их завоеванные избирательные права также потеряли свою ценность. В Римской республике было два правящих учреждения. Первым, более важным, был сенат. Вначале он избирался из среды патрициев, потом из среды выдающихся людей всех сословий, которые вначале призывались некоторыми влиятельными правителями, консулами и цензорами. Как и английская палата лордов, сенат скоро превратился в собрание крупных землевладельцев, выдающихся политических деятелей, влиятельных дельцов и т. п. Он более походил на английскую палату лордов, нежели на американский сенат. В течение трех столетий, начиная с Пунических войн, в нем сосредоточивалась вся политическая жизнь Рима. Вторым учреждением было народное собрание. Предполагалось, что это было собрание всех римских граждан. Когда Рим был маленьким государством в 20 кв. миль, такое собрание было возможно; когда римское гражданство распространилось за пределы Италии, оно сделалось совершенно невыносимым. Собрания эти, о которых трубачи возвещали с Капитолия и

с городских стен, все более и более становились собранием демагогов и городских подонков. В IV веке до Р. Х. народное собрание являлось значительной уздой для сената и властным представителем требований и прав народа. К концу Пунических войн оно являлось лишь бессильным пережитком подавленного народного вмешательства. Не оставалось удерживающей преграды для великих мира сего.

В Римской республике никогда не существовало представительного правления. Никому в голову не приходило избирать делегатов, чтобы представлять волю граждан. Читателю чрезвычайно важно отметить этот факт. Народное собрание никогда не играло роли американской палаты представителей или английской палаты общин. В теории оно представляло всех граждан, в действительности перестало играть какую бы то ни было роль.

Поэтому положение рядовых граждан Римской империи было очень печально после второй Пунической войны. Они обеднели, потеряли свою землю; благодаря рабам они были вытеснены из более выгодных отраслей промышленности и были лишены того политического влияния, которое могло помочь им улучшить свое положение. Единственный путь, остающийся народу, лишенному всякого другого способа политического выражения, – это восстание. История внутренней политики II и I веков до Р. Х. не что иное, как история неудачных революционных восстаний. Размер этой книги не дает нам возможности рассказать о сложной борьбе

происходившей в то время; о попытках раздробить большие имения и вернуть землю свободному земледельцу; о предложениях частично или всецело уничтожить долги. Вспыхивали бунты, вспыхивала гражданская война. В 71 году до Р. Х. вспыхнуло великое восстание рабов под предводительством Спартака. Восставшие рабы Италии представляли некоторую опасность, так как среди них находились опытные в боях, обученные гладиаторы. В течение двух лет Спартак удерживал свои позиции в кратере Везувия, в то время казавшегося потухшим вулканом. Наконец, это восстание было сломлено и подавлено с яростной жестокостью. Шесть тысяч пленных спартаковцев были распяты вдоль Аппиевой дороги, главного пути, идущего на юг от Рима. Народная масса никогда не умела противостоять той силе, которая давила и унижала ее. Но влиятельные богачи, порабощавшие ее, этим самым порабощением предуготовляли новую власть в римском мире, власть, которой суждено было поработить и их самих – власть войска.

До начала второй Пунической войны римское войско создавалось набором свободных земледельцев, которые, смотря по своему общественному положению, составляли пехоту или конницу. Это войско вполне отвечало потребностям войны с соседними народами; но не такая армия была нужна, чтобы терпеливо выносить отдаленные, продолжительные походы. К тому же, по мере увеличения числа рабов и размера имений, приток свободных воинственных пат-

риотов-земледельцев уменьшился. Популярный полководец Марий впервые ввел новое начало в это дело. Северная Африка после разгрома карфагенской культуры обратилась в варварское государство – царство Нумидию. Римская власть вступила в борьбу с Югуртой, царем этого государства, и встретила большие затруднения в своих усилиях подавить его. В минуту народного возмущения Марий был избран консулом для того, чтобы положить конец этой постыдной войне. Ему удалось это сделать, когда он собрал наемное войско и основательно обучил его, Югурта в цепях был приведен в Рим (106 г. до Р. Х.), Марий по истечении срока своего консульства, незаконно сохранил за собой консульскую власть с помощью своих вновь сформированных легионов. Не было власти в Риме, которая могла бы удержать его.

С Мария начинается третий период развития римской власти: республики полководцев. С этого времени начинается эпоха, во время которой предводители наемных легионов вели войны за власть над римским миром. Против Мария восстал аристократ Сулла, служивший под его начальством в Африке. Каждый из соперников производил громадные избиения среди своих политических противников. Людей тысячами нагоняли и казнили, имения их продавались. После этого кровавого соперничества и ужаса спартаковского восстания наступила пора, когда Лукулл и Помпей Великий, Красс и Юлий Цезарь были предводителями войск и вершителями всех дел. Красс победил Спартака; Лукулл по-

корил Малую Азию, проник в Армению и потом, собрав громадное состояние, ушел в частную жизнь. Красс, продвигаясь далее, вторгся в Персию, где потерпел поражение и был убит парфянами. После долгого соперничества, Помпей был побежден Юлием Цезарем (в 48 году до Р. Х.) и убит в Египте, оставив, таким образом, Юлия Цезаря единственным властелином римского мира.

Личность Юлия Цезаря всегда привлекала к себе внимание человечества более, чем она того в действительности заслуживала. Он обратился в своего рода легенду или символ. Для нас же он главным образом имеет значение тем, что знаменует собой переход от эпохи военных авантюр к началу четвертого периода возвышения Рима к началу империи, ибо, несмотря на глубочайшие экономические и политические потрясения, несмотря на гражданскую войну и общественное разложение, в течение всего этого времени внешние границы Римского государства все еще раздвигались дальше и продолжали раздвигаться до своего крайнего предела до 100 года по Р. Х. Только в периоды колебания счастья во время второй Пунической войны замечаем мы некоторый застой; да еще раз заметная потеря силы наблюдается перед воссозданием армии Марием. Восстание Спартака знаменует третий такой период. Репутация Юлия Цезаря как полководца, была создана в Галлии, т. е. нынешней Франции и Бельгии (главные племена, населяющие эту страну, принадлежали к тому же кельтскому народу, к кото-

рому принадлежали и галлы, временно занявшие северную Италию и впоследствии вторгнувшиеся в Малую Азию и там обосновавшиеся под именем галатов). Цезарь отразил нападение германнов на Галлию и присоединил всю эту страну к империи; дважды он переправлялся через пролив Ла-Манш в Британию (в 55 и 54 гг. до Р. Х.), покорение которой, однако, не было долговечным. Тем временем Помпей Великий упрочивал римские завоевания, которые на востоке достигли до Каспийского моря.

В это время, в середине I столетия до Р. Х., римский сенат оставался еще номинальным центром римского правительства. Он назначал консулов и других должностных лиц, передавал полномочия и т. д. Некоторые политические деятели, среди которых выделяется личность Цицерона, еще боролись за сохранение великих традиций республиканского Рима, за поддержание уважения к его законам. Но вместе с исчезновением ее свободных земледельцев дух гражданственности также покинул Италию. Это была страна рабов, страна бедняков, не имевших ни понимания, ни желания свободы. Но у этих республиканских вождей в сенате не было никакой поддержки, тогда как за великими авантюристами, которых они боялись и стремились сократить, стояло войско. И, не спрашивая совета у сената, Красс, Помпей и Цезарь (Первый Триумвират) разделили между собой управление государством. Когда, вскоре после этого, Красс был убит парфянами в далеких Каррах, Помпей порвал с Цеза-

рем. Помпей взял на себя защиту республиканских идей и издал закон, требующий суда над Цезарем за нарушение закона и за неподчинение постановлениям сената.

Закон воспрещал полководцу выводить свои войска за пределы подвластных ему областей. Границей между областью, подчиненной Цезарю, и Италией служил Рубикон. В 49 г. до Р. Х., сказав «жребий брошен», Цезарь перешел Рубикон и пошел против Помпея и Рима.

В Риме, в прошлом, существовал обычай в периоды военной опасности избирать на время кризиса «диктатора» с почти неограниченной властью. После поражения Помпея Цезарь был избран диктатором, сначала на 10 лет, а потом пожизненно (в 45 г. до Р. Х.). В действительности, он сделался пожизненным монархом государства. Стали поговаривать о «царе». Это слово было ненавистно римлянам со времен изгнания этрусских царей за пять веков до того. Цезарь отказался сделаться царем, но скипетр и трон были им приняты. После поражения Помпея Цезарь отправился в Египет. Там он увлекся Клеопатрой, последней из династии Птолемеев, царицей-богиней Египта. По всей вероятности, она совершенно вскружила ему голову. В Рим он вернулся под влиянием египетских идей о царе-боге. Его статуя была поставлена в храме с надписью: «Непобедимому Богу». Но в последнем счете все это закончилось взрывом республиканского возмущения, и Цезарь был убит в сенате у подножия статуи казненного им соперника Помпея Великого.

Затем последовало еще тринадцать лет борьбы между тщеславными соперниками. Образовался второй триумvirат, состоявший из Лепида, Марка Антония и Цезаря Октавиана. Последний был племянником Юлия Цезаря. Октавиан, как и некогда его дядя, взял себе бедные, более выносливые западные провинции, из которых вербовались лучшие легионы. В 31 году он победил Марка Антония, своего единственного серьезного соперника, в морском бою при Акциуме и провозгласил себя единственным властелином римского мира. Но Октавиан обладал совершенно иными качествами, нежели Юлий Цезарь. Он бессмысленно не мечтал стать богом или царем. У него не было царицы-любовницы, которую ему хотелось бы ослепить своим блеском. Он вернул сенату и народу Рима свободу. Он отказался от диктаторства. Благодарный сенат в ответ на это даровал ему – вместо внешних форм – сущность власти. Он должен был носить титул не «царя», а «Princeps» и Августа. Он сделался Цезарем Августом – первым римским императором (с 27 г. до Р. Х. до 14 г. по Р. Х.).

За ним последовал Цезарь Тиберий (с 14 до 37 г. по Р. Х.)» а за ним Калигула, Клавдий, Нерон и т. д. до Траяна (98 год по Р. Х.), Адриана (117 г. по Р. Х.), Антонина Пия (138 г. по Р. Х.) и Марка Аврелия (161–180 г. по Р. Х.). Все эти императоры были императорами легионов; солдаты создавали их, некоторых из них солдаты же свергали. Постепенно сенат исчезает из римской истории и заменяется императором и

его должностными лицами. Границы империи достигли теперь своих крайних пределов. Большая часть Британии была присоединена к империи; Трансильвания образовала новую провинцию Дакию; Траян переправился через Евфрат. У Адриана возникла мысль, которая напоминает нам о том, что произошло в другой части древнего мира. Как и Шихуанди, и он строил стены против набегов северных варваров: одну в Британии и частокол между Рейном и Дунаем. Он отказался от некоторых приобретений Траяна.

Расцвет Римской империи закончился.

Глава XXXIV. Между Римом и Китаем

Последние два века до Р. Х. отмечают новую эру человечества. Месопотамия и восточные страны Средиземного моря уже не являются более средоточием всеобщих интересов. Хотя Месопотамия и Египет и продолжали оставаться густо населенными, плодородными и богатыми странами, но они уже не являлись более владыками мира, и власть понемногу распространялась на восток и на запад. Две новые империи владычествовали теперь над миром – новая Римская империя и возродившийся Китай. Рим распространил свою власть до Евфрата, но никогда не смог перейти за этот предел из-за его географической отдаленности. За границами Евфрата прежние персидские и индийские владения селевкидов подпали под владычество новых повелителей. Китай находился теперь под властью династии Хань, сменившую династию Цинь после смерти Шихуанди, и распространил свое владычество за Тибет и Памирские ущелья, вплоть до Туркестана. Но здесь распространение китайского владычества кончилось; дальнейшие завоевания были недоступны вследствие отдаленности.

Китай в эту эпоху представлял собою самую великую, культурную политическую силу в мире. По пространству и

по количеству населения он превышал тогда Римскую империю в эпоху ее полного расцвета. И все же этим двум державам было вполне возможно существовать и развиваться одновременно, почти что в полном неведении друг о друге. Благодаря отсутствию организованной сети путей сообщения, как сухопутных, так и морских, дело не доходило до непосредственного столкновения.

Все же оба государства оказывали очень сильное и глубокое влияние, как взаимно друг на друга, так и на судьбу областей в Азии и Индии, лежавших между ними. Известный товарообмен уже существовал; караваны верблюдов проходили через Персию, и каботажные торговые корабли доходили до Индии и Красного моря. В 66 году до Р. Х. римские войска под предводительством Помпея, следуя по пути Александра Великого, дошли даже до восточных берегов Каспийского моря. В 102 году по Р. Х. китайский отряд под начальством Пан-Чао достиг Каспийского моря и отправил обратно послов донести о могуществе Рима. Но прошло еще много времени, прежде чем положительные знания и непосредственные сношения создали связь между великими параллельными мирами Европы и Восточной Азии.

К северу от этих двух держав находились дикие пустыни. Теперешняя Германия представляла непроходимые леса, леса эти простирались вглубь России и являлись убежищем гигантских быков-зубров, ростом почти со слона. К северу же от азиатских хребтов тянулись бесконечные пусты-

ни, тундры, степи и леса. В восточной части азиатских возвышенностей находился великий треугольник Манчжурии. Большинство этих областей между Южной Россией, Туркестаном и Манчжурией имели, и теперь еще имеют, исключительно неустойчивый климат. На протяжении столетий количество выпадающего дождя в них сильно изменилось. Климат этих стран всегда был предательским для человека. В течение многих лет земли эти производят злаки и доступны для земледелия, а затем наступают периоды, когда влажность сильно уменьшается и стоят убийственные засухи.

Западная часть этого дикого севера, от германских лесов и до юга России и Туркестана, а также от Готландии и до Альп, была родиной северных народов и арийского языка. Из восточных степей и пустынь Монголии вышли гунны, или монголы, или татары, или тюркские племена – ибо все эти народы были родственны по языку, расе и образу жизни. В то время, как северные народы постоянно распространялись за пределы своих собственных границ, стремясь к югу, к развивающимся цивилизациям Месопотамии и побережья Средиземного моря, племена гуннов также выслали избыток своего населения в виде бродяг, разбойников и завоевателей в благоустроенные области Китая. В годы урожая на севере население увеличивалось; но достаточно было, чтобы наступило оскудение пастбищ или поветрие на скот, и голодные воинственные племена начинали передвигаться на юг.

Была эпоха, когда одновременно существовали две до-

вольно сильные империи, которые могли удержать наплыв варваров и даже раздвигать границы собственной власти. Расширение империи Хань со стороны Китая в Монголию было значительно и длительно. Народонаселение Китая не ограничивалось пределами Великой стены. За пограничными отрядами империи следовал и китайский хлебопашец с своей лошастью и плугом, вспахивая пастбища и обрабатывая землю. Гунны совершали набеги, грабили и убивали население, но не выдерживали встречи с китайскими карательными экспедициями. Кочевым народам оставался выбор или принять оседлость и взяться за плуг, обращаясь в китайских плательщиков податей, или продвигаться дальше в поисках новых летних пастбищ. Некоторые выбирали первый исход и ассимилировались, другие продвигались на северо-восток и восток через горные проходы к восточному Туркестану.

Стремление на восток монгольских кочевых народов началось около 200 лет до Р. Х. Оно заставляло арийские племена продвигаться на запад. Те, в свою очередь, надвигались на римские границы и были готовы прорвать их при малейшем проявлении слабости Рима. Парфяне, народ смешанного монгольского и скифского происхождения, в I веке до Р. Х. спустились до Евфрата и воевали в Помпеем Великим во время его похода на восток. Они разбили и умертвили Красса. Они сменили династию севевкидов династией парфян, царей из рода Арсакидов.

В эту эпоху путь наименьшего сопротивления продвиже-

нию голодных кочевников лежал не на восток и не на запад, а вел через Центральную Азию и затем на северо-восток через Киберийский горный проход в Индию. В эти века римского и китайского могущества Индии пришлось выдержать монгольское нашествие. Ряд завоевателей-хищников продвигался через Пенджаб в широкие долины, предавая все разрушению и опустошению. Царство Ашоки было разрушено, и история Индии на время покрывается мраком. Некая династия Кушана создала Индо-Скифскую державу, державу хищнических народов, и временно управляла Северной Индией и поддерживала некоторый порядок. Эти набег продолжались в течение нескольких веков. В продолжение большей части V века по Р. Х. Индия подвергалась нападениям хэфталитов или белых гуннов, собиравших дань с мелких индусских князьков и державших в состоянии страха всю Индию. Хэфталиты эти каждое лето кочевали по Восточному Туркестану и каждую осень возвращались и терроризировали Индию.

Во II веке до Р. Х. великое несчастье обрушилось как на Римскую, так и на Китайскую империи, очевидно, и послужившее причиной ослабления сопротивления обоих государств нашествию варваров. Причиной этой была неслыханной силы чума. Чума эта в течение одиннадцати лет свирепствовала в Китае и глубоко расшатала весь его общественный строй, династия Хань пала, и Китай вступил в новый период разделения и смут, из которого ему суждено было вый-

ти не ранее VII века по Р. Х. с приходом великой династии Тан.

Зараза из Азии распространилась в Европу. Она свирепствовала в Римской империи с 164 до 180 года по Р. Х. и, по-видимому, основательно подорвала государственные основы Рима. До нас дошли сведения об опустошении целых провинций после эпидемий, а в правительстве замечается понижение энергии и работоспособности. Во всяком случае, мы видим, как после некоторого времени граница перестает быть неприступной и прорывается то в одном, то в другом месте. Новый северный народ – готы, когда-то вышедший из Готланда в Швеции, переселился через Россию на низовья Волги и на побережье Черного моря и там занялся мореплаванием и морским разбоем. К концу II века они, по-видимому, стали испытывать давление гуннов с востока на запад. В 247 году они переправились через Дунай, совершив большой сухопутный набег, разбили и умертвили императора Деция в битве, происшедшей на месте нынешней Сербии. В 236 году другой германский народ, франки, прорвал границу около нижнего Рейна, и Эльзас был наводнен нахлынувшими аллеманами. В Галлии легионам удалось отразить врага, но на Балканском полуострове готы непрерывно возобновляли свои нападения. Римская империя потеряла, например, целую провинцию, – Дакию. Гордая уверенность Рима была нарушена. В 270–275 годах император Аврелиан вынужден был укрепить Рим, в продолжение трех веков бывший

открытым, безопасным городом.

Глава XXXV. Жизнь простого народа во времена Римской империи

Прежде чем начинать рассказ о создании Римской империи, ее расцвете и безопасности, начиная с Августа Цезаря, и затем упадка, не мешало бы обратить внимание на жизнь масс на всем протяжении великого государства. В нашем описании мы уже дошли до событий, произошедших за 2000 лет до нашего времени, когда жизнь цивилизованных людей, как в римских владениях, так и во владениях династии Хань, начинала все более походить на жизнь их цивилизованных преемников наших дней.

В западном мире к этому времени металлические деньги были во всеобщем употреблении. Помимо жрецов было много людей с самостоятельными средствами, которые не были ни должностными лицами, ни жрецами; люди путешествовали гораздо больше и легче, чем прежде; существовали уже большие дороги и постоянные дворы. По сравнению с прошлым, с периодом, предшествующим 500 году до Р. Х., жизнь стала гораздо свободнее. До этого времени цивилизованные люди были прикреплены к известной области и стране, были связаны традициями, имели весьма ограниченный умственный кругозор. Только кочевники путешествовали и

торговали.

Но ни римский мир, ни мир династии Хань не представлял картины однообразной цивилизации во всех своих частях. Существовало много местных различий, больших контрастов и неравенства культуры между разными областями, точно так же, как они и ныне существуют под властью Англии в Индии. На этом громадном пространстве всюду были вкраплены римские гарнизоны, и среди них господствующим языком был латинский, и поклонялись они римским богам. Но там, где города и столицы существовали до прихода римлян, они продолжали свое прежнее существование. Они были подчинены, но в них сохранялась известная доля самоуправления и, временно по крайней мере, они по-своему продолжали поклоняться своим богам. Латинский язык никогда не был господствующим ни в Греции, ни в Малой Азии, ни в Египте, ни вообще на находящемся под эллинским владением востоке. Там непобедимо властвовал грек Савл Тарсанин, который сделался апостолом Павлом, был евреем и римским гражданином, но говорил и писал по-гречески, а не по-еврейски. Даже при дворе парфянской династии, свергнувшей греческих селевкидов в Персии и стоявшей совершенно вне границ Римской империи, греческий язык был языком модным. В некоторых областях Испании и Северной Африки язык Карфагена сохранялся в продолжение некоторого времени, несмотря на разрушение Карфагена. Такой город, как Севилья, процветавший тогда, ко-

гда имя Рима было еще неизвестно, сохранил свою семитическую богиню и свой семитический язык в течение поколений, несмотря на существование колонии римских ветеранов в Италике на расстоянии нескольких миль от него. Родным языком Септимия Севера (царствовавшего с 193 до 211 г. по Р. Х.) был карфагенский. Впоследствии он изучил латинский язык, как изучают языки иностранные; и рассказывают, что сестра его никогда не научилась говорить по-латыни и управляла своим римским хозяйством, говоря на пуническом языке.

В таких странах, как Галлия и Британия, и в провинциях, как Дания (находившаяся, приблизительно, там, где ныне находится Румыния) и Паннония (часть Венгрии к югу от Дуная), где до прихода римлян не существовало больших городов, храмов и культур, Римская империя сама способствовала «латинизации». Тут она давала стране цивилизацию. Рим создавал столицы и города, и там латинский язык с самого начала становился языком господствующим, там поклонялись римским богам и следовали римским обычаям и модам. Румынский, итальянский, французский и испанский языки, все эти разновидности латинского языка, сохранились, чтобы напомнить нам о том, как широко были распространены латинский язык и обычаи. Северо-Запад Африки также в значительной степени стал употреблять латинский язык. Египет, Греция и остальные государства к западу никогда не были латинизированны. Они и по духу и по культуре оста-

лись египетскими и греческими. И даже в самом Риме, среди образованных людей, а греческая литература и знание совершенно справедливо предпочитались латинским.

В этой разнородной империи способы производства и ведение дел также были очень разнообразны.

Земледелие, большей частью, продолжало быть главным занятием оседлого населения. Мы уже рассказывали о том, как в Италии фермы отважных свободных земледельцев, составляющих лучший элемент в первый период Римской республики, после Пунических войн вытеснены имениями, обработанными рабами. Греческий мир был знаком с различными способами обработки земли, начиная с армадской системы, согласно которой каждый свободный гражданин собственноручно обрабатывал свою землю, и кончая спартанской, в которой работать считалось делом позорным и где земледельческие работы производились особым классом рабов – илотами. Но в описываемую эпоху этого уже не было, и почти во всем цивилизованном мире распространялась система крупных имений, обрабатываемых трудом рабов. Земледельческие работы выполнялись пленниками, говорившими на многих различных языках, так что они не могли понимать друг друга, или же это были прирожденные рабы. Между ними не было солидарности, чтобы противостоять угнетению, не было освященных обычаем прав; у них не было образования; читать и писать они не умели. Хотя они составляли большинство деревенского населения, им никогда не

удавалось произвести удачное восстание. Восстание Спартака в I веке до Р. Х. было восстанием специально обученных для гладиаторской борьбы рабов, земледельческие работники Италии в последние дни республики и в начале империи переносили страшные истязания. Ночью их приковывали, чтобы они не могли бежать, или им брили половину головы, тоже чтобы затруднить побег. У них не было собственных жен; хозяева их оскорбляли, калечили, убивали. Хозяин имел право продать раба для борьбы с дикими зверями на арене. Если раб убивал своего хозяина, все рабы того дома, а не только виновник, предавались распятию. В некоторых областях Греции, в особенности в Афинах, судьба раба никогда не была столь ужасна, но все же она всегда была отвратительна. Для этой части населения варвары, которые вскоре после этого прорвали заградительные цепи легионов, явились не врагами, а спасителями.

Система рабства проникла во все виды промышленности и во все работы, которые могли производиться артелями. Работы в рудниках, добывание металлов, работы на галерах, сооружение дорог и больших зданий большею частью совершались с помощью рабов. Почти все домашние работы также производились рабами. Существовали небогатые свободные жители или вольноотпущенные в городах и деревнях, которые работали для себя или за жалование. Это были ремесленники, надсмотрщики и т. п. работники, принадлежавшие к новому классу платных тружеников, вступавших в конку-

рению с трудом рабов; но нам неизвестно, какой процент общего населения они составляли. Вероятно, число их сильно колебалось в различное время и в различных местностях. Существовало также много разновидностей рабства, начиная от раба, прикованного ночью и кнутом погоняемого на ферму или в каменоломню, и кончая рабом, которому хозяин считал выгодным для себя предоставить самостоятельно обрабатывать собственный кусок земли или также самостоятельно трудиться над своим ремеслом, позволял ему иметь жену, как свободному человеку, требуя лишь уплаты достаточного откупа.

Были и вооруженные рабы. В период начала Пунических войн, в 264 году до Р. Х., в Риме был возобновлен этрусский обычай заставлять рабов сражаться друг против друга. Это сделалось модным спортом, и вскоре каждый знатный богач Рима содержал целую свиту гладиаторов, которые иногда сражались на арене, но настоящей обязанностью которых было состоять при нем в качестве воинственных телохранителей. Были и ученые рабы. Победы последнего периода республики были одержаны над высокообразованными странами; то были города Греции, Северной Африки и Малой Азии; они давали приток многих высокообразованных пленников. Воспитателем молодого аристократа-римлянина, большею частью, бывал раб. Богачи держали греческих рабов в качестве библиотекарей, секретарей и ученых. Они заводили себе собственных поэтов, как заводят ученую со-

бачку. В этом мире рабства вырабатывались традиции современных литературных знаний и критики, которые неизбежно становились забытыми, мелочными и уделяющими слишком много места полемике. Существовали также предприимчивые люди, которые покупали многообещающих мальчиков-рабов, воспитывал их и потом продавали. Рабов подготавливали в переписчики, ювелиры и для других квалифицированных профессий.

За четыреста лет, протекших с первых дней побед во времена «Республики богатой знати» и вплоть до дней распада, последовавших за великой чумой, произошло много глубоких перемен в судьбе рабов. Во II веке до Р. Х. военнопленные рабы были чрезвычайно многочисленны, нравы были грубы и жестоки; у рабов не было никаких прав, не существовало такого оскорбления, которому в те дни не подвергались бы они. Но уже в I веке по Р. Х. заметно значительное улучшение в отношении римской цивилизации к рабству. Во-первых, пленных стало значительно меньше, и рабы стали дороже. И рабовладельцы начали соображать, что выгода и удобства, которые они получали от своих рабов, увеличивались по мере возрастания чувства самоуважения среди этих несчастных. Возвышался также весь нравственный уровень общества, стало проявляться чувство справедливости. Жестокости был поставлен предел; хозяину не позволялось более продавать раба для борьбы со зверями; раб приобрел право собственности над своим, так называемым, «бла-

гоприобретенным скарбом»; рабам для поощрения платили жалование; допускалась известная форма брака между рабами. Многие виды земледельческих работ не могут быть производимы артелью или же требуют артельной работы только в определенные времена года. В странах, где существовали такие условия, раб скоро обращался в крепостного, платящего хозяину часть продуктов или работающего на него в известные периоды.

Когда мы начинаем уяснять себе, до какой степени эта великая Римская империя, с населением, говорившим по-латински и по-гречески в период первых двух столетий по Р. Х., была государством рабов, как незначительно было меньшинство, обладавшее честью и свободой, то сразу становится понятна причина ее разложения и упадка. Существовало очень мало того, что мы теперь называем «семейной жизнью»; было мало семейств, ведущих трезвую жизнь, жизнь активного мышления и изучения; школы, как высшие, так и низшие, были малочисленны и отдалены друг от друга. Нигде нельзя было найти свободную мысль и свободную волю. Большие дороги, развалины прекрасных зданий, сохранившихся до наших времен, традиции законности и власти, оставленные римлянами, перед которыми дивятся последующие поколения, не должны скрывать от нас, что все это внешнее великолепие было построено на обломках надломленной воли, ценой придавленного мышления и искалеченных и извращенных желаний. И даже мень-

шинство, господствовавшее над всем этим обширным, порабощенным и забытым миром, угнетенным насильственным трудом – даже это меньшинство в глубине души было неспокойно и несчастно. В этой атмосфере увядали искусство и литература, наука и философия ума. Было много переписывания и подражания, изобилие художественных ремесленников, много рабского педантизма среди раболепствующих ученых, но вся Римская империя, в течение четырех веков, не произвела ничего, что можно было бы сравнить с смелой, благородной умственной деятельностью сравнительно маленького города Афин в течение одного столетия его процветания. Афины пришли в упадок во время римского владычества. Пришла в упадок и наука Александрии. Казалось, те дни были днями упадка духа человечества.

Глава XXXVI. Религиозные движения во времена Римской империи

В первые два века по Р. Х. в душе человека латинской и греческой культуры чувствовалось разочарование и неудовлетворенность. Царили жестокость и принуждение; было много гордости и внешнего блеска и мало чести. Не было спокойствия, уверенности в прочности положения. Несчастных презирали, и они влачили жалкое существование; счастливые были не уверены в своем счастье и лихорадочно искали наслаждений. Во многих городах жизнь сосредоточивалась на кровавом увлечении ареной, где бились, подвергались истязаниям и умирали люди и животные. Таков был основной тон жизни. Беспокойство человека проявлялось в глубоком религиозном волнении.

С того дня, как первые полчища арийцев ворвались в страны старейшей культуры, прежние боги, жившие в храмах, и жреческие касты неизбежно должны были претерпеть значительные изменения или погибнуть. В продолжение сотен поколений смуглые народы земледельческих стран сосредоточивали свою жизнь и свое мышление вокруг храма. Над их умами властвовала мысль о долге и страх перед нарушением обычаев, мысль о жертвоприношениях и тайнах.

Боги их кажутся современному мышлению чудовищными и бессмысленными, потому что мы сами принадлежим к арийскому миру. У древнейших народов эти божества обладали всею живостью и убедительностью существ, видимых в глубоком сне. В Шумерии или древнем Египте победа одного города-государства над другим означала перемену или переименование богов и богинь, но, в общем, оставляла нетронутыми форму и дух культа. Не происходило перемены и в его общем характере. Действующие лица сновидения менялись, но само сновидение продолжалось и оставалось тем же самым сном. И первые семитические завоеватели были достаточно родственны шумерийцам по духу, чтобы перенять от покоренной месопотамской культуры ее религию без каких-либо коренных перемен. Египет был далеко не безучастен к вопросам религий, чтобы в нем можно было произвести религиозный переворот. Как при Птолемах, так и при Цезарях его храмы оставались чисто египетскими.

Пока войны происходили между народами одинаковых религиозных и общественных воззрений, было возможно путем различных перестановок и ассимиляции преодолевать столкновения между богами разных храмов и областей. Если оба бога были одинаковы по своему характеру, они сливались. Бог остается тем же самым, только под другим именем, – говорили жрецы и народ. Такое слияние богов называется теокразией, и века великих завоеваний за 1000 л. до Р. Х. были веками теокразии. На больших пространствах

местные боги были заменены или, скорее, поглощены одним общим богом. Таким образом, когда наконец еврейские пророки и провозгласили в Вавилоне единого бога справедливости во всем мире, человеческий ум был к этому вполне подготовлен.

Но часто боги были слишком несходны для такой ассимиляции, и тогда их соединяли какими-нибудь правдоподобными отношениями. Богиня (а эгейские народы, до появления греков, были особенно склонны верить в богинь-матерей) становилась женой какого-нибудь бога, а бог-животное или бог-звезда очеловечивался, и животное, небесное светило, змий, Солнце делались украшением или символом бога. Или же бог покоренного государства становился злобным противником светлых богов. История теологии полна таких приспособлений и компромиссов между местными богами и стараний придать им разумные формы.

В то время, как Египет в своем развитии переходил от городов-государств к объединенному государству, такая теократия была очень распространена. Главным богом был Осирис, жертвенный бог жатвы, земным воплощением которого был фараон. Осирис изображался постоянно умирающим и вновь воскресающим; он был не только посевом и жатвой, но также, по естественному развитию мысли, и путем к человеческому бессмертию. Одним из его символов был ширококрылый жук, который закапывает свои яйца для того, чтобы они снова вернулись к жизни; другим – лучезар-

ное Солнце, которое заходит для того, чтобы снова взойти. Позднее он был олицетворен Аписом – священным быком. С ним была связана богиня Исида. Исида была в то же время и Хатхор – богиней-коровой, молодым месяцем, морской звездой. Осирис умирает, а Исида рождает сына Гора, который в то же время есть бог-ястреб и рассвет и который снова делается Осирисом. Исида изображается с ребенком Гором на руках, стоящая на молодом серпе месяца. Эти взаимоотношения логически бессвязны, но они были созданы человеческим умом задолго до того, как развилось устойчивое, систематическое мышление, и в них есть какая-то фантастическая связь сновидения. За этим тройным божеством шли другие, темные египетские боги, боги зла, – Анубис с собачьей головой, черная ночь и др., – соблазнитель и враги, пожирающие бога и человека...

Всякая религиозная система с течением времени приспособляется к человеческой душе и, без сомнения, из этих нелегальных и даже нелепых символов египтяне умели создавать себе пути к истинному благочестию и утешению. В египетском мышлении стремление к бессмертию было очень сильно, и вся религиозная жизнь вращалась вокруг этого стремления. Египетская религия была религией бессмертия больше, чем какая-либо когда-нибудь существовавшая религия. Когда Египет пал под натиском чужеземных завоевателей и египетские боги потеряли свое политическое значение, это стремление к бессмертию еще усилилось.

После завоевания Египта греками новый город, Александрия, стал центром египетской религиозной жизни, да, пожалуй, даже и религиозной жизни всего эллинского мира. Птолемеем I был построен большой храм Серапеум, в котором поклонялись своего рода тройному божеству. Это были Серапис (переименованные Осирис и Апис), Исида и Гор. Их считали не отдельными богами, а лицами единого божества, и Серапис был в то же время и Зевсом у греков, и Юпитером у римлян, и богом Солнца у персов. Этот культ распространялся всюду, куда проникало эллинское влияние, даже в северной Индии и западном Китае. Идея бессмертия, бессмертия вознаграждающего и утешающего, с жадностью принималась миром, в котором жизнь обыкновенного человека была безнадежно тяжела. Серапис назывался «спасителем душ». «После смерти», читаем мы в песнопениях того времени, «мы остаемся на попечении его провидения». Много поклонников привлекала Исида. В своих храмах она изображалась небесной царицей с ребенком Гором на руках. Перед ней возжигались свечи, приносились жертвы, служили ей жрецы, давшие обет безбрачия.

Возникновение Римской империи открыло этому культу доступ в западноевропейский мир. Храмы Сераписа – Исиды, песни жрецов, надежды на бессмертие – все это сопровождало римским знаменам в Шотландии и Голландии. Но у религии Сераписа – Исиды было много соперников. Из них важнейшим была религия Митры. Это была религия персид-

ского происхождения и сосредоточивалась вокруг каких-то ныне забытых таинственных легенд, в которых Митра приносил в жертву священного быка. В ней мы как будто различаем нечто более первобытное, чем сложная, мудреная вера Сераписа – Исиды. В ней мы переносимся к кровавым жертвам периода Солнцеклонников. Изображаемый на памятниках Митры бык всегда истекает кровью из раны в боку, и из этой крови рождается новая жизнь. Вновь принимаемый в религию Митры должен был выкупаться в крови быка. При посвящении он становился под дощатый помост, на котором убивали быка, так что кровь стекала на него.

Обе эти религии, а также и многие другие сходные культуры, распространявшиеся среди рабов и граждан при первых римских императорах, были религиями личными. Они стремились к личному спасению, к личному бессмертию. Более древние религии не были личными в этом смысле; они были общественными. По старому обычаю бог или богиня были прежде всего богами города или государства и затем уже богами отдельного человека. Жертвоприношения были общественными, а не частными церемониями. Они касались общих материальных нужд земной жизни. Греки первые, а за ними римляне, отделили религию от политики. Под влиянием египетских обычаев религия замкнулась в потустороннем мире.

Эти новые религии личного бессмертия отняли от старых государственных религий вдохновлявшее их чувство, их ду-

шу, но они не заменили их. Обыкновенно город при первых римских императорах имел несколько храмов самых разнообразных богов. В нем можно было бы найти храм Юпитера Капитолийского, великого римского бога, и в то же время обычно там был и храм царствующего Цезаря, ибо Цезари переняли от фараонов мысль о возможности стать богами. В этих храмах богопочитание было холодным, величественным, политическим служением; туда человек приходил принести жертву и сжечь щепотки фимиама, чтобы показать свою преданность. Но, обремененный своими личными невзгодами, он шел за советом и облегчением в храм Исиды, любимой небесной царицы. Существовали и местные особенные боги. Севилья, например, долго почитала старую карфагенскую Венеру. В какой-нибудь пещере или подземном храме, наверное, можно было найти алтарь Митры, посещаемый легионерами и рабами. А по всей вероятности где-нибудь была и синагога, в которой собирались евреи читать свою Библию и проповедовать свою веру в невидимого бога вселенной. С евреями иногда происходили столкновения на почве соблюдения политической стороны государственной религии. Они учили, что их бог был богом ревнивым, не терпящим идолопоклонства, и отказывались принимать участие в общественных жертвоприношениях Цезарю. Они даже отказывались отдавать честь римским знаменам, считая это идолопоклонством.

На востоке, еще задолго до Будды, существовали аскеты,

т. е. люди обоего пола, отказавшиеся от мирских удовольствий, отвергавшие брак и собственность и искавшие духовной силы и избавления от житейских волнений и злоключений в воздержании, страдании и одиночестве. Сам Будда был противником преувеличенного аскетизма, но многие из его учеников следовали монашескому образу жизни с большой строгостью. Темные греческие культы проводили такую же дисциплину, доходя даже до самокалечения. В I веке до Р. Х. аскетизм появляется также и в еврейских общинах Иудеи и Александрии. Целые общины оставляли мир и предавались воздержанию и мистическому созерцанию. Такова, например, была секта ессеев. В продолжение всего I и II веков после Р. Х. существовало почти повсеместное движение, склонявшееся к отказу от жизни, всемирное искание «спасения» от зол того времени. Исчезло прежнее чувство установленного порядка, прежнее доверие к жрецу и к храму, к закону и обычаю. Среди царивших рабства, жестокости, страха, беспокойства, разорения, хвастливости, распущенности вспыхнула эта эпидемия самоотречения, эпидемия умственной неустойчивости, этого отчаянного искания покоя, даже ценою отречения от мира и добровольного страдания. Это чувство и наполняло Серапеум рыдающими и кающимися и влекло новообращенных к мраку и крови пещер Митры.

Глава XXXVII. Учение Иисуса Христа

В то время, как Цезарь Август, первый из императоров, царствовал в Риме, в Иудее родился Иисус, христианами называемый Христом. С его именем связано возникновение религии, которая стала государственной религией Римской империи.

Необходимо теперь же заметить, что в общем значительно удобнее отделять историю от богословия. Большая часть христианского мира верит, что Иисус был воплощением того бога вселенной, в которого впервые уверовали евреи. Историк, если он хочет оставаться таковым, не может ни принимать, ни отрицать этого объяснения. Осязаемо для нас Иисус появился в образе человека, и историк должен рассматривать его, как такового.

Он появился в Иудее в царствование Тиберия Цезаря. Он был пророком. Он проповедовал так же, как проповедовали предшествовавшие ему еврейские пророки. Он был лет 30-ти от роду, и мы находимся в полном неведении относительно его образа жизни до того, как он стал проповедовать.

Единственным непосредственным источником сведений об его жизни и учении являются четыре Евангелия. Все они одинаково дают изображение очень определенной личности.

Приходится согласиться: «Да, этот человек действительно был. Все это не могло быть выдуманно».

Но как личность Гаутамы Будды была искажена и затемнена неуклюжей фигурой с поджатыми ногами, золотым идолом позднейшего буддизма, так и энергичный, худощавый облик Иисуса значительно искажается нереальностью и условностью, которые навязываются ему ложным благочестием современного христианства. Иисус был нищим учителем, бродившим по пыльной, опаленной Солнцем Иудее, жившим случайными подаяниями. Между тем его всегда изображают чистым, причесанным, выхоленным, в безупречной чистоты одежде, прямо держащимся, с какою-то неподвижностью, как будто бы он скользил по воздуху. Уже одно это сделало его нереальным и мало вероятным для многих людей, не сумевших отделить сущность от всяческих прикрас и неразумных добавлений, сделанных невежественными верующими.

Если мы освободим имеющиеся сведения от этих затрудняющих подробностей, перед нами встает изображение личности в высшей степени человеческой, искренней, страстной, способной к внезапному гневу, принесшей новое, простое, глубокое учение: учение о любящем боге-отце, об ожидаемом царствии божием. Ясно, что это был человек, говоря по современному, выдающийся притягательной силы. Он привлекал к себе последователей и вселял в них любовь и мужество. В его присутствии слабые и больные получали утеше-

ние. Но, по всей вероятности, он был человек слабого сложения, что можно заключить из того, как скоро наступила его смерть на кресте. Существует предание, что, когда, по обычаю, его заставили нести крест на место казни, он лишился чувств. В продолжение трех лет он проповедовал по стране свое учение и, наконец, придя в Иерусалим, был обвинен в желании основать новое царство в Иудее. По этому обвинению его судили и распяли вместе с двумя разбойниками. Задолго до того, как умерли эти двое, его страдания окончились.

Несомненно, учение о царствии божем, которое было основой проповеди Иисуса, – одно из самых революционных учений, когда-либо волновавших или влиявших на человеческие умы. Поэтому нельзя удивляться, что мир того времени не сумел охватить полное его значение и в недоумении отпрянул даже от признанных наполовину огромных требований, предъявленных им всем установившимся обычаям и учреждениям человечества. Ибо учение о царствии божем, как проповедовал его Иисус, было ни более ни менее, как смелое, не идущее на уступки, требование полного изменения и очищения нашей жизни, полного очищения изнутри и извне. Читатель должен обратиться к Евангелию за всем, что сохранилось от этого великого учения. Здесь нас интересует только столкновение его с установившимся тогда мировоззрением.

Евреи были убеждены, что бог, единый бог вселенной,

был богом справедливости, но в то же время он был для них каким-то богом-дельцом, который вошел с их отцом Авраамом в сделку, сделку для них очень выгодную, по которой он обязался привести их в конце концов к владычеству над миром. С удивлением и гневом услышали они, как Иисус смел столь дорогое им чувство уверенности. Он учил, что бог не делен, учил, что нет избранного народа, нет любимцев в царствии божем. Бог – любящий отец всякой жизни, так же неспособный оказывать предпочтение, как и Солнце. Все люди – братья, все грешники и все любимые сыны отца. В притче о добром самарянине Иисус осудил ту естественную склонность, которой мы все покоряемся, – склонность возвеличивать свой народ и преуменьшать правоту других вероисповеданий и других рас. В притче о рабах праведных он осудил настойчивое желание евреев иметь особые права на бога. Со всеми, которых бог принимает в царство божие, учил Иисус, он поступает одинаково; в обращении его нет различия, потому что милость его безгранична. Кроме того, как учит нас притча о талантах и как подтверждает случай с лептой вдовы, он от всех требует всего, что они могут дать. В царствии божем нет ни преимуществ, ни уступок, ни извинений.

Но Иисус оскорбил не только страстный патриотизм иудейского племени. Евреи были народом, очень преданным семье, а он стремился смести все узкие ограниченные семейные привязанности в одном потоке любви к богу. Все цар-

ствие божие должно было стать семьей его последователей. Мы читаем: «Когда же он еще говорил к народу, мать и братья его стояли вне дома, желая говорить с ним. И некто сказал ему: «Вот мать твоя и братья твои стоят вне, желая говорить с тобою». Он же спросил в ответ говорившему: «Кто мать моя, и кто братья мои?». И, указав рукою своею на учеников своих, сказал: «Вот мать моя и братья мои. Ибо кто будет исполнять волю отца моего, тот мне брат, и сестра, и мать»». (Матф., XII, 46–50).

Но во имя бога-отца вселенной и братства всего человечества Иисус нанес удар не только патриотизму и узам семейной жизни; ясно, что учение его осуждало все разделения экономической системы, частную собственность и личные преимущества. Все люди принадлежали царству, царству же принадлежало и их имущество. Праведной жизнью для всех людей, единственной правильной жизнью, было служение воле божией всем именем своим и всем существом. Снова и снова возвращался он к осуждению частного имущества и частной жизни. «Когда выходил он в путь, подбежал некто и пал перед ним на колени и спросил его: «Учитель благий, что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?» Иисус сказал ему: «Что ты называешь меня благим? Никто не благ, как только один бог. Знаешь заповеди: не прелюбодействуй, не убий, не кради, не лжесвидетельствуй, не обижай, почитай отца своего и мать свою» (Исх. 20, 12–17). Он же сказал ему в ответ: «Учитель, все это сохранил я от юности мо-

ей». Иисус, любовно взглянул на него и сказал: «Одного тебе недостает: пойдя, все, что имеешь, продай и раздай нищим; и будешь иметь сокровища на небесах и приходи, последуй за мною, взяв крест». Он же, смутившись от сего слова, отошел с печалью, потому что у него было большое имение. И, посмотрев вокруг, Иисус говорит ученикам своим: «Как трудно имеющим богатство войти в царствие божие». Ученики ужаснулись от слов его, но Иисус, опять говорит им в ответ: «Дети, как трудно надеющимся на богатство войти в царствие божие. Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царствие божие» (Марк, X, 17–25).

Кроме того, в своем великом предсказании будущего царства, которое сделает все человечество единым в боге, Иисус не выносил расчетливой праведности формальной религии. Другая значительная часть его изречений направлена против мелочного исполнения правил благочестивой жизни: «Потом спрашивают его фарисеи и книжники: «Зачем ученики твои не поступают по преданию старцев, но неумытыми руками едят хлеб?». Он сказал им в ответ: «Хорошо пророчествовал о вас, лицемерах, Исаия, у которого написано: люди сии чтут меня устами, сердце же их далеко отстоит от меня, но тщетно чтут меня, поучая заповедям человеческим (Ис., 29–1). Ибо вы, оставив заповедь Божию, держитесь предания человеческого: омовения кружек и чаш, и делаете многое другое сему подобное». И сказал им: «Хорошо

ли, что вы отменяете заповедь Божию, чтобы сохранить предание?» (Марк, VII, 5–9).

Иисус провозгласил не только нравственную и социальную революцию. Из многих указаний ясно, что учение его носило подлинный политический характер. Правда, он говорит, что царство его не от мира сего, что оно в сердцах людей, а не на престоле, но, конечно, где бы и в какой бы степени ни было осуществлено это царствие его в сердцах человеческих, – во внешнем мире, вследствие этого, также произошел бы переворот и он был бы обновлен.

Слепота и глухота слушателей Иисуса могла заставить их пропустить многое в учении его, но они не пропустили его намерение переделать мир. Весь дух враждебной ему оппозиции, все условия его суда и казни ясно указывают, что с точки зрения современников, да и в действительности, он предлагал изменить, переделать и раскрепостить человеческую жизнь.

Неудивительно, что вследствие всего им сказанного все богатые и состоятельные люди испытывали ужас перед странным явлением, чувствовали крушение всего их мира в его учении. Все их маленькие, частные отклонения от общественного служения он извлекал на свет общей религиозной жизни. Подобно грозному охотнику, выгонял он человечество из уютных берлог; в которых оно жило до тех пор. В светлом сиянии его царства не должно было существовать ни собственности, ни преимуществ, ни гордости, ни первен-

ства, наконец, ни единого побуждения, ни единой награды, кроме любви. Удивительно ли, что люди были поражены и ослеплены, и возроптали на него. Даже ученики его роптали, если он не ослаблял для них своего света. Удивительно ли, что священники поняли, что между ними и этим человеком нет выбора, что или он, или священство должны погибнуть. Удивительно ли, что пораженные римские солдаты, встретившись лицом к лицу с чем-то витающим высоко над их пониманием и угрожающим всей их дисциплине, находили убежище в диком смехе, украсили Иисуса терновым венцом, облачили в пурпур и, насмехаясь, называли Цезарем. Ибо отнестись к этому серьезно значило начать новую страшную и страшную жизнь, оставить привычки, сдерживать порывы и инстинкты и испытать невероятное счастье.

Глава XXXVIII. Развитие христианского вероучения

В четырех Евангелиях мы много узнаем о личности и учении Иисуса, но мало о догматах христианской церкви. Основоположения христианского вероучения даны в посланиях, т. е. в ряде творений ближайших последователей Иисуса.

Одним из главных творцов христианского вероучения был апостол Павел. Он никогда не видал Иисуса, никогда не слышал его проповеди. Настоящее имя Павла было Савл, и он был сначала известен, как деятельный преследователь небольшой группы учеников, оставшихся после распятия. Потом он внезапно перешел в христианство и переименовал свое имя на Павла. Он был человеком выдающейся умственной силы, глубоко и страстно интересовавшимся религиозными движениями своего времени. Он был хорошо знаком с юдаизмом и современными ему религиями Митры и религиями, господствовавшими в Александрии. Многие их мысли и выражения он перенес в христианство. Он мало что сделал в направлении расширения и развития непосредственного учения Иисуса, т. е. учения о царстве божием. Он учил, что Иисус был не только провозвещенным Христом и вождем иудеев, но также, что смерть его была жертвой во искупление человечества, как смерть обреченных в древних жертво-

приношениях первобытных цивилизаций. Когда несколько религий процветают рядом, они всегда склонны заимствовать друг от друга обряды и другие внешние особенности. Например, буддизм в Китае имеет теперь почти те же храмы, обычаи и тех же жрецов, что и таоизм, следующий учению Лао-цзы. Тем не менее первоначальные учения буддизма и таоизма почти прямо противоположные. И на христианство не набрасывает тени или подозрения тот факт, что оно заимствовало не только внешние формы, как-то: требование, чтобы священники брились, жертвоприношение, алтари, свечи и иконы александрийской религии и религии Митры, но даже слова молитв и некоторые богословские мысли. Все эти религии процветали рядом с другими малоизвестными культурами. Каждая из них имела последователей и, вероятно, между ними существовал постоянный переход новообращенных. Иногда та или иная религия пользовалась благосклонностью правительства, но христианство всегда возбуждало большие подозрения, чем его соперники, потому что, подобно евреям, последователи его отказывались почитать бога-цезаря. Это делало их религию революционной.

Ап. Павел приучил своих учеников к мысли, что Иисус, подобно Осирису, был богом, который умер для того, чтобы снова воскреснуть и даровать людям бессмертие, и вскоре разрастающаяся христианская община стала раздираться богословскими спорами об отношении бога Иисуса к богу-отцу человечества. Ариане учили, что Иисус был божествен по

существо, но разделен от отца и подчинен ему. Савеллиане учили, что Иисус был лишь одним из образов бога и что бог был в одно и то же время и отцом и Иисусом, также как и человек может быть в одно и то же время и отцом и ремесленником. Тринитарии проповедовали более тонкое и сложное учение, что бог был один в трех лицах: отец, сын и святой дух. Некоторое время казалось, что ариане одержат верх над соперниками, а потом после споров, насилий и войн формула тринитариев была принята всем христианским миром. В наиболее полной форме мы находим ее в символе веры Афанасия Великого.

Здесь мы не станем обсуждать эти прения. Они не двигают истории, как ее двинуло личное учение Христа. Это последнее, видимо, действительно отмечает новую эру нравственной и духовной жизни нашей расы. Его идеи о боге-отце всего человечества и о братстве всех людей, его идея о священности каждого отдельного человека, как живого храма господня, оказали самое глубокое влияние на всю последующую общественную и политическую жизнь человечества. С появлением христианства и с распространением учения Иисуса в мире появляется новое уважение к человеку, как к таковому. Быть может, и верно то, что утверждают некоторые критики, что апостол Павел проповедовал рабам послушание, но также верно и то, что весь дух евангельского учения Иисуса был направлен против порабощения одного человека другим. А еще более противилось христианство та-

кому унижению человеческого достоинства, каким являлись бои гладиаторов на арене.

В продолжение двух первых веков после Р. Х. христианство распространялось по всей Римской империи, собирало все возрастающее число последователей в новую общину, объединенную мыслью и волей. Отношение императоров колебалось между враждебностью и терпимостью. Во II и III веках были попытки подавить новую религию, и, наконец, в 303 г. и в следующие годы царствования императора Диоклетиана разразилось страшное преследование. Было конфисковано накопившееся довольно крупное церковное имущество, также были конфискованы и уничтожены все библии и религиозные книги. Христиане были объявлены вне закона, многие были казнены. Особенно важно было уничтожение книг. Оно доказывает, до какой степени власти признавали силу писаного слова, сохраняющего новую веру. Эти «книжные религии», христианство и еврейство, были религиями, дающими образование. Продолжительное их существование в значительной степени зависело от умения народа читать и понимать их учение. В других религиях не было этого призыва к личному разумению. В продолжение наступивших в скором времени в Зап. Европе веков варварства и смут христианская церковь была главным орудием сохранения традиций науки. Преследования Диоклетиана оказались совершенно бессильными подавить развивающуюся христианскую общину. Во многих провинциях оно было безуспеш-

но, потому что масса населения и многие должностные лица были христианами. В 317 г. одним из четырех совместно правивших императоров Галерием был издан эдикт о веротерпимости, а в 324 г. Константин Великий, друг христианства, крестившийся на смертном одре, сделался единым властелином римского мира. Он оставил всякие притязания на божественное происхождение императоров и поставил христианские символы на щитах и знаменах своего войска.

Через несколько лет христианство прочно укоренилось, как официальное вероисповедание империи; соперничавшие с ним религии исчезли или же были с необычайной быстротой поглощены им, и в 390 г. Феодосий Великий приказал уничтожить большую статую Юпитера – Сераписа в Александрии. С начала V века христианские храмы и священники остались единственными в империи.

Глава XXXIX. Разделение империи варварами на восточную и западную

В продолжение всего III века общественно разлагающаяся и нравственно распадающаяся Римская империя стояла лицом к лицу с варварами. Императоры этой эпохи были воинственными военными самодержцами, и столица империи переносилась с места на место, сообразно нуждам военной политики. То главный штаб императора был в Милане в сев. Италии, то в нынешней Сербии, в Смирне или Нише, то в Никомедии, в Малой Азии. Рим, расположенный в Средней Италии, был слишком далек от центра всех интересов, чтобы быть подходящим местопребыванием императора. Он клонился к упадку. В большей части империи все еще сохранялся мир, и люди могли существовать без оружия. Армия по-прежнему была единственным носителем силы; императоры, завися от своих легионов, делались все более и более самодержавными в отношении к остальной империи, а двор их становился все более и более похожим на дворы персидских и других восточных монархов. Диоклетиан возложил на себя царский венец и облачился в восточные одежды.

По всему протяжению границы, которая шла приблизительно по Рейну и Дунаю, империю начинали теснить враги.

Франки и другие германские племена дошли уже до Рейна; на севере Венгрии находились вандалы, там где когда-то была Дакия, а теперь находится Румыния, находились вестготы. За ними в южной России были восточные готы или остготы, а еще дальше за ними по берегам Волги находились аланы. Но теперь монгольские народы стали пробивать себе путь к Европе. Гунны уже собирали дань с аланов и остготов и теснили их к западу.

В Азии римские границы отодвигались под натиском возбуждающейся Персии. Персии сассанидских царей суждено было стать в продолжение следующих трех веков сильной и, в общем, удачной соперницей Римской империи.

Бросив взгляд на карту Европы, читатель сразу заметит слабое место империи. Расстояние нижней части Дуная от Адриатического моря в областях современной Боснии и Сербии не больше нескольких сотен миль. В этом месте Дунай опять поворачивает под прямым углом. Римляне никогда не поддерживали живого морского сообщения, и это пространство земли в двести миль было их путем сообщения между западной частью империи, где говорили на латинском языке, и восточной, где господствовал греческий. На этот прямой угол, образуемый Дунаем, был всего сильнее натиск варваров. Когда они там прорвались, распад империи на две части стал неизбежным.

Более деятельное государство сумело бы двинуться вперед и снова завоевать Дакию, но Римской империи не хвата-

ло этой энергии. Константин Великий отбил нападение готов именно в этих важных Балканских областях, но у него не хватило силы перенести границу по ту сторону Дуная. Он был слишком занят внутренними раздорами своего государства. Он пытался привлечь единство и нравственную силу христианства для возрождения духа разлагающейся империи, и он решил создать новую постоянную столицу в Византии на Черном море. Эта вновь созданная Византия, которая была в его честь переименована в Константинополь, еще строилась, когда он умер. К концу его царствования случилось замечательное происшествие в Паннонии, теперешней Венгрии, к востоку от Дуная, и их воины стали номинально считаться легионерами. Но эти новые легионеры остались под начальством своих вождей. Рим не сумел ассимилировать их.

Константин умер, работая над переустройством своего государства. Границы были скоро опять прорваны, и вестготы дошли почти до Константинополя. Они разбили императора Валента при Адрианополе и основали поселение в современной Болгарии, схожее с поселением вандалов в Паннонии. Номинально они были подданными императора, в действительности же завоевателями. С 379 по 395 гг. правил Феодосий Великий, и во время его царствования империя формально еще не распалась. Войсками Паннонии и Италии командовал вандал Стилихон, войсками Балканского полуострова гот Аларих. Когда, в конце IV века, скончался Фео-

досий, он оставил после себя двух сыновей. Одного из них, Аркадия, в Константинополе поддерживал Аларих, а другого, Гонория, в Италии поддерживал Стилихон. Иначе говоря, Аларих и Стилихон боролись за обладание империей, тогда как императоры были лишь марионетками в их руках. В продолжение этой борьбы Аларих вторгся в Италию и, после непродолжительной осады, взял Рим (410 г.).

В первую половину V века вся европейская часть Римской империи стала добычей разбойничьих, варварских войск. Трудно дать общую картину состояния мира в этот период. Во Франции, Испании, Италии и на Балканском полуострове еще существовали большие города, процветавшие в первые дни империи, а потом обедневшие и частью обезлюдившие и клонившиеся к упадку. Жизнь в этих городах была, вероятно, пустой, мелочной и полной неуверенности. Местные чиновники удерживали свою власть и продолжали работу по мере сил и разума, без сомнения, действуя именем императора, теперь ставшего далеким и недоступным. Церкви продолжали существовать, но священники были по большей части неграмотны. Чтение было мало распространено, зато сильны были суеверия и страх. Однако повсюду, где они только не были уничтожены завоевателями, существовали книги, картины, изваяния и тому подобные произведения искусства.

Жизнь деревни повсюду пришла в упадок. Римский мир во всех своих частях стал более запущенным, чем был раньше.

ше. Война и мор довели некоторые районы до состояния пустыни. Дороги и леса кишели разбойниками. В такие области варвары входили, встречая весьма малое или даже совсем не встречая сопротивления, и ставили там своих начальников, нередко носивших римские официальные звания. Если они были полудивилизованными варварами, они оставляли побежденные области в довольно свободных условиях. Они занимали города, смешивались с населением, вступали с ним в браки и перенимали латинскую речь, хотя и сохраняли известный акцент. Но юты, англ и саксы, покорившие римскую провинцию Британию, занимались земледелием, и города им были не нужны. По-видимому, они совершенно очистили южную Британию от романизованного населения и заменили его язык своим тевтонским наречием, которое, в конце концов, превратилось в английский язык.

Размеры нашей книги не позволяют нам проследить движение различных славянских и германских племен в их переходах по разваливающейся империи в поисках добычи и удобных стоянок. Но возьмем хотя бы, например, вандалов. В истории сии появляются впервые в восточной Германии. Как мы уже говорили, они поселились в Паннонии. Оттуда, приблизительно около 425 г., они двинулись через промежуточные провинции в Испанию. Там они нашли вестготов из южной России и другие германские племена, самостоятельно выбиравшие своих герцогов и королей. Под начальством Гейзериха они отправились на кораблях из Испании в север-

ную Африку (429 г.); покорили Карфаген (439 г.) и построили флот. Они захватили в свои руки власть на море и взяли и разграбили Рим (455 г.), еще плохо оправившийся после разгрома, учиненного Аларихом за полвека до того. После этого вандалы овладели Сицилией, Корсикой, Сардинией и большинством других островов западной части Средиземного моря. Им в сущности удалось создать морскую державу, по размерам близко подходившую к Карфагенской морской державе, существовавшей более чем за 700 лет до этого. Около 477 г. они достигли высшего развития своей власти. Они были кучкой завоевателей, державших в руках всю страну. В следующем веке почти вся эта область была вновь присоединена к Константинопольской империи в результате временного подъема энергии при Юстиниане I.

История вандалов лишь один пример множества подобных явлений. Но теперь в европейском мире появляется новый, наименее родственный по происхождению и наиболее опасный из всех завоевателей, народ желтой расы, деятельный и способный, подобного которому западный мир еще никогда не встречал, – а именно монгольские гунны или татары.

Глава XL. Гунны и конец восточной империи

Появление в Европе победоносных монгольских народов знаменует собою наступление нового периода в истории человечества. Приблизительно от I-го века до начала христианского летоисчисления северные народы не имели близкого соприкосновения с народами монгольскими. В далеких ледяных краях, за пределами северных лесов, монгольский народ – лапландцы – продвинулись на запад вплоть до пределов Лапландии, но народы эти не принимали никакого участия в главном потоке истории. В течение тысячелетий западный мир был полон драматических столкновений арийских, семитических и коренных смуглых народов, в которых весьма малое участие принимали как черные народы с юга (за исключением эфиопского вторжения в Египет и друг.), так и монгольский мир далекого Востока.

Две причины, вероятно, вызвали передвижение на запад кочевых монголов. Первой было укрепление великой Китайской империи, распространение ее на север и увеличение ее населения в цветущий период династии Хань. Другой причиной были некоторые климатические изменения: либо уменьшение дождливости, повлекшее за собой исчезновение болот и лесов, либо же увеличение дождливости, при-

ведшее к увеличению пастбищ среди пустынных степей; либо же, наконец, оба эти процесса, протекавшие одновременно, но в разных местах и так или иначе облегчавшие продвижение на запад. Третьей, дополнительной, причиной были экономические бедствия, внутреннее разложение и уменьшение населения Римской империи. Богачи конца Римской республики и сборщики податей воинственных императоров совершенно истощили ее. Таким образом, здесь действовали натиск с востока, разложение на западе и наличие открытого пути между ними.

Гунны достигли восточных пределов европейской России в I веке по Р. Х., но всадники эти овладели степными пространствами лишь не ранее IV и V веков по Р. Х. V век был веком гуннов. Первыми, пробравшимися в Италию гуннами были наемные шайки, состоявшие на жалованьи у вандала Стилихона, руководителя Гонория. Они вступили во владение опустевшим гнездом вандалов – Паннонией.

Во второй четверти V века среди гуннов появился великий военный вождь Аттила. О могуществе его до нас дошли только неясные сведения. Он управлял не только гуннами, но и многими племенами германцев; царство его простиралось от Рейна, через горы и степи, вплоть до глубин Центральной Азии. С Китаем он обменялся посланниками. Главная ставка его находилась в Венгерской долине, на восток от Дуная. Там посетил его посланец Константинополя, Приск, который и оставил нам описание его державы. Образ жизни

этих монголов был весьма сходен с образом жизни первых арийцев, которых они сменили. Простой народ жил в хижинах и палатках, начальники же помещались в больших деревянных хоромах. Бывали у них пиры, бывали попойки и песни баянов. Вероятно, герои Гомера, равно как и македонские сподвижники Александра Великого, чувствовали бы себя куда более среди своих в главной ставке Аттилы, чем при цивилизованном и вырождающемся дворе Феодосия II, сына Аркадия, царствовавшего в то время в Константинополе.

Одно время казалось, что кочевники под предводительством гуннов и Аттилы сыграют ту же роль по отношению к греко-римской цивилизации, какую в давнее время сыграли греческие варвары по отношению к эгейской цивилизации. Казалось, что история повторяется в более широком масштабе. Однако, гунны оказались куда более привязанными к кочевой жизни, чем первые греки, бывшие скорее скотоводами и земледельцами, чем настоящими кочевниками. Гунны совершали набеги и грабили, но нигде не оседали.

В течение нескольких лет Аттила всячески притеснял Феодосия II. Войска его уничтожали и грабили все вплоть до стен Константинополя. По словам Гиббона, ими было совершенно уничтожено не менее семидесяти городов на Балканском полуострове, и Феодосий должен был откупаться от Аттилы взятками и данью и пытался совершенно избавиться от него, отправив тайных агентов, чтобы умертвить его. В 451 году Аттила обратил внимание на остаток той половины им-

перии, в которой население говорило на латинском языке, и вторгся в Галлию. Почти все города Северной Галлии были сравнены с землей. Франки и вестготы объединились против него с имперскими войсками и нанесли ему поражение в битве при Труа (Troyes), в которой по различным, дошедшим до нас, сведениям пало от 150 000 до 300 000 человек. Поражение это положило предел его продвижению по Галлии, но отнюдь не истощило его громадных военных запасов. В следующем году он явился в Италию и, пройдя через провинцию Венецию, сжег Аквилею и Падую и разрушил Милан.

Некоторые беженцы из этих северных городов Италии, в особенности же из Падуи, переселились на острова, находящиеся среди лагун, образовавшихся в верхней части Адриатического моря, и там положили основание Венеции, которая в будущем и становится одним из важнейших торговых центров Средневековья.

В 453 году, после пира в честь своего бракосочетания с молодой женщиной, Аттила внезапно скончался, по смерти его распалось на части собранное им грабежом и захватами государство. Коренные гунны исчезают со страниц истории, смешиваясь с более многочисленными соседними народностями, говорящими на арийском языке. Однако, великое нашествие гуннов предрешило конец Латино-Римской империи. По смерти Аттилы, в течение двадцати лет Римом правили десять различных императоров, ставленники вандалов и других наемных войск. В 455 году вандалы из Карфаге-

на заняли и разграбили Рим. Наконец, в 476 году начальник варварских войск Одоакр сместил считавшегося тогда императором уроженца Паннонии, называвшегося ложным именем Ромула-Августула, и сообщил константинопольскому двору, что на западе нет больше императора. Так бесславно окончилась Латино-Римская империя. В 493 году гот Теодорих стал царем Рима.

Повсюду, как в Западной, так и в Центральной Европе, правили варварские вожди, именуясь королями, князьями и т. п. Все они в действительности были вполне независимыми, но в большинстве случаев сохраняли, хотя и весьма призрачную, верность императору. Таких в действительности независимых разбойничьих вождей были сотни, если не тысячи! В Галлии, Испании, Италии и в Дакии все еще продолжала преобладать латинская речь, в искаженном местным говором виде. Но в Британии и на восток от Рейна языки германской группы (в Богемии же, например, славянский язык – чешский) были во всеобщем употреблении. Высшее духовенство и небольшой остаток других образованных людей читали и писали по-латыни. Повсюду жизнь была небезопасна, и собственность удерживалась лишь в сильных руках. Число замков росло, а дороги подвергались разрушению. Начало VI века было годами разделения и умственного мрака в западном мире. Не будь монахов и христианских миссионеров, латинское знание погибло бы навсегда.

Чем же объясняется возвышение Римской империи и по-

чему она пришла к окончательному упадку? Возвысилась она, во-первых, потому, что ее объединяла идея общности. В период роста республики и даже в первый период империи оставалось еще большое число лиц, сознающих свое римское гражданство, чувствующих права и обязанности, налагаемые на них этим званием, знакомых с правами, предоставляемыми им римским законом, и готовых на жертвы во имя Рима. Обаяние Рима, как чего-то великого, справедливого и стоящего на страже закона, распространялось далеко за его пределы. Но уже во время Пунических войн чувство гражданственности подтачивалось развитием богатства и рабством.

Римская империя, в конце концов, была весьма примитивной организацией. Она не воспитывала, она не передавала своей идеи возрастающему числу своих граждан, не привлекала их к участию в своих решениях. Не было сети школ, устанавливающих общую согласованность, не было организовано распространения сведений для развития коллективной деятельности. Авантюристы, ведшие со дней Мария и Суллы борьбу за власть, не имели никакого понятия о создании общественного мнения и привлечении общественного внимания к делам империи. Дух гражданственности испарился, и никто не мог сохранить его. Все империи, все государства, все организации человеческого общества являются, главным образом, продуктами ума и воли. В мире не нашлось больше воли для спасения Римской империи, и она

погибла.

Однако, хотя в V веке и погибла латинская половина Римской империи, но в то же время в ней зародилось нечто другое, широко воспользовавшееся ее обаянием и традициями, а именно – та часть католической церкви, в которой господствующим языком был латинский. Церковь эта продолжала жить, несмотря на гибель империи, ибо она обращалась к уму и воле людей, имела книги и располагала значительным числом учителей и миссионеров, объединявших ее, – а это было сильнее закона и всяких легионов. В течение IV и V веков по Р. Х., пока разрушалась империя, христианство все время распространялось, став господствующей религией в Европе. Оно победило своих завоевателей – варваров. Когда Аттила проявил намерение идти походом на Рим, римский патриарх воспрепятствовал ему и достиг того, чего не могли сделать никакие войска, одною лишь нравственною силою заставив его повернуть вспять.

Патриарх или папа римский стал утверждать, что он глава всей христианской церкви. Так как императоров больше не было, то он стал приписывать себе титулы и права императоров. Он принял звание «понтифекс максимус», звание верховного первосвященника римских владений. Это был самый древний титул римских императоров.

Глава XLI. Византийская империя и империя Сасанидов

Восточная греческая половина Римской империи выказала гораздо более политической твердости, чем западная часть. Она пережила все несчастья V века по Р. Х. века, бывшего свидетелем окончательного падения первоначального латино-римского могущества. Атила притеснял императора Феодосия II, грабил и разрушал все почти до самых стен Константинополя, но самый город оставался нетронутым. Нубийцы, спустившись по Нилу, опустошили Верхний Египет, но Нижний Египет и Александрия продолжали более или менее процветать. Большая часть Малой Азии отбивалась от персов-сасанидов.

VI век, бывший для запада веком полного мрака, был в то же время свидетелем значительного возрождения греческого могущества. Юстиниан I (527–565 гг.) освободил северную Африку от вандалов и большую часть Италии – от готов. Он даже возвратил себе юг Испании. Энергия его не ограничивалась военными и морскими предприятиями. Он положил основание университету, воздвиг в Константинополе храм св. Софии и издал кодекс римских законов. Однако, желая уничтожить соперников основанного им университета, он закрыл философские школы в Афинах, школы, бес-

прерывно существовавшие со времен Платона почти тысячу лет.

Начиная с III столетия, Персидское царство становится постоянным соперником Византии. Оба эти царства постоянно тревожили и грабили Малую Азию, Сирию и Египет. В I же веке по Р. Х. страны эти находились еще на высоком уровне культуры и отличались благосостоянием и многочисленным населением, но постоянное передвижение войск, избиения, грабежи и военные налоги постепенно истощали их, оставив в конце концов ряд ослабленных и разграбленных городов среди разбросанных деревень. Быть может, среди этих печальных явлений обнищания и беспорядка Нижний Египет страдал менее, нежели другие страны. Александрия, подобно Константинополю, продолжала вести все сокращающуюся торговлю между Востоком и Западом.

Казалось, что в обеих этих воинствующих разлагающихся державах совершенно умерли наука и философия. Пока еще существовали последние афинские философы, они сохраняли памятники великой литературы с благоговением и со стремлением к пониманию их. Но после них не осталось такого класса людей, не было таких самостоятельных личностей, которые могли бы поддерживать свободные традиции этой литературы. Общественный и политический хаос того времени лишь отчасти является причиной того, что мышление человеческое в те дни было бесплодным и лихорадочным. Как в Персии, так и в Византии время это было эпохой

нетерпимости. Оба эти царства были религиозными державами, но в новом смысле этого слова, в смысле стеснения свободной деятельности разума человеческого.

Несомненно, что древнейшие царства в мире были царствами религиозными, основанными на почитании божества или царя-бога. К Александру относились как к божеству, равно и Цезари были богами постольку, поскольку им посвящались алтари и храмы, и жертвенные фимиамы им рассматривались, как признак верности Римскому государству. Однако, древние религии эти были главным образом религиями внешнего богопочитания. Разума они не касались. Если только человек приносил жертву и поклонялся при этом богу, то этого было достаточно, и в дальнейшем ему разрешалось не только думать, но и говорить об этом все, что ему будет угодно. Но новые появившиеся религии, особенно христианская, были значительно глубже. Новые религии эти требовали не только простого формального, но и сознательного признания. Разумеется, возникли жестокие пререкания о точном значении религиозных предметов верования. Новые религии были религиями догматическими. Мир встретился с новым словом: «правоверность», встретился с твердым намерением придерживаться не только в поступках, но и в речах и тайных помыслах пределов данного учения. Исповедание ложного убеждения, тем более привлечение к нему других людей, рассматривалось уже не как недостаток мышления, а как нравственный порок, могущий обречь душу на

вечную погибель. Как Ардашир I, положивший в III веке по Р. Х. начало династии Сассанидов, так и Константин Великий, восстановивший Римскую империю в IV веке, обратились за помощью к религиозным организациям, так как в этих организациях видели они новое средство для использования человеческой воли и управления ею. Уже к концу IV столетия обе державы преследовали как вольные речи, так и религиозные новшества. В Персии Ардашир I разыскал древнюю персидскую религию Зороастра (Заратустры) с ее жрецами, храмами и священным огнем, горящим на алтарях, и приспособил ее как государственную религию. В конце III столетия религия Зороастра преследовала христианство, а в 277 году Мани, основатель новой религии манихейства, был распят, и с тела его была содрана кожа. С своей стороны Константин был занят преследованием христианских ересей. В свою очередь идеи христианства затемнили чистоту учения Зороастра. Все учения становились подозрительными. Этим религиозным поветрием наука, требующая прежде всего свободы разума, была повергнута в состояние полного упадка.

Жизнь Византии того времени слагалась из войн, ожесточенных религиозных споров и пороков, без которых не может обойтись человечество. Жизнь эта была красочна, романтична, но нелегка и мрачна. Когда Византия и Персия не оборонялись на севере от варваров, те разоряли Малую Азию и Сирию длительными и опустошительными набега-

ми. Даже в тесном союзе обеим империям было бы затруднительно дать отпор варварам и восстановить свое благосостояние. Турки или татары появляются на историческом горизонте сначала в качестве союзников то той, то другой державы. Двумя воинственными соперниками VI века были Юстиниан и Хосров I. В VII веке император Ираклий был противником Хосрова II (580 г.).

Вначале, до того, как Ираклий стал императором (610 г.), Хосров II сделал обширные завоевания. Им были взяты Антиохия, Дамаск и Иерусалим, и войска его достигли Халкедона, находящегося в Малой Азии и лежащего напротив Константинополя. В 619 году он завоевал Египет. Затем Ираклий заставил его повернуть обратно, разбив персидское войско при Ниневии (627 г.), несмотря на то, что в то время персидские полки находились еще в Халкедоне. В 628 году Хосров II был свергнут с престола и умерщвлен сыном своим Кавадом, и между обоими истощенными государствами был заключен мир, который, впрочем, ничего не разрешил. Это была последняя война Византии и Персии. Никому почти и не снилась еще та гроза, которая в это время уже собиралась в пустыне, гроза, которая должна была положить конец вековой бесцельной борьбе.

В то время, как Ираклий восстанавливал порядок в Сирии, к нему пришло послание, доставленное на императорский аванпост в Бостре, к югу от Дамаска; письмо было написано на арабском языке, мало известном семитическом на-

речии пустыни. Если письмо это вообще достигло императора, то прочитано оно ему было при помощи переводчика. Письмо было от того, кто называл себя Магометом – пророком бога. Письмо призывало императора признать единого истинного бога и служить ему. История не говорит нам о том, что сказал по этому поводу император.

Подобное же послание получил и Кавад в Ктесифоне. Он разгневался, разорвал письмо и прогнал посланца.

Этот Магомет был бедуинским вождем, ставка которого находилась в жалком маленьком городе в пустыне – Медине. Он проповедовал новую религию, веру в единого истинного бога.

Получив ответ, он воскликнул: «Таким же образом, господи», сказал он, «раздери ты царство Кавада».

Глава XLII. Китайские династии Суй и Тан

В течение V, VI, VII и VIII столетий происходили постоянные передвижения монгольских народов на запад. Гунны Аттилы были лишь предвестниками этого продвижения, приведшего к закреплению этих народов в Финляндии, Эстонии и Венгрии, где их потомки, говорящие на языках, родственных тюркскому, живут и поныне. Болгары также являются тюркским народом, но они переняли арийский язык. Монголы играли ту же роль по отношению к арийским цивилизациям Европы, Персии и Индии, какую за много веков до того сыграли арийцы по отношению к эгейской и семитической цивилизациям.

В Центральной Азии тюркские народы обосновались в местности, ныне называемой Западным Туркестаном. Персия уже имела у себя на службе много тюрков в качестве чиновников и наемных воинов. Парфяне исчезли со страниц истории, растворившись в общей массе населения Персии. В истории Центральной Азии исчезают арийские кочевые племена, будучи заменены монгольскими народами. От Китая до Каспия владыками Азии становятся тюрки.

Та же великая чума, которая стала причиной разрушения Рима во II веке по Р. Х., в Китае свергла династию Хан. Вслед

за этим настал период разделения и гуннских завоеваний, из которого Китай вышел обновленным и совершил это обновление скорее и в более полной мере, чем Европа. Еще ранее конца VI века мы видим Китай вновь объединенным под управлением династии Су, которая во времена царства Ираклия уступает место династии Тан. Правление последней было временем нового великого благоденствия Китая.

В течение VII, VIII и IX веков Китай являлся наиболее прочным и цивилизованным государством в мире. Династия Хан расширила северные границы его. Теперь же династии Суи и Тан распространили его цивилизацию на юг, и Китай начал принимать те размеры, какие он имеет ныне. В Центральной Азии он рос и далее, распространяясь среди данников тюркских племен, вплоть до пределов Персии и Каспийского моря.

Вновь возродившийся Китай во многом отличался от старого Китая, времен династии Хан. Появилось новое, более живое литературное течение, началось великое возрождение поэзии. Буддизм обновил философскую и религиозную мысль. Большие успехи были достигнуты в области художественной работы, технического искусства и всех жизненных удобств. Впервые вошел в употребление чай, началось производство бумаги, и положено было начало печатанию при помощи досок. Несомненно, что в течение тех столетий, во времена которых расслабленные народы Европы и Малой Азии жили в лачугах, в окруженных стенами небольших го-

родах и мрачных разбойничьих крепостях, в Китае миллионы людей вели спокойную, упорядоченную и миролюбивую жизнь. В то время, как разум западных народов был затемнен богословскими суевериями, разум жителей Китая оставался свободным, терпимым и пытливым.

Одним из первых монархов династии Тан был Тай-цзун, начавший правление в 627 году, в год победы Ираклия при Ниневии. Им было принято посольство Ираклия, вероятно, искавшего союзника в тылу Персии. Из самой Персии к нему явились христианские миссионеры (635 г.). Им было позволено объяснить свою веру Тай-цзуну, и он просмотрел китайский перевод их писания. Он объявил это чуждое учение приемлемым и дал разрешение на основание Церкви и монастыря.

К этому же монарху пришли (в 628 г.) посланцы от Магомета. Приехали они в Кантон на торговом корабле, совершив плавание из Аравии вдоль берегов Индостана. В противоположность Ираклию и Каваду, Тай-цзун милостиво выслушал посланцев. Он выразил интерес к их богословским идеям и оказал им помощь в постройке мечети в Кантоне. Говорят, что мечеть эта стоит до сего дня и является самой древней мечетью в мире.

Глава XLIII. Магомет и ислам

Историк, обладающий даром предвидения, рассматривая мир в начале VII столетия, имел бы некоторые основания полагать, что подчинение всей Европы и Азии монгольскому владычеству было вопросом всего нескольких столетий. В Западной Европе не было никаких признаков порядка и солидарности. Византийское же и персидское царства явно приблизились к взаимному уничтожению. Индия также была разделена и разграблена. С другой стороны, Китай постепенно расширялся, превосходя к тому времени населением всю Европу, а тюркские народы, обогатившиеся к тому времени новыми силами в Центральной Азии, склонны были действовать в согласии с Китаем. Такое предвидение не было бы совершенно неосновательным. В XIII веке действительно наступили такие времена, когда монгольское иго царило от Дуная до Тихого океана и тюркские династии призваны были управлять всем: византийским и персидским царством, Египтом и большею частью Индии.

Весьма, однако, вероятно, что наш предсказатель ошибся бы, недооценив восстанавливающей силы латинской части Европы и не приняв во внимание таящихся сил Аравийской пустыни. Аравия могла бы показаться такою, какою она была с незапамятных времен, т. е. приютом небольших враждующих кочевых племен.

Уже больше тысячи лет ни один семитический народ не основывал своего царства.

И вот неожиданно блеснул краткий век величия бедуинов. Они распространили свое владычество и свой язык от Испании до границ Китая. Они дали миру новую культуру. Они создали религию, являющуюся и по сие время одной из самых действительных сил в мире.

Человек, воспламенивший арабов – Магомет, впервые выступает на арену истории в качестве юного супруга вдовы богатого купца города Мекки. До сорокалетнего возраста он мало что делал для того, чтобы выдвинуться среди других. По-видимому, он весьма интересовался религиозными вопросами. В то время Мекка была языческим городом, в котором поклонялись особенному черному камню «Каабе», и пользовалась большой известностью во всей Аравии, являясь центром паломничества. Однако, в стране было значительное количество евреев. Вся южная часть Аравии исповедовала еврейскую веру, в Сирии же были и христианские церкви.

Достигнув сорока лет, Магомет стал выделяться как пророк, подобно еврейским пророкам, жившим за 1200 лет до него. Сначала он рассказал своей жене об едином истинном боге и о награде за добродетели и каре за пороки. Не может быть сомнения, что он находился под сильным влиянием еврейских и христианских идей. Он собрал вокруг себя небольшой кружок уверовавших и неожиданно начал пропо-

ведовать в городах против господствующего идолопоклонства. Проповедь эта сделала его весьма непопулярным среди сограждан, ибо паломничество к камню «Каабе» было главным источником дохода и благосостояния Мекки. Магомет начал высказываться смелее и определеннее. Он заявил, что он последний избранный пророк божий, которому бог поручил усовершенствовать веру. Он объявил, что Авраам и Иисус Христос были его предшественниками. Сам же он был избран, чтобы дополнить и усовершенствовать откровение воли Божией. Он составлял стихи, говоря, что они были переданы ему ангелом, и имел странные видения, в которых как бы возносился к богу и получал от него заветы для своего учения.

По мере того, как росла сила его учения, увеличивалась также ненависть его сограждан. Наконец, был задуман заговор с целью его умерщвления, но Магомету с его верным другом и учеником Абу Бакром удалось бежать в дружественный город Медину, принявшую его учение. Вражда продолжалась между Меккой и Мединой и закончилась, наконец, договором. Мекка обязалась принять веру в единого истинного бога и признать Магомета его пророком. Однако, последователи новой веры должны были по-прежнему совершать паломничества в Мекку совершенно так же, как они делали это, будучи язычниками. Таким образом, Магомет привел Мекку к единому истинному богу, не нарушая стечения паломников в город. В 629 г. Магомет возвратился

в Мекку властителем ее, а через год он отправил своих упомянутых выше посланцев к Ираклию, Тай-цзуну, Каваду и всем правителям Земли.

В течение следующих четырех лет, вплоть до смерти своей в 632 г., Магомет распространял свое влияние в остальной Аравии. Он уже в преклонном возрасте вступил в брак со многими женами, и, вообще, жизнь его не удовлетворяла нашим современным требованиям. Очевидно, он был человеком, обладавшим значительной долей тщеславия, жадности, хитрости и самообмана, сочетавшихся с вполне искренним религиозным экстазом. Им была продиктована книга правил и наставлений – Коран, который, как заявил он сам, был сообщен ему богом. Как в философском, так и в литературном отношении Коран, конечно, не достоин божественного авторства, на которое он претендует.

Несмотря на отрицательные черты жизни Магомета и его писания, следует признать, что в переданной им арабам вере – исламе – есть много силы и вдохновения. Здесь, во-первых, важны его стойкое единобожие, простая горячая вера в бога, как во владыку и отца, и свобода его от богословских пут; во-вторых, его полная независимость от влияния храма, жрецов и жертвоприношений. Ислам – религия всецело пророческая, исключаяющая всякую возможность возвращения к кровавым жертвоприношениям. Ограниченно-обрядовое значение паломничества в Мекку в Коране описано так ясно, что не может уже возбуждать никаких споров, и Маго-

мет принял все меры предосторожности для предотвращения своего обожествления после смерти. Третий элемент могущества заключался в проповеди идеи полного равенства и братства перед богом всех верующих, вне зависимости от их цвета кожи, происхождения и положения. Это и сделало ислам великой силой в судьбе человека. Было уже сказано, что действительным создателем державы ислама был не столько Магомет, сколько его друг и помощник Абу Бекр. Если Магомета с его изменчивым характером можно сравнить с воображением первоначального ислама, то Абу Бекр является его совестью и волей. Когда Магомет колебался, Абу Бекр поддерживал его; по смерти же Магомета Абу Бекр стал калифом (преемником) и с тою верою, которая может двигать горами, приступил с помощью небольших армий, по три, по четыре тысячи человек, арабов к покорению всего мира Аллаху.

Глава XLIV. Эпоха величия арабов

За этими событиями следует наиболее изумительная повесть завоеваний в истории нашей расы. В битве при Ярмуке (приток Иордана) в 634 г. была разгромлена византийская армия, и император Ираклий, энергия которого была подорвана водянкой, а запасы истощены персидской войной, должен был быть свидетелем того, как недавние приобретения в Сирии, Дамаск, Пальмира, Антиохия, Иерусалим и остальные – почти без сопротивления переходили к мусульманам. Значительное число населения перешло в ислам. Тогда мусульмане обратились на восток. Персы, имевшие в лице Рустама способного полководца и располагавшие большим войском с боевыми слонами, в течение трех дней в битве при Кадисии (637 г.) сопротивлялись арабам, но, наконец, были последними на голову разбиты.

Последовало завоевание всей Персии, и мусульманская держава распространилась вглубь восточного Туркестана и дальше на восток, пока не столкнулась с Китаем. Египет почти без сопротивления перешел к новым завоевателям, которые, будучи фанатически убеждены в том, что Коран все исчерпывает, уничтожили все книжные богатства Александрийской библиотеки. Поток завоеваний разлился далее вдоль берега северной Африки, вплоть до Гибралтарского пролива и Испании. Вторжение в Испанию произошло в

710 г. Пиренеи были заняты в 720 г. В 732 г. передовые силы арабов достигли середины Франции, но здесь были окончательно остановлены в битве при Пуатье и отброшены назад к самым Пиренеям. Завоевание Египта доставило мусульманам флот, и одно время взятие Константинополя казалось весьма вероятным. Между 672 и 718 гг. ими производились на Константинополь многократные атаки с моря, но великий город выдерживал и отражал нападения. Арабы имели мало государственных знаний и не имели политического опыта, так что великое царство их, простиравшееся от Испании до Китая со своей столицей в Дамаске, было обречено на быстрое исчезновение. С самого начала религиозные отличия препятствовали его объединению. Однако наше внимание должно быть обращено не на историю политического оскудения этого царства, а на влияние, оказанное им на разум человеческий и на общую судьбу нашей расы. Распространение арабской культуры произошло еще быстрее и оживленнее, чем за тысячу лет до этого произошло распространение греческой культуры. Во всем мире к западу от Китая умственный подъем, исчезновение старых понятий и развитие новых были очень велики. В Персии молодому взволнованному арабскому уму пришлось столкнуться не только с учениями манихеев, Зороастра и христианства, но и с греческой научной литературой, сохраненной не только в греческих подлинниках, но и в сирийских переводах. Также и в Египте арабы столкнулись с греческой наукой. Повсеместно,

в особенности в Испании, сталкивались они с остатками еврейского мирозерцания и мышления. В центральной Азии они нашли буддизм и материальные достижения китайской цивилизации. От китайцев научились производить бумагу, что дало им возможность иметь печатные книги. Наконец, пришли они также в соприкосновение с философией Индии и с ее математической наукой.

Нетерпимость и самодовольство первого периода существования религии, заставлявшее рассматривать Коран как единственную допустимую книгу, скоро были отброшены. Наука возникала везде, где появлялись арабские завоеватели. В VIII веке во всем арабизированном мире существовала целая система образования. В IX веке ученые школы в Кордове, в Испании, переписывались с учеными в Каире, Багдаде, Бухаре и Самарканде. Еврейское мышление легко сочеталось с арабским, и одно время обе семитические народности действовали вместе, через посредство арабского языка. В течение долгого времени после политического падения и ослабления арабов сохранилось еще это умственное единение арабского мира. Даже в XIII столетии мы видим значительные результаты этого единения.

Таким образом, во время удивительного возрождения семитического мира стали продолжаться систематическое накопление и критика фактов, начатая когда-то греками. Семена, посеянные Аристотелем и Александрийским Музеем, остававшиеся так долго бездейственными и заброшенными,

дали ростки, стали развиваться и приносить плоды. Наука далеко шагнула вперед в области математики, медицины и физики. Неудобные римские цифры были заменены арабскими, употребляемыми нами и по сие время; впервые вошел в употребление ноль. Самое имя алгебра – арабское. Также и слово химия. Названия некоторых звезд, как, например, Алголь, Альдебаран и Боят, сохраняют следы завоеваний, совершенных арабами на небесах. Философия их была предназначена к тому, чтобы вновь оживить средневековую философию Франции, Италии и всего христианского мира.

Арабов, занимавшихся опытной химией, называли алхимиками; по духу они были настолько варварами, что по возможности хранили втайне как методы, так и результаты своих работ. Они с самого начала отдавали себе отчет в том, какие огромные преимущества они могли получить от открытий, над которыми трудились, и какие обширные последствия это могло иметь для судеб человечества. Они изобрели множество чрезвычайно ценных приспособлений в области металлургии и техники: сплавы и краски, дистилляцию, растворы и эссенции, оптические стекла; но по существу они стремились к двум главным достижениям – и эти-то оказались для них недоступными. Одно из них было «философский камень» – средство превращения одного металлического элемента в другой и получения искусственного золота; другое было «жизненный эликсир», возбуждающее средство для омоложения и беспредельного продления жизни.

Сложные и терпеливые экспериментальные методы, применявшиеся арабами-алхимиками, распространились по всему христианскому миру. Число интересующихся исследованиями стало все увеличиваться. Мало-помалу деятельность этих алхимиков стала менее замкнутой, в ней стали применяться методы сотрудничества. Они нашли более выгодным обмениваться мыслями и сравнивать их между собой. Путем незаметного перехода последние алхимики стали первыми философами, придерживавшимися экспериментального метода.

В поисках за «философским камнем», который должен был превратить неблагородные металлы в золото, и за «эликсиром бессмертия» алхимики нашли методы современной опытной науки, обещающие в будущем человеку неограниченную власть над миром и над своей собственной судьбой.

Глава XLV. Развитие латинского христианства

Любопытно отметить, насколько была ограничена часть мира, оставшаяся в VII и VIII столетиях под влиянием арийцев. За тысячу лет до того племена арийских наречий были победителями во всем цивилизованном мире к западу от Китая. Ныне же монголы проникли вплоть до пределов Венгрии; в Азии под владычеством арийцев находились одни только владения Византии в Малой Азии; потеряна была вся Африка и почти вся Испания. Великий эллинский мир сократился до небольшого пространства вокруг ядра – торгового города Константинополя, а память о римском мире хранилась в латыни христианских священников Запада. Как яркий контраст этому регрессу, семитические традиции вновь возродились из-под ига сумрачного рабства после тысячелетней тьмы.

Однако, жизненные силы северных народов далеко не были исчерпаны. Отброшенные и сосредоточенные в средней и северо-западной Европе, в чрезвычайном смятении всех общественных и политических понятий, они тем не менее стойко и постепенно возводили новый общественный строй и бессознательно готовились к тому, чтобы вновь обрести власть еще более обширную, нежели та, которую они имели

ранее.

Мы уже указывали, что к началу VI столетия в Западной Европе не оставалось ни одного центрального государства. Мир этот был разделен между значительным количеством местных правителей, защищавших свои позиции всеми доступными им средствами. Такого рода положение вещей было слишком непрочным, чтобы долго длиться; на почве этой неурядицы выросла система сотрудничества и ассоциаций, а именно – система феодальная, оставившая свой след в европейской жизни вплоть до настоящего времени. Феодальная система была своего рода кристаллизацией общества вокруг данного центра власти. Отдельный человек всюду чувствовал себя в опасности и готов был поступиться некоторой частью своей свободы, лишь бы пользоваться поддержкой и защитой со стороны более сильного человека, которого он избирал своим господином и покровителем; он платил ему налоги и нес военную службу, в обмен на это его утверждали во владении тем, что ему принадлежало. Господин его, со своей стороны, искал охраны себе в вассальных отношениях к еще более сильному властителю. Города также находили для себя удобным подпадать под феодальную защиту, монастыри и церковные имения также были связаны подобного рода узами. Несомненно, что во многих случаях покорности требовали ранее, нежели ее предлагали; система развивалась по направлению сверху вниз так же, как и по направлению снизу вверх. Таким образом, образовалась система пирамидаль-

ная, носившая в различных местах весьма различный характер, допускавшая на первых порах проявление значительной доли насилия и междоусобиц, но постепенно стремившаяся к порядку и новому царству законности. Пирамиды росли до тех пор, пока некоторые из них не стали проявлять признаков организованной королевской власти. Уже в первой половине VI века на пространстве нынешних Франции и Нидерландов существовало королевство франков, основанное Хлодвигом, и вскоре после него возникли царства вестготов, лангобардов и готов.

Когда в 720 году мусульмане перешли Пиренеи, они застали королевство франков под фактической властью Карла Мартелла, правителя дворца при вырождающемся потомке Хлодвига; он же нанес им решительное поражение при Пуатье (732 г.). В сущности, этот Карл Мартелл был верховным властителем Европы к северу от Альп, от Пиренеев до Венгрии. Он властвовал над бесчисленным множеством подчиненных ему властителей, говоривших на франко-латинских и верхне- и нижне-германских наречиях. Сын его Пипин сместил последних потомков Хлодвига и возложил на себя королевское достоинство и звание. Внук его Карл Великий, вступивший в 768 году на царство, оказался властелином столь обширного государства, что уже мог подумать о восстановлении титула Римского императора. Он покориł Северную Италию и овладел Римом.

При нашем подходе к истории Европы с более широ-

кой точки зрения – истории всемирной, нам яснее видно, нежели историку, описывающему судьбы отдельного народа, насколько пагубной и связывающей была традиция латинской Римской империи. Настойчивой и упорной борьбе за это призрачное превосходство предстояло поглощать силы Европы в продолжение целого тысячелетия. В течение всего этого периода можно проследить непрерывную борьбу различных стремлений, которая проходит через всю умственную жизнь Европы словно наваждение помраченного рассудка. Одним из таких стремлений было заветное желание удачливых правителей, примером которых является Карл Великий. Находившееся под властью Карла Великого государство состояло из целого ряда германских феодальных владений, стоявших на разных ступенях варварства. К западу от Рейна большинство этих германских народностей научились говорить на различных латинизированных наречиях, впоследствии объединившихся и образовавших французский язык. К востоку от Рейна германские народности, происходившие от одной и той же расы, не утратили своего германского языка. Вследствие этого сношения между обеими группами варваров-завоевателей были затруднены, и легко наступил раскол. Раскол этот был облегчен еще тем, что, согласно франкскому обычаю, показалось естественным после смерти Карла Великого разделить его владения между его сыновьями. Таким образом, со времен Карла Великого история Европы представляется, во-первых, историей семьи

этого монарха, а во-вторых, борьбой за постоянно ускользающую власть между королями, князьями, герцогами, епископами и городами в Европе, между тем как непрестанно растущий антагонизм между говорившими по-французски и по-немецки элементами населения развивался на фоне общей свалки. При восшествии на престол нового императора каждый раз происходила формальная церемония выборов, и делом чести для каждого из них была борьба за овладение отжившей свой век и потерявшей свое значение столицей Римом, чтобы там короноваться.

Другим фактором, прибавлявшим немало беспорядка к европейской политической смуте, было твердое решение римской церкви признать на деле императором не кого-либо из светских владык, а лишь одного римского папу. Он был уже первосвященником; на деле он владел умирающим городом. Не имея войск, он располагал обширной организацией для пропаганды в лице священников, рассеянных по всему латинскому миру. Не имея у людей большой власти над телесной стороной жизни, он владел – в их воображении – ключами от неба и от ада и оказывал огромное влияние на их души. Таким образом, в течение всех средних веков, пока один феодал боролся с другим сначала за равенство, затем за превосходство и, наконец, за высшую меру власти, папа римский подчас смело, подчас ловко, а подчас и слабо – ибо на папском престоле сменяли друг друга люди пожилые, не засиживавшиеся на нем в среднем свыше двух лет, действо-

вал в целях подчинения всех князей себе, как верховному владыке христианского мира.

Однако факторы европейской смуты отнюдь не исчерпываются соперничеством князей с князьями и императоров с папами. В Константинополе все еще был император, говоривший по-гречески и требовавший подчинения от всей Европы. Когда Карл Великий попытался вновь оживить империю, ему удалось восстановить лишь латинскую часть ее. Вполне естественно, что в весьма непродолжительном времени развилось чувство соперничества между латинской и греческой империями. И еще естественнее развилось соперничество между частью христианского мира, говорившей по-гречески, и более новой частью его, языком которой являлась латынь. Папа римский предъявлял притязания на то, чтобы почитаться наследником святого Петра, первого из Христовых апостолов, и быть главою всего христианского мира. Ни император, ни патриарх, проживавший в Константинополе, не расположены были признавать это требование. Спор по поводу тонкостей толкования учения о святой троице повел к тому, что долгие разногласия закончились решительным расколом в 1054 году. С этого момента римская и греческая церковь резко разделились и встали между собою в открытую борьбу, продолжающуюся до настоящего времени. К оценке конфликтов, раздиравших в продолжение средних веков христианский мир, необходимо прибавить и момент этого соперничества.

На христианский мир, разделенный таким образом, с трех сторон посыпались удары его противников. У Балтийского и Северного морей жили скандинавские племена, лишь весьма медленно и неохотно принявшие христианство; то были норманны. Они преимущественно занимались пиратством на море и совершали набеги по берегам Европы вплоть до Испании. По русским рекам они поднялись до пустынных равнин центра страны и волоком переволокли свои ладьи до рек, текущих по направлению к югу. Таким образом они выплыли, оставаясь пиратами, в Каспийское и Черное моря. В России они основали княжества; они были первые, которых стали называть русскими. Эти русские норманны – варяги – едва не овладели Константинополем. В начале IX века Англия была христианизированной Нижне-Германской страной, подчиненной владычеству короля Эгберта, ученика Карла Великого, пользовавшегося его покровительством. При его преемнике Альфреде Великом норманны завладели половиной королевства (886 г.) и в конце концов при Кнуде (1016 г.) стали хозяевами всей страны. Под водительством Рольфа (912 г.) другой отряд норманнов завоевал север Франции, нынешнюю Нормандию.

Кнуд властвовал не над одной только Англией, но также и над Норвегией и Данией, но после его смерти царство его распалось, благодаря распространенной среди варварских народов неразумной тенденции к разделению владений между сыновьями правителя. Относительно того, что бы произо-

шло, если бы временное объединение норманнов продолжалось долее, можно строить любопытные предположения. То было племя поразительной смелости и энергии. На своих ладьях они доплывали вплоть до Исландии и Гренландии. Они были первыми европейцами, высадившимися на американском материке. Позднее норманны отняли Сицилию у сарацин и разгромили Рим.

К востоку от германцев и латинизированных европейцев жила пестрая смесь славянских и тюркских племен. Среди них выдающуюся роль играли мадьяры, или венгры, неуклонно подвигавшиеся к западу в течение VIII и IX столетий. На некоторое время Карлу Великому удалось задержать их натиск, но после его смерти они обосновались в нынешней Венгрии, и по образцу родственников им по крови предшественников их, гуннов, они каждое лето совершали набеги на части Европы, где царила уже правильная, оседлая жизнь. В 938 году они прорвались сквозь Германию во Францию, перешли Альпы и Через Северную Италию воротились к себе домой, грабя, разрушая и сжигая все на своем пути.

Наконец, с юга на остатки Римской империи производили нападение сарацины. Они в значительной мере сделались властителями морей; их единственными серьезными противниками на воде были норманны, варяги, выплывавшие из Черного моря, и западные норманны, проникавшие со стороны Атлантического океана. Карл Великий, а за ним целый ряд других честолюбцев, стесненные со всех сторон этими

задорными и сильными племенами, окруженные силами, которых они не понимали, и опасностями, которых оценить не могли, преследовали мечту о восстановлении западной империи под названием Священной Римской империи. Со времени Карла Великого идея эта являлась сущим наваждением в политической жизни Западной Европы, между тем как на востоке греческая половина Римской империи постепенно разрушалась и сходилась на нет, пока от нее не осталось ничего, кроме глубоко развращенного торгового города Константинополя и прилегающей к нему незначительной территории. В политическом смысле континентальная Европа оставалась во власти традиций и не проявляла творческого духа в течение целого тысячелетия, истекшего со времени Карла Великого.

Имя Карла Великого сияет ярким светом в истории Европы, однако личность его выяснена весьма мало. Он не знал грамоты, но питал великое уважение к просвещению; он любил, чтобы ему читали вслух, пока он сидел за столом, и имел слабость к богословским спорам. А когда он зимовал в Ахене или в Майнце, он собирал вокруг себя целый ряд ученых и многому научился, прислушиваясь к их разговорам. Можно сомневаться в том, пришла ли ему в голову мысль стать кесарем, преемником Ромула Августула до того, как он завоевал Северную Италию, или же идея эта была внушена ему папой Львом III, который стремился к тому, чтобы римская церковь стала независимой от Константинополя.

В Риме между папой и будущим императором велась сложнейшая политика, направленная к тому, чтобы подчеркнуть или, наоборот, затушевать то обстоятельство, будто папа даровал Карлу императорскую корону. Папе удалось неожиданно короновать в соборе святого Петра в день Рождества 800 года своего гостя и победителя. Он взял в руки корону, возложил ее на голову Карла Великого и приветствовал его званьями кесаря и Августа. В народе поднялось ликование. Карл Великий нисколько не был доволен способом коронации, ему казалось, что он понес своего рода поражение; своему сыну он оставил подробнейшее наставление, как не допустить, чтобы папа короновал его на царство: он рекомендовал ему схватить корону в свои руки и самому возложить ее себе на голову. Таким образом, мы видим, что в самом начале восстановления империи начался вековой спор за первенство между папами и императорами. Однако Людовик Благочестивый, сын Карла Великого, не последовал наставлениям отца и всецело покорился папской власти.

Империя Карла Великого, после смерти Людовика Благочестивого, распалась окончательно, и пропасть между франками, говорившими по-французски, и франками, говорившими по-немецки, стала расширяться. Следующим по времени императором оказался Оттон, сын некоего Генриха Птицелова, саксонца, избранного королем Германии в 919 году на собрании немецких князей и епископов. Оттон совершил нашествие на Рим и короновался там императором

в 962 году. Эта саксонская линия угасла в начале XI века и уступила место другим правителям германского происхождения. Западные князья и феодалы, говорившие на различных французских наречиях, не попадали более под власть этих императоров германского происхождения с тех пор, как прекратилась линия каролингов, т. е. прямых потомков Карла Великого; что же касается Великобритании, то ни одна часть ее никогда не принадлежала к Священной Римской империи. Герцоги нормандские и короли французские, а также некоторые другие менее крупные феодальные правители тоже сохранили свою независимость по отношению к ней.

В 987 году королевство Франция перешло из рук каролингов в руки Гуго Капета, потомки которого непрерывно царствовали до XVIII века. Во времена родоначальника их французский король властвовал лишь над сравнительно небольшой территорией, расположенной вокруг города Парижа.

В 1066 году Англия подверглась почти одновременному нападению со стороны норвежских норманнов под предводительством короля Харальда Гардрода и норманнов латинизированных с герцогом нормандским во главе. Первых король Англии Харальд разбил при Стамфорд-бридже, вторыми был разбит при Гастингсе. Англия была завоевана норманнами, в результате она оказалась отрезанной от скандинавских, тевтонских и русских дел и была поставлена в более близкие отношения с Францией, поведшие ко многим

осложнениям: в течение следующих четырех столетий англичане были замешаны во все конфликты французских феодалов и сражались на всех полях Франции.

Глава XLVI. Крестовые походы и эпоха папского владычества

Любопытно отметить, что Карл Великий находился в сношениях с калифом Харун-ар-Рашидом, героем «Тысячи и одной ночи». Известно, что Харун-ар-Рашид послал из Багдада, ставшего, за Дамаском, столицей мусульманского мира, к Карлу Великому послов с великолепным шатром, водяными часами, слоном и ключами от «гроба господня». Последний дар был искусно рассчитан на то, чтобы посеять раздор между Византией и молодой Священной Римской Империей в вопросе о том, кому быть покровителем христиан в Иерусалиме.

Дары эти напоминают нам, что в то время, как в IX веке в Европе царили непрерывные войны и разбои, в Египте и Месопотамии процветала великая арабская империя, далеко превосходившая по цивилизации все, чем могла похвастать Европа. Там высоко стояли литература и наука; искусства процветали, и человеческий разум мог развиваться, свободный от страха или суеверия. И даже в Испании и Северной Африке, где во владениях сарацин начинали подниматься политические смуты, все же существовала интенсивная умственная жизнь. Тамошние евреи и арабы читали и изучали Аристотеля и охраняли заброшенные семена науки и фило-

софии в эпоху, когда Европа коснела в невежестве.

К северо-востоку от владений калифа обитали многочисленные тюркские племена. Они были обращены в ислам и придерживались его с гораздо большей простотой и ревностью, чем жившие южнее арабы и персы, чрезвычайно развитые интеллектуально. В X веке тюрки становились все могущественнее, между тем как государство арабов ослабевало и приходило в упадок. Отношения тюрков к калифату становились весьма похожими на отношения мидян к Вавилонской империи четырнадцать веков тому назад. В XI столетии несколько тюркских племен, турки-сельджуки, спустились в Месопотамию и сделали калифа лишь номинально своим владыкой, а в действительности своим пленником и орудием. Они завоевали также и Армению. Затем они нанесли удар остаткам византийского государства в Малой Азии. В 1071 году византийская армия была разбита на голову в бою при Мелазгирте и турки стали продвигаться вперед, старательно уничтожая все следы византийского господства в Азии. Они овладели Никеей, крепостью, находившейся против Константинополя на другом берегу пролива, и стали готовиться к штурму города.

Ужас овладел императором Византии Михаилом VII. Он уже вел неудачную войну с бандой норманских авантюристов, захвативших Дураццо, и со свирепым тюркским племенем печенегов, совершавшим набеги вдоль по Дунаю. Доведенный до крайности Михаил стал искать помощи всю-

ду, где только было возможно. Любопытно, что при этом он обратился не к западному императору, а к римскому папе, как к главе латинского христианства. Он написал папе Григорию VII, а преемник его, Алексей Комнен, обращался с еще более настойчивыми просьбами к папе Урбану II.

Происходило это всего лет 20 спустя после раскола латинской и греческой церквей. Этот раздор еще жив был в памяти у всех, и несчастье, постигшее Византию, должно было представиться папе удачным поводом для попытки восстановления владычества римской церкви над греческими схизматиками. Кроме того, этот случай дал папе возможность заняться еще двумя вопросами, сильно волновавшими западное христианство. Один из них был обычай «частных войн», вносивший сумятицу в общественную жизнь, а другой – чрезмерная воинственность ниже-германских и христианизированных норманских племен, в особенности же франков и норманнов. Началась проповедь религиозной войны, крестового похода против турок – покорителей Иерусалима, а между христианами провозглашено было перемирие (1095 г.). Целью войны объявлялось освобождение «Гроба Господня» от неверных. Некто Петр Пустынный развил по всей Франции и Германии широкую пропаганду в чисто демократическом духе. Он путешествовал верхом на осле, в грубой одежде, босой, с огромным крестом в руках и обращался с речами к народу на улицах, на рынках или в церквях. Он говорил о зверствах, творимых турками над христи-

анскими пилигримами, о позоре того факта, что «гроб господень» находится в руках нехристиан. Вековые плоды христианского учения обнаружались в результатах этой проповеди: по западному миру прокатилась могучая волна энтузиазма, в которой выявилась вся суть народной веры.

Такой исключительный подъем в широких народных массах, вызванный одной идеей, был совершенно новым явлением в истории нашей расы. Ничего аналогичного не было в предшествующей истории Римской империи, Индии или Китая. В несколько меньшем масштабе подобного рода движения имели, однако, место среди еврейского народа после освобождения его от вавилонского пленения; впоследствии ислам также проявил склонность к подобным коллективным страстям. Очевидно, течения такого рода были связаны с новым духом, внесенным в жизнь народов с развитием миссионерства и религиозных проповедей. Иудейские пророки, Иисус, Мани, Магомет, – все старались воздействовать на души отдельных людей. Они ставили лицом к лицу с богом личную совесть отдельного человека. До того времени религия была скорее делом фетишизма и лженауки, нежели совести. Религии старого типа были связаны с храмом, с посвященным жрецом и с мистическими жертвоприношениями; они господствовали над обычным смертным, как над рабом – путем страха. Религия нового рода делала из раба человека.

Проповедь первого крестового похода была первым движением простонародья в истории Европы. Было бы слишком

смелым назвать это движение возникновением современной демократии, но несомненно, что в это время были даны импульсы к образованию демократии. Некоторое время спустя мы видим, как она приходит в движение, подымая волнующие социальные и религиозные вопросы.

Несомненно, первый подъем демократии окончился весьма плачевным и прискорбным образом. Значительные массы простонародья, скорее толпы, чем армии, двинулись из Франции, прирейнских областей и Центральной Европы на восток, на защиту «гроба господня», без всяких вождей и без самого необходимою снаряжения. Таков был «народный крестовый поход». Два больших отряда забрели в Венгрию, приняли новообращенных мадьяр за язычников, натворили всяких зверств и в конце концов были перерезаны сами. Третья толпа, не менее хаотичная по духу, произвела значительный еврейский погром в прирейнских областях и направилась далее в Венгрию, где также была истреблена. Еще две огромные толпы под предводительством самого Петра Пустынника добрались до Константинополя, переправились через Босфор и были скорее перерезаны, чем разбиты турками-сельджуками. Так началось и так окончилось первое движение европейского народа как такового.

В следующем (1097) году уже настоящие войска переправились через Босфор. Как по духу своему, так и по составу своих вождей они были чистейшими норманнами. Они взяли приступом Никею и направилась в Антиохию приблизи-

тельно тем путем, которым за четырнадцать веков тому назад шел Александр Македонский. Осада Антиохии взяла у них целый год, и в июне 1099 г. они осадили Иерусалим. Город был взят приступом после месячной осады. Произошла ужасная резня. Все всадники, скакавшие по улицам, были забрызганы кровью. К вечеру 15 июля крестоносцы пробились к церкви у «гроба господня», сломив всякое сопротивление; усталые, забрызганные кровью, «рыдая от избытка восторга», они преклонили колена в молитве.

Непосредственно вслед за этим вновь возгорелась вражда между латинянами и греками. Крестоносцы были приверженцами западной латинской церкви, и, когда они восторжествовали, греческий иерусалимский патриарх оказался еще в худшем положении, чем при турках. Крестоносцы очутились между византийцами и турками, и им пришлось сражаться с теми и с другими. Значительная часть Малой Азии была вновь завоевана Византийской империей, и латинские князья, владевшие Иерусалимом и некоторыми небольшими княжествами в Сирии, среди которых Эдесса была одним из главных, оказались в положении буфера между турками и греками. Но власть их даже и в этих владениях была крайне непрочной, и в 1144 году Эдесса была отобрана мусульманами, что и вызвало довольно незначительный второй крестовый поход, в котором крестоносцам не удалось отвоевать Эдессу, но Антиохия была спасена от грозившего ей турецкого завоевания.

В 1169 году мусульмане объединились под властью курдского авантюриста по имени Саладина, ставшего повелителем Египта. Он начал проповедовать священную войну против христиан, отобрал у них в 1187 году Иерусалим и тем самым вызвал третий крестовый поход, которому не удалось отвоевать Иерусалим. Во время четвертого крестового похода (1202–1204 гг.) латинская церковь открыто выступила против греческой империи, нисколько не прикрываясь борьбой с турками. Крестоносцы двинулись из Венеции и в 1204 году взяли штурмом Константинополь. Этой авантюрой руководила Венеция, могущественный, быстро развивавшийся торговый город, и большая часть принадлежавших Византийской империи островов и прибрежных областей были присоединены к Венеции. «Латинский» император, Балдуин Фландрский, был возведен на престол в Константинополе, и провозглашено было объединение латинской и греческой церквей. Латинские императоры правили в Константинополе с 1204 по 1261 г.; в это время греки вновь сбросили с себя римское иго.

Двенадцатое столетие, а также начало тринадцатого были эпохой папского владычества, подобно тому, как одиннадцатый век был эпохой господства турок-сельджуков, а десятый – веком норманнов. Христианство, объединенное под властью папы, подошло ближе, чем когда бы то ни было, к осуществлению своего идеала.

В эту эпоху христианская вера в своей простой, но жиз-

ненной форме была широко распространена в Европе. Необходимо отметить, что сам Рим пережил целый ряд темных и позорных периодов. Немного найдется историков, которые взялись бы оправдывать жизнь и поведение пап Иоанна XI и Иоанна XII в X веке, которые были отвратительными личностями; тем не менее латинское христианство оставалось значительным и простым по своему духу и плоти. Большинство рядовых священников, монахов и монахинь вело нравственную и благочестивую жизнь. Могущество церкви было основано на доверии масс, вызванном примерной и честной жизнью духовенства. В прошлом среди пап были столь крупные личности, как Григорий Великий, Григорий I (590–604 гг.) и Лев III (795–816 гг.), предложивший Карлу Великому стать кесарем и короновавший его против воли. К концу XI века выдвинулся крупный клирик и государственный деятель, Гильдебрандт, закончивший жизнь в сане папы под именем Григория VII (1073–1085 гг.). Непосредственно после него выдвинулся Урбан II (1087–1099 гг.), бывший папой при первом крестовом походе. Оба они были основоположниками периода папского величия, в течение которого папы властвовали над императорами. От Болгарии до Ирландии и от Норвегии до Сицилии и Иерусалима папа был верховным властителем. Григорий VII заставил императора Генриха IV явиться к нему с покаянием в Каноссу и выжидать прощения во дворе замка в течение трех дней и трех ночей в рубище и босиком на снегу. В 1176 году император Фридрих

Барбаросса склонил в Венеции колена перед папой Александром III и принес ему клятву верности.

Огромное могущество церкви в начале XI столетия было основано на доверии народных масс. Однако церкви не удалось сохранить свой моральный престиж, в котором коренилась ее власть. В первых десятилетиях XIV столетия обнаружилось полное падение могущества папской власти. Что же разрушило наивную веру христианского простонародья в церковь настолько, что оно не откликалось больше на ее призывы и отказалось служить ее интересам?

Первым неблагоприятным впечатлением было, очевидно, сосредоточение больших богатств в руках церкви. Церковь не умирала, а умиравшие без прямых наследников лица часто отказывали свои земли в ее пользу. Кающимся грешникам усиленно рекомендовалось это делать. Благодаря этому, во многих странах Европы в руках церкви сосредоточилось около четверти всех земель. Аппетиты церкви все возрастали по мере ее обогащения. Уже в XIII столетии всюду раздавались голоса, что священники – безнравственные люди, что они постоянно охотятся за деньгами и за наследствами.

Королям и князьям чрезвычайно не нравилось подобное отчуждение собственности. Вместо феодалов, способных к вооруженной поддержке монархов, землями владели монастыри, монахи и монахини. Дело обстояло так, как будто эти земли находились под чужим владычеством. Еще до папы Григория VII между светскими князьями и папством шла

борьба по вопросу об «инвеституре» (рукоположение), т. е. по вопросу о том, кому принадлежит право назначать епископов. Если бы эта власть досталась папе, а не королю, последний потерял бы возможность контроля не только над совестью своих подданных, но и над значительной частью своих владений, ибо духовенство требовало также свободы от податей, указывая на то, что платит налоги Риму. Мало того, церковь требовала еще права взимать десятину с имущества мирян сверх податей, взимавшихся с них королевской властью.

Почти все страны латинского христианского мира переживают в течение XI века период борьбы между монархией и папством по вопросу об инвеститурах, причем, обычно, победа бывает на стороне папы. Папа заявлял, что он вправе отлучить монарха от церкви, освободить его подданных от присяги, данной ему, и даже поставить ему заместителя. Он заявлял, что вправе наложить духовное запрещение на целый народ, причем прекращались почти все церковные функции, за исключением крещения, причащения и покаяния: священники не могли ни совершать обычных служб, ни венчать, ни отпевать умерших. Благодаря этому могущественному оружию, папам в XII столетии удавалось налагать узду на самых строптивых князей и держать в трепете самые непокорные народы. Это были, конечно, чрезвычайные преимущества, но к чрезвычайным мерам следует прибегать лишь в выходящих из ряда случаях. Папы же прибегали к

ним столь часто, что ослабили их действие. В продолжение последних трех десятилетий XII века Шотландия, Франция и Англия оказались по очереди под духовным запрещением. Папы также не могли не поддаваться соблазну проповедовать крестовые походы против непокорных князей и добились этим того, что угасили пыл и охоту к крестовым походам.

Возможно, что если бы римская церковь ограничилась простой борьбой с монархами и заботилась о сохранении своего влияния на народное сознание, ей бы удалось сохранить в течение долгих веков свое владычество над христианским миром. Но чрезмерные притязания папы влияли отрицательным образом на поведение духовенства, побуждая его к заносчивости и высокомерию. До XI столетия латинские священники имели право вступать в брак; с народом, среди которого они жили, их связывали тесные узы; они действительно составляли часть народа. Григорий VII наложил на них обязательство безбрачия; он уничтожил всякую близость клириков с мирянами для того, чтобы теснее связать их с Римом, но на деле он вырыл пропасть между церковью и общественностью. Церковь имела свои собственные суды. Судебные дела, касавшиеся не только священников и монахов, но и студентов, крестоносцев, вдов, сирот и убогих, ведались духовными судами; так же обстояло дело и с завещаниями, браками и присягой, а также с чародейством, ересями и кощунством. Если светское лицо имело столкновение с

лицом духовным, ему приходилось обращаться к клерикальному суду. Все обязанности, касавшиеся войны и мира, ложились исключительно на его плечи, нисколько не касаясь клириков. Неудивительно, что во всем христианском мире возрастала зависть к священникам и ненависть к ним.

Казалось, Рим никогда не сознавал, что вся сила его – в доверии простонародья. Рим боролся с религиозным энтузиазмом, который должен был бы стать его верным союзником; он подавлял всякое невинное сомнение, всякое отклонение во взглядах, насаждая ортодоксальное доктринерство. Когда церковь вмешивалась в вопросы морали, простонародье оказывалось на ее стороне; но иначе обстояло дело, когда она вмешивалась в вопросы доктрины. Когда на юге Франции Вальдес стал проповедовать возвращение к простоте Иисуса в жизни и вере, Иннокентий III провозгласил крестовый поход против его последователей – вальденцев – и допустил, чтобы их истребляли огнем и мечом, чтобы над ними творились самые ужасные насилия и жестокости. Когда св. Франциск Ассизский стал также учить подражанию Христу и призывать к жизни, исполненной труда и лишений, его последователи – францисканцы – подвергались преследованиям, бичеваниям, заточению и ссылке. В 1318 году четырех из них живьем сожгли в Марсели. С другой стороны, свирепый ортодоксальный орден доминиканцев, основанный св. Домиником (1170–1221 гг.) энергично поддерживался Иннокентием III, который с помощью этого ордена создал инквизи-

цию – специальную организацию для преследования ересей и подавления свободной мысли.

Таким образом, сама церковь своими чрезмерными притязаниями, несправедливыми привилегиями и неразумной нетерпимостью убила в простонародьи его свободную веру, в которой и был истинный источник ее могущества. История падения этой власти говорит нам не столько о внешних врагах, сколько о непрерывном внутреннем разложении.

Глава XLVII. Строптивные монархи и великий раскол

Одной из главных слабых сторон римской церкви в ее борьбе за главенство над христианским миром был способ избрания папы.

В самом деле, для того, чтобы папство могло достигнуть цели своих основных честолюбивых притязаний и установить единый образ правления и мир во всем христианском мире, ему крайне необходимо было иметь постоянное, мощное и твердое управление. В дни расцвета папства было необходимо, чтобы папы при вступлении на престол были способными людьми во цвете лет, чтобы у каждого из них имелся в виду преемник, с которым он мог бы обсуждать политику церкви, и чтобы процедура и формы избрания были ясны, определены и оставались бы неизменными и неприкосновенными. К несчастью для церкви, ни одно из этих условий соблюдено не было. Оставалось даже невыясненным, кто в сущности пользуется правом голоса при избрании папы, неизвестно было также, имеет ли голос византийский император – глава Священной Римской империи. Великий государственный муж, Гильдебрандт (папа Григорий VII, 1073–1085 гг.) много способствовал упорядочению способа выборов. Он ограничил право голосования кругом

римских кардиналов и свел роль императора к произнесению формулы согласия, предназначенной для него церковью, но он не сделал никаких указаний относительно назначения желательного преемника и дал возможность кардиналам, ведущим споры, держать папский престол незанятым в течение целого года и даже больше, как случалось не раз.

Последствия такого неопределенного положения сказывались в течение всей истории папской власти вплоть до XVI столетия. С самых ранних пор выборы проходили крайне бурно, причем притязания на папский престол заявляли одновременно два или три лица. Тогда церкви приходилось униженно обращаться к императору или какому-либо иному посреднику с просьбой уладить спор. По окончании карьеры каждого из пап неизбежно наступала неизвестность. По смерти папы церковь рисковала остаться без своего главы в беспомощном положении обезглавленного тела. В некоторых случаях папу мог заменить на престоле кто-либо из его прежних соперников, стремящихся лишь к тому, чтобы уничтожить и обесславить плоды его трудов. Его преемником мог сделаться также какой-нибудь дряхлый и ветхий старик, стоявший уже одной ногой в могиле. Эта специфически слабая сторона организации папской власти неизбежно должна была вызвать вмешательство различных германских князей, французского короля, а также норманно-французских королей, правивших в Англии; все они пытались влиять на выборы и посадить преданного их интересам папу в Лате-

ранском дворце в Риме. И чем могущественнее становилось влияние папы в общеевропейских делах, тем более неизбежными делались такие вмешательства. При этих обстоятельствах неудивительно, что многие из пап были слабыми и ничтожными людьми, и даже достойно удивления, что многие из них проявили способности и мужество.

Одним из самых сильных и интересных пап в эту великую эпоху был Иннокентий III, которому посчастливилось взойти на папский престол на 38 году жизни (1198–1216 гг.). Он и его преемники столкнулись с еще более интересной личностью – императором Фридрихом II, прозванным «Дивом мира» (*Stupor mundi*). Борьба этого монарха с Римом является поворотным пунктом в истории. В конце концов, Рим его победил и сокрушил его династию, зато и он нанес престижу церкви и папской власти столь тяжкий удар, что последняя так и не смогла от него оправиться и стала склоняться к упадку.

Фридрих был сыном императора Генриха VI, а мать его была дочерью Рожера I, норманнского короля в Сицилии. Он взошел на престол этой страны четырехлетним ребенком в 1198 году. Иннокентий III назначен был его опекуном. В те времена Сицилия была только что завоевана норманнами; двор носил полувосточный характер и много высокообразованных арабов было в числе придворных. Некоторые из них были привлечены к воспитанию юного короля. Без сомнения, им не легко было заставить его усвоить их взгляды.

Ему был привит мусульманский взгляд на христианство одновременно с христианским взглядом на ислам, причем прискорбным результатом этой двойственной системы воспитания явилось исключительное для эпохи горячей веры убеждение в том, что все религии – ничто иное, как обман. Он свободно распространялся на эту тему, его еретичность и кощунство хорошо известны.

Возмужавши, молодой человек оказался в конфликте со своим опекуном. Иннокентий III требовал безусловно слишком многого от своего опекаемого. Когда настал для Фридриха момент наследовать империю, папа вмешался в дело, требуя выполнения ряда условий. Фридрих должен был обещать суровыми мерами подавить в Германии ересь. Кроме того, он должен был отказаться от престола в Сицилии и Южной Италии, ибо в противном случае он стал бы сильным противником для папы. Кроме того, духовенство в Германии должно было быть освобождено от налогов. Фридрих изъявил свое согласие, вовсе не намереваясь сдержать свое слово. Папа успел уже вовлечь французского короля в войну против собственных его подданных во Франции, в свирепый и кровавый крестовый поход против альбигойцев; он хотел, чтобы Фридрих сделал то же самое в Германии. Однако Фридрих, будучи сам гораздо большим еретиком, нежели простые и верующие люди, навлекшие на себя папский гнев, не испытывал желаний крестового похода. Когда Иннокентий стал его побуждать к крестовому походу против мусульман

для освобождения Иерусалима, он охотно дал обещание, но не торопился его исполнять.

Упрочив за собой императорский престол, Фридрих II продолжал проживать в Сицилии, которую, как резиденцию, он предпочитал Германии, и не думал выполнять обещания, данные Иннокентию III, который умер в 1216 году, обманутый в своих ожиданиях.

Гонорий III, преемник Иннокентия, также не мог справиться с Фридрихом; но в 1227 году на папский престол вступил Григорий IX, решивший во что бы то ни стало свести счеты с молодым императором. Прежде всего он отлучил его от церкви. Фридриху II было отказано во всех утешениях, которые может дать религия. Среди неги и роскоши полуарабского двора Сицилии это произвело чрезвычайно слабое действие. Кроме того, папа отправил императору публичное послание, в котором он перечислял все его пороки (их действительно нельзя было отрицать) и ереси и вообще обличал его дурное поведение. На это Фридрих ответил грамотой, составленной с дьявольской хитростью. Он обращался ко всем властителям Европы и впервые открыто заявлял о раздоре между папой и светскими монархами. Он яростно нападал на явное желание папы стать неограниченным властителем всей Европы. Он призывал всех князей заключить союз против узурпатора. Особому же вниманию правителей он рекомендовал церковные богатства.

Нанеся папству этот тяжелый удар, Фридрих решил, на-

конец, сдержать обещание, данное им 12 лет назад, и отправиться в крестовый поход. Это и был Шестой крестовый поход (1228), оказавшийся чистым фарсом. Фридрих II отправился в Египет, там он встретился с султаном и обсуждал с ним разные дела. Эти господа, оба заядлые скептики, изумительно сошлись во взглядах и заключили коммерческую сделку к обоюдному удовольствию, причем было решено передать Иерусалим Фридриху. Это был действительно совершенно новый вид крестового похода, осуществленного путем частного договора. Здесь не было ни победителей, забрызганных кровью, ни «слез от чрезмерной радости». Ввиду того, что этот необычайный крестоносец был отлучен от церкви, он должен был удовольствоваться чисто светской коронацией на Иерусалимское королевство и собственноручно возложить венец себе на голову, взявши его с алтаря. Духовенству было предписано всячески избегать его. Затем он возвратился в Италию, изгнал из своих владений вторгшиеся в них во время его отсутствия папские войска и заставил папу снять с него отлучение. Так мог обращаться светский монарх с папой в XIII веке, не возбуждая бури народного негодования и мщения. Дни папского могущества уже миновали.

В 1239 году Григорий IX возобновил борьбу с Фридрихом, вторично отлучил его от церкви и вновь повел кампанию публичных оскорблений, в которой, впрочем, папская власть уже успела однажды сильно пострадать. Poleмика вновь возгорелась после кончины Григория IX, когда

папой стал Иннокентий IV. Снова Фридрих написал язвительное письмо против церкви, письмо, которое должно было врезаться в память народов. Он обличал высокомерие и безверие духовенства, объявляя эти его пороки, а также его алчность источником всего современного разврата. Он предлагал своим собратьям-монархам произвести конфискацию церковных имуществ – для блага самой же церкви. С тех пор мысль эта никогда не покидала европейских монархов.

О последних годах его жизни мы распространяться не станем. Отдельные события его биографии далеко не так значительны, как вся его жизнь в целом. Можно составить себе некоторое представление о его жизни в Сицилии. Он любил широко и роскошно пожить и окружал себя красивыми вещами. Он известен, как развратный человек. Тем не менее, он, несомненно, обладал любознательным и пытливым умом. Он окружал себя философами не только христианами, но также евреями и мусульманами, и много способствовал плодотворению итальянского духа сарацинским. Благодаря ему арабские цифры и алгебра проникли в христианские университеты. В числе философов при его дворе находился Михаил Скотт, переводивший отрывки из Аристотеля, а также комментарии к ним великого арабского философа, Аверроэса из Кордовы. В 1224 г. Фридрих основал университет в Неаполе и богатыми дарами расширил деятельность известной медицинской школы при Салернском университете. Он также основал зоологический сад. Сам он напи-

сал книгу о соколиной охоте, доказывающую, каким он был тонким наблюдателем обычаев птиц. Он же был одним из первых итальянцев, писавших стихи по-итальянски. Можно сказать, что итальянская поэзия родилась у него при дворе. Один талантливый писатель назвал его «первым человеком нового времени», и выражение это ярко рисует независимость его мысли и свободу ее от предрассудков.

Еще более яркий признак упадка активных сил и жизнедеятельности папства обнаружился в новом конфликте пап с растущим влиянием французского короля. Еще при жизни императора Фридриха II в Германии началась смута, и французский король выступил в роли опекуна и покровителя страны и соперника пап, придерживаясь линии поведения императоров Гогенштауфенов. Целый ряд пап в политических видах поддерживали французских монархов. С помощью Рима и с его одобрения французские князья утвердились на престолах Сицилии и Неаполя, и французским королям раньше, чем папам, пришла мысль о возможности восстановить империю Карла Великого и управлять ею. Однако, когда прекратилось в Германии междуцарствие, наступившее после смерти Фридриха II, последнего из Гогенштауфенов, и когда на престол избран был Рудольф Габсбургский, первый император из рода Габсбургов (1273 г.), политика Рима стала колебаться между Францией и Германией, в зависимости от симпатий отдельных пап. На востоке греки в 1261 году вновь отобрали Константинополь у латинских им-

ператоров, а основатель новой греческой династии Палеологов, Михаил VIII Палеолог, после нескольких незначительных попыток примирения с папой, окончательно откололся от Рима. Это обстоятельство, наряду с крушением латинских королевств в Азии, положило конец владычеству пап на востоке.

В 1294 году Бонифаций VIII стал папой. Это был итальянец, враждебно относившийся к французам и преисполненный сознания великих традиций и миссии Рима. Некоторое время он держал свое знамя высоко. В 1300 году было празднование юбилейного римского года, и в Рим стеклось огромное количество пилигримов. «Прилив денег в папскую казну был так велик, что два прислужника были заняты тем, что непрестанно сгребали лопатками приношения, возлагаемые на гробницу святого Петра» (Дж. Г. Робинсон). Однако празднество это оказалось лишь призрачным торжеством. Бонифаций в 1302 году очутился в конфликте с французским королем, а в 1303 году, когда он собирался произнести отлучение от церкви этого монарха, он был захвачен в плен в своем родовом дворце в Ананьи: посланный французским королем, Гийом де-Ногарэ ворвался в замок и вбежал в спальню перепуганного папы, лежавшего в постели с распятием в руках, и стал осыпать его угрозами и оскорблениями. День или два спустя папа был освобожден горожанами и возвратился в Рим; но здесь он был вновь схвачен и посажен в тюрьму семейством Орсини. Через несколько недель, по-

трясенный, жестоко разочарованный, старик умер у Орсини в плену.

Граждане Ананьи приняли к сердцу оскорбление папы и поднялись на Ногарэ, чтобы освободить Бонифация, но не следует забывать, что город Ананьи был родиной этого папы. Необходимо отметить то важное обстоятельство, что французский король, обращаясь столь бесцеремонно с главой христианского мира, действовал с полного одобрения своего народа; он созвал совещание представителей всех трех сословий Франции (дворянства, духовенства и третьего сословия) и заручился их согласием перед тем, как прибегнуть к крайним мерам. Ни в Италии, ни в Германии, ни в Англии незаметно было ни малейших признаков негодования на такое бесцеремонное обращение с первосвященником. Идея христианства постепенно ослабевала и вырожда-лась, пока, наконец, она не утратила своего влияния на человеческие умы.

В продолжение всего XIV столетия папство не сделало ничего для того, чтобы восстановить свой моральный престиж. После Бонифация папой был избран Климент V, француз, ставленник короля Филиппа Французского. До Рима он так и не добрался. Он обосновался со своим двором в городе Авиньоне, который принадлежал тогда не Франции, а папе, хотя и вклинивался во французскую территорию. Преемники его оставались в Авиньоне вплоть до 1377 года, когда папа Григорий XI вернулся в Ватиканский дворец в Риме. Одна-

ко, Григорий XI не встретил сочувствия всей церкви. Многие кардиналы были родом французы, их привычки и симпатии прочно связывали их с Авиньоном. Когда в 1378 году скончался Григорий XI и на его место был избран итальянец Урбан VI, находившиеся в оппозиции кардиналы объявили выборы недействительными и избрали другого папу или, вернее, антипапу, Климента VII. Раскол этот называется великой схизмой. Папы оставались в Риме, и все враждебные Франции монархи: во-первых, император, затем короли: английский, венгерский, польский и северных держав – были лояльны по отношению к Риму. С другой стороны, антипапы продолжали держаться в Авиньоне, их поддерживал король французский и его союзники, короли шотландский, испанский, португальский и различные германские князья. Каждый папа отлучал от церкви и предавал анафеме приверженцев своего соперника (1378–1417 гг.).

Неудивительно, что при таком положении дел во всей Европе люди стали самостоятельно размышлять о религиозных вопросах.

Упомянутые в предыдущей главе только что возникшие францисканский и доминиканский ордена являлись одними из многочисленных новых духовных течений, возникавших в христианстве и стремившихся к поддержке или же ниспровержению церкви, в зависимости от личных симпатий. Оба эти ордена ассимилировались с церковью и были ею использованы, хотя и не без некоторого насилия по отношению к

первому из них. Но существовали и другие течения, более оппозиционно и критически настроенные. Спустя полтора столетия появился Уиклиф (1320–1384 гг.). Он был ученым доктором Оксфордского университета. Уже в немолодых годах он принялся рьяно обличать развращение духовенства и неразумную политику церкви. Он организовал большое количество бедных священников, уиклифистов, с целью распространения его идей по всей Англии; и для того, чтобы народ мог рассудить, кто прав – он или церковь, он перевел Библию на английский язык. Он был гораздо более образованным и талантливым человеком, чем святые Франциск и Доминик. У него были высокопоставленные приверженцы и масса последователей в народе. Хотя из Рима и неслись против него проклятия и приказы об аресте, он умер на свободе. Но дух невежества и рутины, увлекавший католическую церковь к гибели, не дал костям Уиклифа мирно покоиться в могиле. Согласно постановлению Констанцского собора (1415 г.), его останки были вырыты из земли и сожжены епископом Флемингом по приказанию папы Мартина V (1428 г.). Кошунство это не было делом рук отдельного фанатика: это был официальный акт церкви.

Глава XLVIII.

Завоевания монголов

В XIII столетии, в то время, как в Европе происходила любопытная и в конечном итоге неудачная борьба за объединение христианского мира под управлением папы, в Азии в значительно более широком масштабе подготовлялись чрезвычайно важные события. Тюркское племя, населявшее область, лежавшую к северу от Китая, внезапно выдвинулось на арене мировой истории и совершило ряд завоеваний, не имеющих себе подобных в истории. Это были монголы. В начале XIII столетия они представляли собою орды кочующих всадников, сильно напоминавших своих предшественников, гуннов, образом жизни, питавшихся преимущественно кониной и кумысом и обитавших в кожаных шатрах. Они сбросили с себя китайское иго и объединили целый ряд тюркских племен в своеобразный военный союз. Центральным лагерем их был Каракорум в Монголии.

В то время Китай переживал внутренний раскол. Великая династия Тан угасла в X столетии, и после периода междоусобных войн возникли три крупных империи: Цзинь на севере, со столицей Пекином, Сун на юге, со столицей Нанкином, и Ся в центральной области. В 1214 году Чингисхан, предводитель объединенных монголов, пошел войной на им-

перию Цзинь и овладел Пекином. Затем он направился на запад и завоевал Западный Туркестан, Персию, Армению, Индию, вплоть до Лагора, и юг России до Киева. Он умер властелином огромного царства, простиравшегося от побережья Тихого океана до Днепра.

Преемник его Угэдэй продолжал его поразительную карьеру завоевателя. Войска его были организованы по всем правилам военной техники. Они владели новым китайским изобретением – порохом, которым стреляли из небольших пушек. Угэдэй закончил завоевание империи Цзинь, а затем помчался со своими войсками через всю Азию к России с быстротой, достойной удивления. В 1240 году был разрушен Киев, и почти вся Россия подпала под монгольское иго. Польша была опустошена, и объединенная польско-германская армия была уничтожена в бою при Легнице в Нижней Силезии в 1241 году. По-видимому, император Фридрих II даже особенно и не пытался остановить надвигающийся поток кочевников.

«Лишь в самое последнее время, – говорит Бэри в своих примечаниях к труду Гиббона «Упадок и гибель Римской империи», – европейские историки начали понимать, что успехи монгольской армии, наводнившей Польшу и захватившей Венгрию весной 1241 года, объяснялись не только их численным превосходством, но и выдающимся стратегическим талантом ее вождей. Факт этот еще не стал общим достоянием; до сих пор продолжает господствовать неоснова-

тельное мнение, будто бы татары были дикой ордой, все сметающей на своем пути исключительно своей массой, опрокидывавшей все препятствия силой своей тяжести и несшейся по восточной Европе без всякого стратегического плана...

Можно только удивляться тому, как точно и успешно производились все операции, начиная от низовьев Вислы и кончая Трансильванией. Подобного рода кампания была в то время не по силам ни одной армии в Европе и превосходила кругозор европейских полководцев. Во всей Европе не было ни одного полководца, начиная с Фридриха II, который не оказался бы новичком в стратегии по сравнению с Субутаем. Следует также отметить, что монголы приступили к выполнению своих планов, имея точные сведения о политическом положении Венгрии и о состоянии Польши, ибо они предварительно собрали все нужные справки, благодаря великолепно организованной системе шпионажа; в противоположность этому, венгерцы и христианские державы, подобно наивным варварам, не знали почти ничего о своих врагах».

Однако, хотя монголы и оказались победителями при Леснице, они прекратили свое наступление на запад: дело в том, что они пришли в лесистую и гористую местность, которая не подходила к их тактическим методам. Поэтому они повернули на юг и собирались обосноваться в Венгрии, истребляя или же подчиняя своему влиянию родственников им мадьяров, подобно тому, как мадьяры до них истребляли или поглощали своей массой смешанные скифо-гунно-аварские

племена. По всей вероятности, с венгерской равнины монголы стали бы совершать набеги на запад и на юг, как это делали мадьяры в IX столетии, авары – в VII и VIII, а гунны в V. Но Угэдэй скончался внезапно, и в 1242 году начались раздоры по вопросу о престолонаследии, и отозванные этим событием, не побежденные никем войска монголов двинулись обратно через Венгрию и Румынию на восток.

После этого монголы сосредоточили свое внимание на своих завоеваниях в Азии. В середине XIII века они завладели империей династии Сун. В 1251 году Мункэ стал вслед за Угэдэй-ханом великим ханом и брата своего Хубилая сделал правителем Китая. В 1280 году Хубилай был официально признан китайским императором и основал династию Юань, просуществовавшую до 1368 года. В то время, как уничтожались последние остатки царства сунской династии в Китае, другой брат хана Мункэ – Гулагу завоевывал Персию и Сирию. Монголы выказали в эту эпоху жестокую ненависть к исламу, и, не ограничиваясь тем, что перерезали население Багдада после взятия этого города, они принялись разрушать существовавшую с незапамятных времен ирригационную систему, благодаря которой Месопотамия, начиная с отдаленных времен Шумерии, не переставала быть цветущей и густо населенной страной. С этого момента вплоть до настоящего времени Месопотамия сделалась пустыней, покрытой развалинами, еле способной прокормить скудное население. В Египет монголам проникнуть не удалось: султан египет-

ский разбил наголову войско Гулагу в Палестине в 1260 году.

После этого поражения наступил отлив в победоносном шествии монголов. Владения великого хана распались на целый ряд отдельных государств. Восточные монголы стали буддистами, подобно китайцам: западные же – приняли мусульманство. В 1368 году китайцы свергли иго династии Юань и возвели на престол китайскую династию Мин, процветающую с 1368 по 1644 г. Русские оставались ленниками татарской орды вплоть до 1480 года, когда великий князь московский сбросил это иго и заложил основания современной России.

В XIV столетии мы наблюдаем кратковременное возрождение монгольского могущества при Тамерлане, потомке Чингисхана. Он обосновался в Западном Туркестане, принял титул великого хана (в 1369 году) и завоевал все земли, от Сирии до Дели в Индии. Из всех монгольских завоевателей он был самым жестоким и разрушительным. Он основал царство на крови и насилии, распавшееся, впрочем, после его смерти. Однако, в 1505 году потомок Тамерлана, авантюрист по имени Бабур, собрал войско, вооруженное огнестрельным оружием, и нагрянул на равнины Индии. Внук Бабура, Акбар (1556–1605 гг.) довершил его завоевания, и эта династия монголов (или «моголов», как их звали арабы) царствовала в Дели над большей частью Индии вплоть до XVIII столетия.

Одним из последствий первого великого натиска монголь-

ских завоевателей в XIII столетии было вытеснение одного из тюркских племен, турок-оттоманов, из Туркестана в Малую Азию. Они расширили и укрепили свою власть в Малой Азии, переправились через Дарданеллы, завоевали Македонию, Сербию и Болгарию, и в результате Константинополь оказался как бы островом посреди оттоманских владений. В 1453 г. султан Магомет II взял приступом Константинополь, начавши штурм с европейской стороны при помощи многочисленных орудий. Событие это вызвало в Европе значительное волнение, стали поговаривать о крестовом походе, но дни крестовых походов уже миновали.

В течение XVI столетия оттоманские султаны завоевали Багдад, Венгрию, Египет и большую часть Северной Африки, и с помощью флота сделались хозяевами Средиземного моря. Они чуть было не взяли Вену и наложили дань на императора. В общем, в XV столетии можно отметить лишь два факта, идущие вразрез с общим упадком христианского владычества: одним из них было восстановление независимости Москвы (1480 г.); другой – постепенное отвоевание Испании христианами. В 1492 году последнее из мусульманских королевств на полуострове, Гренада, перешло к королю Фердинанду Арагонскому и его супруге королеве Изабелле Кастильской.

Однако, гордыня оттоманов была сломлена лишь в 1571 году, в морском бою при Лепанто, когда над водами Средиземного моря было восстановлено первенство христиан.

Глава XLIX. Умственное возрождение европейцев

На протяжении всего XII столетия европейская мысль подавала немало признаков своего оживления и освобождения и была накануне возобновления древнейших научных изысканий греков и отвлеченных умозрений в духе итальянца Лукреция. Причин этого возрождения было много, и они были очень сложны. Прекращение частных войн, более высокий уровень жизненных удобств и большая безопасность, воцарившиеся после крестовых походов, а также толчок, данный человеческому уму и этими экспедициями, обогатившими его новым опытом, – все это подготовило и обусловило собою возрождение мысли. Торговля вновь оживилась; города возвращались к удобной и спокойной жизни; повышался уровень образования духовенства, просвещение распространялось и среди мирян. XIII и XIV столетия являются периодом развития независимых или почти независимых городов, каковы, например, Венеция, Флоренция, Генуя, Лиссабон, Париж, Брюгге, Лондон, Антверпен, Гамбург, Нюрнберг, Новгород, Висби и Берген. Все это были торговые города, посещаемые путешественниками, а когда люди путешествуют и торгуют, они неизбежно о многом толкуют и размышляют. Poleмика пап и монархов, явная бесчеловечность

и несправедливость преследований еретиков, – все эти факты заставляли людей сомневаться в авторитете церкви, подвергать критике и обсуждать самые основные вопросы.

Мы видели уже, каким образом арабы способствовали воскрешению Аристотеля в Европе, видели также, что Фридрих II сыграл роль посредника между возрождающейся европейской мыслью и влиянием арабской философии и науки. Еще большее влияние, в смысле сообщения умственных толчков, оказали евреи. Самый факт их существования был как бы вызовом притязаниям церкви. Наконец, тайные и заманчивые исследования алхимиков распространялись все шире и побуждали людей к, хотя незначительным и скрытым, но все же плодотворным занятиям экспериментальными науками.

Умственное движение захватило не только одни независимые и образованные классы. Мысль простонародья также пробудилась и заработала с беспримерной во всей мировой истории силой. Невзирая на роль священников и на свои гонения, христианство, казалось, разносило элементы умственного брожения повсюду, куда проникало его учение. Оно устанавливало прямую зависимость между совестью отдельного человека и богом справедливости, так что в известных случаях человек осмеливался уже составить свое собственное мнение о князьях, прелатах или же, наконец, о религии. Философские споры возобновились в Европе с XI столетия; в Париже, Оксфорде, Болонье и в других центрах

существовали крупные и быстро развивавшиеся университеты. Средневековые схоластики поднимали и усиленно обсуждали ряд вопросов о ценности и значении слов, производя таким образом подготовительную работу, необходимую для точного мышления последующего научного века. Совершенно особняком, благодаря своему замечательному гению, стоял Роджер Бэкон (около 1210–1293 гг.), францисканский монах из Оксфорда, отец современной опытной науки. Имя его должно быть поставлено в истории мышления на втором месте после Аристотеля. Писания его представляют собой непрерывное бичевание невежества. Он указал своему веку на его невежество, и это было необычайно смелым шагом с его стороны. В наши дни всякий может объявить, что глупость мира равняется его напыщенности, что его порядки примитивны и нелепы, а его учения – лишь ребяческая болтовня, не подвергаясь при этом никакой физической опасности. Но средневековые люди, если только не умирали от чумы или от голода и не подвергались избиениям, были страстно убеждены в мудрости и совершенстве своей веры и были расположены весьма жестоко мстить за всякие нападки на нее. Писания Роджера Бэкона были подобны вспышке молнии в глубоком мраке. Он сочетал с нападками на современное ему невежество могучую проповедь необходимости расширения и углубления человеческого познания. В его страстных доводах необходимости опытного познания и собирания фактов оживал дух Аристотеля. «Опыт, опыт и

опыт», – таков был припев Роджера Бэкона.

Роджер Бэкон не пощадил даже самого Аристотеля. Он нападал на него потому, что люди, вместо того, чтобы смело глядеть в глаза фактам, сидели в своих кабинетах и корпели над плохими латинскими переводами великого мыслителя, это была единственная польза, которую они от него получали. «Если бы моя воля, – писал он со свойственной ему резкостью, – я бы сжег все книги Аристотеля, ибо изучение их может повести лишь к потере времени, и к заблуждениям и лишь увеличит невежество». Аристотель, вероятно, сочувствовал бы вполне этому взгляду, если бы он мог вернуться к жизни в эпоху, когда его произведения не столько читали, сколько почитали, как святыню, и притом, как показал Роджер Бэкон, в самых отвратительных переводах. Во всех своих творениях Роджер Бэкон, лишь незначительно маскируя свои взгляды, ввиду необходимости сохранить ортодоксальную видимость, – из страха перед тюрьмой или чем-нибудь еще худшим, взывал к человечеству: «Перестаньте подчиняться догматам и авторитетам; глядите на мир!». Он указывал на четыре главных источника невежества: почитание авторитетов, обычаи, мнение невежественной толпы и глупое тщеславие, обуславливающее нашу невосприимчивость. Стоит только преодолеть эти препятствия, и перед человечеством откроется мир неведомого могущества. Возможно построить суда, не нуждающиеся в гребцах, сделать так, чтобы крупные корабли, годные для речного и океанского плавания

и управляемые одним человеком, стали передвигаться быстрее, чем под усилиями массы гребцов. Точно так же можно сделать и экипажи, передвигающиеся без помощи упряжного животного («Cum impetus inestimabile²), подобно тому, как, по нашим предположениям, были в древности сделаны боевые колесницы, усаженные косами. Возможны также и летательные машины, внутри которых сидел бы человек, оруduющий при помощи особого приспособления, приводящего в движение искусственные крылья, рассекающие воздух, подобно птице».

Так писал Роджер Бэкон, но после него должно было пройти более трех столетий, пока, наконец, люди стали делать систематические попытки исследования скрытых источников интереснейшей силы, существование которой он с такой проницательностью прозревал под скучным покровом повседневности. Однако, сарацинский мир дал христианскому не только умственный толчок в лице своих философов и алхимиков; он дал ему также и бумагу. Вряд ли будет слишком смело сказать, что бумага сделала возможным умственное возрождение Европы. Родина бумаги – Китай, где она появляется со II века до Р. Х. В 751 году китайцы сделали нападение на арабов-мусульман в Самарканде. Набег этот был отражен и среди взятых в плен китайцев оказалось несколько знатоков бумажного производства, от которых и научились этому искусству. Арабские бумажные рукописи, написанные

² С непостижимой мощью.

еще в IX столетии, сохранились и доныне. Производство бумаги проникло в христианский мир либо через Грецию, либо благодаря захвату принадлежащих маврам бумажных фабрик при отвоевании Испании христианами. Однако, испанские христиане, к сожалению, понизили уровень производства. В христианской Европе хорошей бумаги не выделяли до конца XIII века, причем Италия в этом деле вела за собой весь мир. Производство бумаги достигло Германии только в XIV веке, и лишь к концу этого столетия бумагу стали выделять в достаточном количестве и достаточно дешево, чтобы книгопечатание могло стать действительно важной отраслью производства. После этого естественно и необходимо развилось книгопечатание, самое замечательное из изобретений, и умственная жизнь мира вступила в новый и значительно более интенсивный фазис своего развития. Раньше она представляла собой слабый ручеек, теперь же она разлилась широким потоком, увлекавшим в своем стремлении тысячи, а немного спустя уже десятки тысяч умов. Одним из непосредственных последствий введения книгопечатания было огромное распространение библии. Другим последствием было удешевление учебников. Грамотность стала быстро распространяться. Не только стало значительно больше книг на свете, но книги стало легче читать, а также и понимать. Вместо того, чтобы трудиться над неразборчивым текстом и затем ломать голову над его значением, читатель мог теперь беспрепятственно размышлять во время чтения.

С облегчением процесса чтения возросло число читателей. Книга перестала быть богато разукрашенной игрушкой или тайным достоянием схоластика. Начали писать также книги, которые средний человек мог бы свободно читать и рассматривать. Писали уже не по-латыни, а на общепринятом языке. Настоящая история европейской литературы начинается с XIV века. До сих пор мы имели дело только с влиянием сарацин на возрождение Европы. Посмотрим теперь, каковым оказалось влияние монгольских завоеваний. Они чрезвычайно расширяли географический кругозор европейцев и дали новые импульсы их воображению. Во время владычества великого хана между всей Азией и Западной Европой существовали свободные сношения; все пути были временно открыты для всех, и при дворе в Каракоруме появлялись представители всех наций. Установленные религиозной распрей христианства с исламом преграды между Европой и Азией были временно сняты. Папство возлагало большие надежды на обращение монголов в христианство. До того времени их религией было шаманство, примитивная форма язычества. При монгольском дворе папские нунции, буддийские священники из Индии, парижские, итальянские и китайские мастера, византийские и армянские купцы сталкивались с арабскими чиновниками, персидскими и индийскими астрономами и математиками. В истории слишком много говорится о походах монголов и о произведенных ими кровопролитиях и слишком мало – об их любознательности и

жажде учиться. Если не в качестве творческого народа, то в качестве проводников знания и научных методов монголы оказали огромное влияние на мировую историю. Все, что можно узнать о таинственной романтической личности Чингисхана или Хубилая, подтверждает то предположение, что они были не менее просвещенными и творческими монархами, чем блестящий, но эгоистичный Александр Македонский или энергичный, но невежественный богослов Карл Великий, потревоживший великие тени прошлого. Одним из интересных посетителей монгольского двора был некий венецианец Марко Поло, впоследствии написавший историю своих странствований. В 1272 году он отправился в Китай вместе с отцом и дядей, уже совершившими однажды это путешествие. Оба старших Поло произвели сильное впечатление на великого хана; они были первыми представителями «латинских народов», которых он видел. Он отпустил их с просьбой прислать ученых и учителей, которые могли бы объяснить ему сущность христианства, а также привезти из Европы различные вещи, возбуждавшие его любопытство. В путешествии, в котором сопровождал их Марко, старшие Поло вторично посетили монгольский двор. На этот раз все трое Поло направились через Палестину, а не через Крым, как в первом путешествии. При них был золотой ярлык и некоторые директивы великого хана, которые должны были им значительно облегчить путешествие. Великий хан просил их привезти ему немного масла от лампы, горевшей у гро-

ба господня в Иерусалиме, куда они сперва и направились, а затем через Киликию – в Армению. Они зашли так далеко на север потому, что в это время султан египетский совершал набеги на монгольские владения. Из Армении они преследовали через Месопотамию в Ормуз, расположенный на берегу Персидского залива, намереваясь далее ехать морем. В Ормузе они встретились с купцами из Индии. По какой-то причине они не сели на корабль, а вместо этого повернули вновь на север и поехали через Персидские пустыни. Миновавши Балх, они перевалили через Хотам и Лобнор, они добрались до долины Хуанхэ, и далее до Пекина. Там в это время находился великий хан, и они были приняты весьма радушно, Хубилаю особенно понравился Марко. Он был молод и умен, и вполне понятно, что ему всецело удалось овладеть татарским языком. Он получил официальную должность, и его неоднократно посылали с различными поручениями, преимущественно в юго-западные области Китая. Он немало рассказывал о необозримых просторах цветущей и счастливой страны, о прекрасных гостиницах для путешественников по всему пути, о великолепных виноградниках, полях и садах, о многочисленных монастырях буддийских монахов, о производстве шелковых тканей, золотой парчи и тончайшей тафты, о бесконечно ряде городов и селений и о многом другом. Эти рассказы сперва возбудили недоверие, а затем воспламенили воображение европейцев. Он рассказывал о Бирме, о ее великом войске с сотнями бо-

евых слонов, о том, как эти животные были перебиты монгольскими стрелками, а также о завоевании Пегу монголами. Он рассказывал также о Японии, сильно преувеличивая количество добываемого золота в этой стране. В течение 3-х лет Марко управлял городом Йанг-Хоу в сане губернатора, и, вероятно, казался китайскому населению не более чужеземцем, чем какой-нибудь татарин. Возможно, что его послали в качестве посла в Индию. Китайские летописи упоминают о некоем Поло, принадлежавшем в 1277 году к имперскому совету, что является ценным подтверждением общей правдивости повествования Поло. Опубликование путешествий Марко Поло произвело глубокое впечатление на европейцев. В европейской литературе, в особенности же в европейских романах XV века, нередко встречаются названия, заимствованные из сочинений Марко Поло, как, например, Китай (Северный Китай), Камбулак (Пекин) и т. п.

Путешествиями Марко Поло зачитывался два столетия спустя некий моряк из Генуи по имени Христофор Колумб, которого осенила блестящая идея – отправиться на запад к Китаю в кругосветное плавание. В Севилье хранится экземпляр путешествий Марко Поло с отметками на полях, сделанными рукой Колумба. Целый ряд причин побуждал мысль генуэзца работать в этом направлении. До турецкого завоевания (1453 г.) Константинополь представлял собою нейтральный рынок, место встречи западного мира с восточным, и генуэзцы вели там свободную торговлю. Но

«латинские» венецианцы, ожесточенные соперники генуэзцев, поддерживали турок в их борьбе с греками, и после завоевания его турками Константинополь стал враждебен генуэзской торговле. Давно позабытое знание шарообразности Земли постепенно вновь овладевало умами. Неизбежным выводом из этого была мысль добраться западным путем до Китая. Этому способствовали два обстоятельства. Компас был только что изобретен, и мореплавателям уже не приходилось зависеть от ясной погоды и ориентироваться по звездному небу для определения направления пути. Норманны, каталонцы, генуэзцы и португальцы пускались в плавания по Атлантическому океану и доплывали до Мадеры и до Канарских и Азорских островов. Однако, Колумбу пришлось преодолеть немало препятствий, пока, наконец, он достал корабли, необходимые для проверки на деле его идеи. Он посетил один за другим все дворы Европы. Наконец, в Гренаде, только что отвоеванной у мавров, он заручился покровительством Фердинанда и Изабеллы, и смог пуститься в плавание по неведомому океану на трех небольших кораблях. После 2-х месяцев и 9-ти дней плавания он приплыл в страну, которую он принял за Индию, но которая в действительности была новым материком, о существовании которого старый мир даже и не подозревал. Колумб возвратился в Испанию с грузом золота, хлопка, диких зверей и птиц и с двумя раскрашенными дикими индейцами, которых должны были окрестить. Назвал он их Индейцами, так как до

конца дней своих был убежден в том, что материк, открытый им, был Индией. Лишь по прошествии нескольких лет стали, наконец, понимать, что к владениям человечества прибавился целый новый континент – Америка. Успехи Колумба явились могучим стимулом к дальнейшим заморским плаваниям. В 1497 году португальцы объехали вокруг Африки и добрались до Индии, а в 1515 году португальские корабли появились у Явы. В 1519 году Магеллан, португальский моряк испанской службы, поплыл из Севильи на запад, имея в своем распоряжении 5 кораблей, из которых один, «Виктория», три года спустя, возвратился вверх по реке в Севилью. Это был первый корабль, совершивший кругосветное плавание, Из 260-ти, отплывших в 1519 году из Севильи моряков, уцелел только тридцать один человек. Сам Магеллан был убит на Филиппинских островах.

Печатные книги, новое представление о доступности всей Земли для человека, знакомство с новыми диковинными странами, растениями и животными и удивительными обычаями, заморские открытия, а также открытия в небесах и новые пути в строительстве жизни – весь этот бурный поток впечатлений хлынул в европейское сознание. Греческие классики, похороненные и забытые в течение долгих веков, наконец, воскресли. Их стали поспешно печатать и изучать. Творческие мечты Платона и благородные традиции эпохи республиканской свободы стали влиять на умы. Римское владычество впервые внесло законы и порядок в Западную

Европу; оно было восстановлено латинской церковью. Но под владычеством, как языческого, так и католического Рима, дух исследований и новшеств был ограничен и стеснен железной организацией. Теперь же владычество латинского духа приближалось к концу. В промежутке между XIII и XVI столетиями европейские арийцы, благодаря творческому влиянию семитов и монголов и вновь обретенным греческим классикам, порвали с латинскими традициями и поднялись в могучем умственном порыве, чтобы стать во главе интеллектуального и материального движения человечества.

Глава L. Реформация латинской церкви

Всеобщее духовное возрождение не могло не затронуть и латинской церкви. Она утратила свое единство, но то, что в ней уцелело, подверглось глубочайшему обновлению.

В предыдущих главах мы показали, как в XI и XII столетиях церкви чуть было не удалось достигнуть самодержавного владычества над всем христианским миром, и как в течение XIV и XV веков ее духовная и политическая власть постепенно ослабевала. Мы показали, как религиозный пыл народа, на котором прежде основывалось могущество церкви, впоследствии обратился против нее же, благодаря ее высокомерию, суровой централизации и нетерпимости, и далее, — каким образом скептицизм и коварство Фридриха II вызвали у монархов все возрастающий дух независимости и ослушания. Великая схизма привела почти к полному падению религиозного и политического престижа церкви. Новые революционные силы нахлынули на нее со всех сторон.

Учение англичанина Уиклифа широко распространялось по Европе. В 1398 году ученый чех Ян Гус прочел ряд лекций в Пражском университете об этом учении. Вскоре это учение, не ограничиваясь более образованными классами, проникло в массы и вызвало сильный народный энтузиазм. С

1414 года по 1418 г. в Констанце происходил вселенский собор, целью которого было положить конец великой схизме. Гус был приглашен на этот собор и, несмотря на обещание полной неприкосновенности, данное ему императором, был схвачен, предан суду по обвинению в ереси, сожжен заживо (1415 г.). Вместо того, чтобы внести успокоение в умы чехов, эта расправа повела к восстанию гуситов по всей стране, положившему начало религиозным войнам, которыми был отмечен упадок латинского христианства. Папа Мартин V, специально избранный в Констанце главой объединенного христианства, стал проповедовать крестовый поход против этого восстания.

Один за другим были предприняты пять крестовых походов против этого геройского маленького народа, и все они окончились неудачей. Все бездельники и головорезы Европы были брошены в XV столетии в Богемию, подобно тому, как в XIII в. их натравливали на вальденцев и альбигойцев. Но, в противоположность последним, чехи считали нужным оказывать вооруженное сопротивление. Крестоносцы богемского похода даже не приняли боя и бросились врассыпную с поля битвы, лишь слышали стук гуситских повозок и отдаленное пение солдат (сражение при Домажлицах, 1431 год). В 1436 году новый церковный собор в Базеле кое-как уладил дело с гуситами, причем были сделаны значительные уступки в вопросах, касавшихся латинского богослужения. В XV столетии ужасная чума вызвала большие неурядицы

в Европе. В простонародье наблюдался чрезвычайный рост нужды и недовольства, в Англии и во Франции происходили восстания крестьян против помещиков и богачей. После гуситских войн эти крестьянские восстания усилились, особенно в Германии, и приняли религиозный характер. На развитие их оказало значительное влияние изобретение книгопечатания. В середине XV столетия в Голландии и в Рейнских областях книги уже печатались при помощи подвижного шрифта. Оттуда это искусство проникло в Италию и Англию, где в 1477 году Кэкстон открыл в Вестминстере книгопечатню. Непосредственным результатом этого оказалось широкое распространение библии, что весьма способствовало росту критического духа в народе. Новый мир читателей нарождался в Европе, принимая небывалые размеры. Это внезапное обогащение всеобщего сознания новыми, ясными идеями и общедоступными знаниями как раз совпало со смутами и распадом церкви, которая вследствие этого даже не могла защитить себя как следует и была под угрозой нападения со стороны монархов, выжидавших случая вырвать у нее огромные богатства и земли, находившиеся в их государствах.

В Германии все недовольные церковью объединились вокруг личности бывшего монаха, Мартина Лютера (1483–1546 гг.), который в 1517 году стал выступать в Виттенберге на диспутах против различных ортодоксальных доктрин и обрядов. Вначале он, по обычаю схоластиков, вел свои де-

баты на латинском языке, но затем он обратился к новому оружию – печатному слову, и стал широко распространять свои взгляды в Германии среди народных масс. Была сделана попытка устранить его, подобно тому, как был устранен Гус, но условия сильно изменились под влиянием прессы; кроме того, у Лютера было слишком много тайных и явных друзей среди германских князей, чтобы его могла постигнуть такая участь. Дело в том, что в эту эпоху завоеваний мысли и упадка веры существовало немало монархов, которым было выгодно, чтобы порвались последние религиозные узы, соединявшие их народ с Римом. Они мечтали стать в своей стране во главе религии, придавши ей более национальный характер. Англия, Шотландия, Швеция, Норвегия, Дания, Северная Германия и Богемия одна за другой отпали от римско-католической церкви, с тем, чтобы никогда более не вернуться к ней. Все эти монархи весьма мало заботились о нравственной и умственной свободе своих подданных. Они готовы были использовать религиозные сомнения и восстания своего народа для укрепления своей позиции против Рима, но вместе с тем они старались наложить узду на народное движение, как только разрыв окончательно завершился и национальная церковь утвердилась под их контролем. Однако, учение Христа обладало особой жизненностью; оно взывало непосредственно к справедливости и человеческому достоинству независимо от рамок законности и повиновения светской или церковной власти. Все эти монархические церкви,

отколотившись от Рима, в то же время вызвали к жизни отдельные секты, не допускавшие вмешательства ни папы, ни монарха в свои отношения к богу. Так, например, в Англии и Шотландии возникли многочисленные секты, твердо придерживавшиеся библии и руководившиеся ею в своей жизни и религии. Они отказывались подчиниться государственной церкви. Таковы были английские нон-конформисты, сыгравшие немаловажную роль в XVII и XVIII веках в политической жизни страны. Их яростное неприятие над церковью светской власти привело их в конце концов к казни короля Карла I (1649 г.) после чего в течение одиннадцати лет Англией, ставшей республикой, управляли, к общему благополучию, нон-корформисты.

Отпадение значительной части Северной Европы от римско-католической веры обычно известно под названием Реформации. Однако потрясения и умственные брожения, сопровождавшие этот раскол, вызвали не менее глубокие изменения внутри римской церкви. Церковь была реорганизована, и в жизнь ее влился новый дух. Одной из самых значительных фигур этого возрождения был молодой испанский воин Иниго Лопец де Рекальде, более известный под именем св. Игнатия Лойолы. После бурной романтической молодости он принял священство в 1538 году и получил разрешение основать «братство Иисуса», представлявшее собой попытку использовать благородные рыцарские традиции и дисциплину в целях служения религии. Это братство Иисуса

или орден иезуитов стало одним из главных просветительных и миссионерских обществ во всем мире. Оно распространило христианство в Индии, Китае и Америке. Оно приостановило быстрое разложение римской церкви. Оно значительно подняло образование во всем католическом мире, оно повысило уровень развития католиков и пробудило их дремлющее самосознание; оно вызвало соревнование со стороны протестантской Европы в деле распространения образования. Мощная и агрессивно настроенная римско-католическая церковь наших дней в значительной мере является плодом обновления, произведенного иезуитами.

Глава LI. Император Карл V

Священная Римская империя достигла апогея своего развития в царствование Карла V, одного из замечательнейших монархов во всей европейской истории. В течение некоторого времени он был, казалось, самым выдающимся монархом после Карла Великого. Однако, величие его было создано не только им самим. В значительной мере Карл был обязан им деду своему, императору Максимилиану I (1459–1519 гг.). Некоторые семьи достигли могущества путем оружия, другие путем интриги; Габсбурги добились его с помощью удачных браков. Максимилиан в начале своей карьеры правил Австрией, Штирией, частью Эльзаса и другими наследственными владениями Габсбургов. Он вступил в брак с наследницей Нидерландов и Бургундии. После кончины первой его жены, он потерял большую часть Бургундии, но Нидерланды удержал за собой. После того он тщетно пытался путем брака получить Бретань. В 1493 году он стал императором, по смерти своего отца Фридриха III, и вторичным браком приобрел Миланское герцогство. В заключение он женил своего сына на слабоумной дочери Фердинанда и Изабеллы, покровителей Христофора Колумба, которые царствовали не только над недавно объединенной Испанией, Сардинией и королевством обеих Сицилий, но и над всей Америкой к западу от Бразилии. Таким образом, внук его Карл V унасле-

довал большую часть американского материка и около половины или трети всех стран Европы, не захваченных турками. В 1506 г. он наследовал Нидерландский престол. По смерти деда его, Фердинанда, он в 1516 году сделался фактически королем над всеми испанскими владениями, в виду слабоумия своей матери. Через год после смерти его другого деда, Максимилиана, Карл V в 1520 г. был избран императором, будучи всего двадцати лет от роду. Это был белокурый молодой человек с не особенно умным лицом, толстой верхней губой и длинным уродливым подбородком. Он оказался окруженным молодыми и энергичными людьми. Это была эпоха царствований целого ряда блестящих молодых монархов. Франциск I вступил в 1515 году юношей 21 года на французский престол, Генрих VIII стал восемнадцати лет от роду королем Англии (1509). В это же время правили в Индии Бабер (1526–1530) и в Турции Сулейман Великолепный (1520), оба чрезвычайно даровитые монархи; папа Лев X (1513) также был весьма выдающимся человеком. Как папа, так и Франциск I, пытались воспрепятствовать избранию Карла на императорский престол, ибо оба они опасались сосредоточения такой огромной власти в одних руках. Франциск I и Генрих VIII выставили свою кандидатуру на престол империи. Но за Габсбургами установилась уже вековая традиция, начиная с 1273 года, а, кроме того, умелые подкупы обеспечили избрание Карла. Вначале молодой человек был только блестящей игрушкой в руках своих ми-

нистров. Но постепенно он стал заявлять свои права и входить в дела. Он начал отдавать себе отчет в опасностях и трудностях, связанных с его высоким положением. Положение это было настолько же непрочным, насколько блестящим. С самого начала своего царствования ему пришлось считаться с положением, созданным в Германии, благодаря проповеди Лютера. Тот факт, что папа противился его избранию, побуждал императора стать на сторону приверженцев реформы. Но Карл был воспитан в Испании, самой католической из стран, и, после долгого обсуждения, он решил выступить против Лютера. Таким образом, он вступил в конфликт с протестантскими князьями, в частности с курфюрстом Саксонским. Он оказался лицом к лицу с расколом, которому предстояло разделить одряхлевшее христианство на два враждующих лагеря. Его попытки залечить эту рану остались безуспешными, несмотря на искренность и пылкость его желания. В Германии произошли значительные крестьянские восстания, внесшие еще большую смуту в общую политическую и религиозную неурядицу. Эти внутренние беспорядки осложнялись еще натиском, производимым, как с Запада, так и с Востока, на империю. С Запада на Карла нападал его ярый соперник, Франциск I; с Востока продолжали надвигаться турки, занявшие уже Венгрию: они были в союзе с Франциском и требовали уплаты каких-то остатков дани, не внесенных им Австрией. В распоряжении Карла находились испанские войска и деньги, но получить сколь-

ко-нибудь серьезную денежную поддержку со стороны Германии было чрезвычайно трудно. Его общественные и политические затруднения еще осложнялись финансовой неурядицей. Он был вынужден сделать разорительные займы. В общем Карл, в союзе с Генрихом VIII, успешно сражался с Франциском I и с турками. Театром войны был преимущественно север Италии. С обеих сторон военные действия развивались довольно вяло; как наступление, так и отступление зависело преимущественно от прибытия подкреплений. Германские войска ворвались во Францию, безуспешно пытались овладеть Марселем, возвратились в Италию, потеряли Милан и попали в осаду в Павии. Франциск I долго и безуспешно вел осаду Павии, был окружен свежими германскими войсками, разбит, ранен, и взят в плен. Однако, после этого папа и Генрих VIII, продолжавшие бояться, что Карл достигнет чрезмерного могущества, обратились против него. Германские войска в Милане, находившиеся под начальством коннетабля бурбонского, не получая жалованья, заставили своего начальника повести их на Рим. Они взяли город приступом и разграбили его (1527 г.). Папа нашел убежище в замке Святого Ангела, в то время, как на улицах города шла резня и грабеж. В конце концов он откупился от германских войск, выплатив им четыреста тысяч дукатов. Десять лет таких сумбурных войн повели к обеднению всей Европы. В конце концов, император оказался победителем в Италии. В 1530 году он был коронован папой в Болонье. Он

был последним из германских императоров, получившим такого рода венчание на царство. Тем временем турки быстро подвигались вперед в Венгрии. В 1526 году они разбили и убили короля венгерского, овладели Будапештом, а в 1529 году Сулейман Великолепный чуть было не взял Вену. Императора чрезвычайно беспокоили эти успехи турок и он делал все от него зависящее, чтобы отогнать их обратно, но ему было чрезвычайно трудно заставить германских князей объединиться даже под угрозой находившегося у их границы столь опасного врага. Франциск I некоторое время оставался непримиримым, и произошла новая война с Францией; но в 1536 году Карл, опустошивши юг Франции, заставил своего соперника стать на более дружественную позицию. После этого Франциск и Карл заключили союз против турок.

Однако, протестантские германские князья, решивши оторваться от Рима, образовали так называемый Шмалькальденский союз против императора, и, вместо того, чтобы предпринять важное дело отвоевания Венгрии для христианства, Карлу пришлось обратить свои силы на борьбу с внутренними неурядицами в Германии. В этой борьбе он видел только начало грядущих войн. Эта борьба представляла собой кровавые безумные междоусобицы князей, боровшихся за власть; междоусобицы эти то разгорались в разрушительные войны, то сводились к дипломатическим интригам; это было змеиное гнездо княжеских козней, которые должны были неизбежным образом продолжаться с перерывами до

самого XIX века, постоянно разоряя и опустошая Центральную Европу.

Император, кажется, никогда не понимал, что за силы действовали в этих бесконечных смутах. Для своего времени и занимаемого им положения он был человеком на редкость достойным и, кажется, принимал религиозные неурядицы, раздиравшие в то время Европу, за выражение подлинных теологических разногласий. Он созывал политические и церковные соборы, тщетно надеясь, что они приведут к примирению. Различные догматы и вероисповедания подвергались обсуждению. Тем, кто изучает историю Германии, приходится немало трудиться над подробностями Нюрнбергского религиозного мира, над постановлениями Регенсбургского собора, над Аугсбургским интеримом и т. д.

Мы здесь упоминаем обо всем этом, как о подробностях утомительной жизни этого выдающегося императора. В сущности говоря, вряд ли хоть один из многочисленных князей и правителей Европы в данном случае действовал искренне. Широко распространенные религиозные волнения, стремление простого народа к истине и социальной справедливости, все распространявшиеся знания – все эти факторы рассматривались коронованными дипломатами лишь как простые ставки в игре. Генрих VIII Английский, выступивший в начале своего царствования с книгой против ересей и получивший в награду за нее от папы звание «Защитника веры», желая впоследствии развестись с первой женой, чтобы вступить

в брак с молодой Анной Болейн и желая также ограбить богатейшую английскую церковь, в 1530 году присоединился к протестантским князьям. Швеция, Дания и Норвегия еще до того перешли на сторону протестантизма.

В Германии религиозные войны начались в 1546 году, через несколько месяцев после кончины Мартина Лютера. Мы не станем здесь входить в подробности этой борьбы. Протестантская саксонская армия потерпела жестокое поражение при Лохау. Филипп Гессенский, главный и самый закоренелый из противников императора, был взят в плен и посажен в темницу, благодаря приему, похожему на вероломство. От турок удалось отделаться обещанием ежегодной дани. В 1547 году, к великому облегчению императора, скончался Франциск I. Таким образом, к этому времени Карл добился некоторого успокоения и принялся изо всех сил наводить мир там, где мира быть не могло. В 1552 году вся Германия вновь находилась в состоянии войны: сам Карл спасся от плена лишь благодаря поспешному бегству из Инсбрука; в том же году в Нассау был заключен новый договор, приведший к новому неустойчивому равновесию.

Такова была в общих чертах политика императора Карла V в течение 32-х лет. Любопытно отметить, до какой степени европейцы были поглощены борьбой за преобладание в Европе. Ни турки, ни французы, ни англичане, ни немцы не проявляли еще никакого политического интереса к великому американскому континенту и не придавали значения но-

вым морским путям в Азию. Между тем, в Америке происходили крупные события: с горстью людей Кортес завоевал для Испании обширную неолитическую империю Мексику; Пизарро пересек Панамский перешеек (1530 год) и покорила другую страну чудес – Перу. Но в то время события эти имели для Европы значение лишь исключительного притока серебра в испанскую казну.

Лишь после заключения договора в Пассау Карл стал проявлять выдающуюся оригинальность своего нрава. Он потерял всякие иллюзии насчет своего императорского величия, сильно ему надоевшего. Им овладело чувство нестерпимого ничтожества всего этого соперничества в Европе. Он никогда не отличался особым здоровьем; по природе он был ленив и сильно страдал от подагры. Он отрекся от престола. Все свои верховные права в Германии он передал брату своему Фердинанду, власть же в Испании и Нидерландах уступил сыну своему Филиппу. После этого он стал жить, словно в великолепной темнице, в монастыре св. Юста, расположенном среди дубовых и каштановых рощ, в горах, к северу от долины Тахо. Там он и скончался в 1558 году.

Об этом уходе от мира величавого гиганта, утомленного мирской суетой, ищущего в суровом одиночестве примирения с богом, немало было написано в сентиментальном духе. Но в действительности обитель его была далеко не так сурова и одинока. При нем состояло до полутора десятков человек свиты; жизнь его протекала со всеми удобствами и роскошью коро-

левского двора, но вдали от его утомительных обязанностей; Филипп же был почтительным сыном, для которого советы отца являлись приказами.

Если Карл и утратил живой интерес к управлению европейскими делами, то его занимали дела, более ему близкие. Прескотт говорит («Добавления к истории Карла V Робертсона»): «В почти ежедневной переписке между Киксдой или Гацтелу и статс-секретарем в Вальядолиде нет почти ни одного письма, в котором не играл бы более или менее значительной роли вопрос о столе императора или о его болезни. Оба эти вопроса вечно следуют один за другим. Такого рода темы редко бывают предметом государственной переписки. Статс-секретарю было, вероятно, нелегко сохранять серьезность при просмотре депеш, в которых были так причудливо перемешаны политика и гастрономия. Курьеру, курсировавшему между Вальядолидом и Лиссабоном, приказано было делать крюк и заезжать по дороге в Жарандилью с тем, чтобы доставлять продукты к королевскому столу. По четвергам он должен был привозить рыбу, так как следующий день был постный. Форели, водившиеся по соседству, казались Карлу слишком мелкими, поэтому из Вальядолида ему присылались более крупные. Вообще ему нравилась всякая рыба и все родственное рыбе. В королевском меню важное место занимали угри, лягушки и устрицы. Карл пристрастился также к рыбным консервам, в частности, к анчоусам и жалел, что не привез их с собой в большом количестве

из Нидерландов. Особенное же пристрастие он испытывал к пирогу с налимом.

В 1554 году Карл получил от папы Юлия III буллу, освободившую его от соблюдения постов, и разрешавшую ему завтракать по утрам даже в те дни, когда ему предстояло причащаться.

Еда и лечение! Это было возвращение к элементарной жизни. Привычки к чтению Карл так и не приобрел, но он любил, чтобы ему читали вслух за столом, как это делалось при Карле Великом, причем он давал, по выражению одного летописца, “сладостные и божественные комментарии”. Он развлекался также заводными игрушками, слушанием музыки или проповедей, а также занятиями государственными делами, которые продолжали к нему поступать. Кончина императрицы, к которой он был очень привязан, направила его мысли в сторону религии, принявшей у него форму мелочной обрядности. В течение великого поста по пятницам, наравне с прочими монахами, он от избытка рвения бичевал себя до крови. Эти упражнения в соединении с подагрой дали проявиться свойственному Карлу фанатизму, который до того времени подавлялся по политическим соображениям. Когда поблизости от него в Вальядолиде появилось протестантское учение, он пришел в ярость. “Передайте от меня великому инквизитору и его советникам, чтобы они были начеку и с корнем вырвали зло прежде, чем оно успеет распространиться” ... Он высказывал предположение, что не

мешало бы, при наличии таких злодеяний, отклониться от обычного течения правосудия и не давать пощады, “чтобы преступник, будучи помилован, не имел возможности вновь впасть в преступление”. Он предлагал брать пример с его образа действий в Нидерландах, где всякий, кто упорствовал в заблуждении, был сожжен заживо, тем же, которые изъявляли раскаяние, отрубались головы.

Пристрастие его к похоронам весьма знаменательно для его места и роли в истории. Он словно интуитивно чувствовал, что нечто великое в Европе безвозвратно отошло в прошлое и нуждалось в погребении, что давно пора поставить заключительную точку. Он не только присутствовал при всех сколько-нибудь значительных похоронах, имевших место в Юсте, но, кроме того, заказывал заупокойные литургии по умершим в других местах; в годовщину смерти жены он служил панихиды, и, к довершению всего, он инсценировал свое собственное отпевание...

Часовня была увешана черными тканями и свет сотен восковых свечей еле-еле рассеивал тьму. Братия в монашеском одеянии и вся императорская челядь в глубоком трауре собрались вокруг огромного катафалка, стоявшего посреди часовни и также задрапированного черными тканями. Отслужили заупокойную мессу и посреди жалобных воплей монахов возносились молитвы за отлетевший дух, дабы он был допущен в обитель блаженных. Опечаленные приближенные заливались слезами, когда им представилась картина смер-

ти повелителя. Возможно, впрочем, что они испытывали жалость при виде такого печального проявления старческой слабости. Карл, завернувшись в темный плащ, с зажженной свечой в руках, смешался с толпой домочадцев и был, таким образом, свидетелем собственного отпевания. Печальная церемония окончилась тем, что император передал в руки священника зажженную свечу в знак того, что передает душу свою в руки всемогущего творца».

Спустя два месяца после этого маскарада он действительно умер. С ним вместе умерло кратковременное величие Священной Римской Империи. Его королевство было разделено между его братом и сыном. Священная Римская Империя, правда, просуществовала до времен Наполеона I, но ее песенка была уже спета. Ее традиции, однако, живы еще и до сих пор и продолжают отравлять политическую атмосферу.

Глава II. Век политических экспериментов, великой монархии, парламентаризма и республик в Европе

Латинская церковь была сломлена, Священная Римская Империя переживала крайний упадок. История Европы с самого начала XVI столетия является историей народов, охваченных поиском в мраке новые способы управления, более соответствующие новым условиям жизни. В древнем мире в течение долгих веков, хотя и сменялись династии и даже правящие народы и языки, тем не менее, власть монарха и религии оставалась весьма устойчивой и еще более устойчивыми были формы жизни. В новой Европе, начиная с XVI столетия, смены династий не имели значения, но центр тяжести всей истории заключался в новых все развивавшихся попытках политического и социального устройства.

Политическая история мира, начиная с XVI столетия, представляет, как мы уже сказали, попытку человечества, в значительной мере инстинктивную, применить новые политические и социальные теории к вновь возникшим условиям жизни. Попытка проведения всего этого в жизнь осложнялась еще тем фактом, что сами условия менялись все с

большой и большой быстротой. Практические осуществления, будучи плохо осознанными и почти всегда нежелательными (ибо люди обычно ненавидят перемены), все более и более отставали от изменявшихся условий жизни. Начиная с XVI столетия, история человечества становится историей политических и социальных форм, которые делаются все более и более непригодными, неудобными и стеснительными, историей постепенного осознания необходимости в обдуманной перестройке всех человеческих отношений перед лицом новых потребностей и возможностей, идущих вразрез со всем опытом прошлого.

Каковы же были эти перемены в условиях человеческой жизни, которые нарушили то равновесие империи и церкви и тот ритм жизни крестьянина и торговца, которые нарушались лишь периодическими благотворными нашествиями варваров и которые бессменно царили в старом мире в течение более ста веков?

Эти перемены были разнообразны и многочисленны, ибо человеческие дела всегда многообразны и сложны. Однако, причина важнейших перемен заключалась, по-видимому, в развитии и распространении знания природа мира. Это знание было сперва в руках немногих интеллигентных людей; но, начавши распространяться, особенно за последние 500 лет, все в более и более широком масштабе, оно сделалось, наконец, достоянием народа.

Немалая перемена произошла также в условиях жизни,

благодаря общему глубокому изменению всего ее духа. Эта перемена совершалась в тесной связи и параллельно с ростом и распространением просвещения. Обычные элементарные потребности и удовольствия прежней жизни перестали удовлетворять большинство, и появилось стремление к широкой общественной жизни. Таковы были свойства всех великих религий, распространившихся по всему миру за последние двадцать с лишком столетий, а именно – буддизма, христианства и ислама. Они действовали на человеческой дух совсем иным образом, чем прежние религии. Это были силы совершенно отличные по характеру своему и проявлению от старых религий фетишизма, кровавых жертв, жрецов и храмов, установления которых они частью изменили, а частью заменили новыми. Они постепенно развили в индивиду чувство собственного достоинства, сознание своей ответственности и соучастия в общем деле человечества, отсутствовавшее у народов более древних цивилизаций.

Первым важным нововведением в политической и общественной жизни было упрощение и более широкое распространение письменности в древних цивилизациях, что сделало практически неизбежными более обширные государства и более широкий политический кругозор. Следующим шагом вперед было использование лошади, а затем и верблюда, как средства передвижения, введение в употребление колесных экипажей, распространение дорог и усиление в военном отношении, вызванное открытием железной руды. За-

тем последовали глубокие экономические потрясения, связанные с введением металлических денег и глубокой переменой в самой природе долговых обязательств, собственности и торговли, вызванной этим удобным, но опасным средством. Государства расширяли свои границы и усиливались, и умственный кругозор человечества расширялся в соответствии с новыми условиями жизни. Исчезали местные божества, наступал век теократии и проповеди великих мировых религий. Появились впервые написанные, критически обработанные история и география, человек впервые осознал свое глубокое невежество и впервые приступил к систематическому приобретению знаний. На некоторое время развитие науки, так блестяще начавшееся в Греции и Александрии, было прервано. Нашествия тевтонских варваров, наступление монголов на запад, лихорадочная ломка и переустройство религиозной жизни и страшная чума – все это создавало непрерывную напряженность в политической и социальной жизни. Когда цивилизация вновь расцвела, по окончании этого периода войн и беспорядков, рабство перестало уже быть основой экономической жизни. Первые бумажные фабрики готовили новые средства коллективной информации и работы печати. Постепенно то там, то здесь стали возобновляться научные изыскания, и систематический прогресс науки пошел своим ходом.

Неизбежным побочным результатом систематического мышления был все увеличивающийся ряд открытий и изоб-

ретений, появившихся с XVI века и способствовавших взаимному общению и совместной работе людей. Они все вели к расширению поля деятельности, увеличивали общую сумму пользы и вреда в мире и вызывали усиленное сотрудничество людей. Изобретения появлялись все чаще и чаще. Человеческий ум не был еще подготовлен к такого рода явлениям. До великих катастроф, разразившихся в начале двадцатого столетия и ожививших умственную жизнь человечества, историку почти не приходится говорить о каких-либо рациональных попытках овладеть новыми условиями, созданными могучей волной изобретений. История человечества за последние четыре века напоминает состояние заключенного, который бессмысленно и беспокойно мечется во сне в то время, как в его тюрьме вспыхивает пожар. Он не просыпается, но треск и жар пламени переплетаются в его мозгу со старыми беспорядочными сновидениями. Это далеко не история человека бодрствующего, сознательно идущего навстречу опасностям и случайностям.

С тех пор, как история перестала быть историей отдельных лиц, а сделалась историей человеческих обществ, большая часть изобретений неизбежно имеет своим предметом облегчение взаимного общения. К числу наиболее значительных явлений XVI века следует отнести появление печатных книг и мореходных парусных судов, пользовавшихся только что изобретенным морским компасом. Первое удешевило, распространило и внесло переворот в дело просвеще-

ния, облегчило общественную информацию, обмен мыслями, а также и политическую деятельность в ее самых основных проявлениях. Второе объединило весь мир. Но почти такое же большое значение имело сильно развившееся применение пороха и усовершенствование огнестрельного оружия, впервые принесенных на запад монголами в VIII столетии и уничтоживших неприступность баронов в их замках и укрепленных городах. Ружья и пушки смели с лица земли феодализм. Константинополь пал под огнем орудий. Мексика и Перу сдались из страха перед испанскими ружьями.

Семнадцатый век был свидетелем систематического развития научных изысканий, может быть, не столь заметного, но в конечном итоге чрезвычайно важного явления. Наиболее видным из вождей этого великого прогрессивного движения был Фрэнсис Бэкон (1561–1626 гг.), впоследствии лорд Веруламский, лорд-канцлер Англии. Он был учеником и, пожалуй, рупором другого англичанина, доктора Гильберта, философа экспериментального направления из Кольчестера (1540–1603 гг.). Этот второй Бэкон, подобно первому, проповедовал необходимость наблюдения и опыта и воспользовался вдохновляющей и благодарной формой романа-утопии, чтобы выразить в своей «Новой Атлантиде» мечту о великом служении науки человечеству.

Почти одновременно с этим возникло Лондонское королевское общество, Флорентинское общество и позднее другие национальные общества для поощрения научных иссле-

дований, печатания научных трудов и обмена научными сведениями. Эти европейские научные общества сделались источником не только бесчисленных изобретений, но также и уничтожающей критики нелепой ортодоксальной истории мира, господствовавшей в течение многих столетий и оказывавшей пагубное влияние на человеческую мысль.

Ни семнадцатый, ни восемнадцатый века не дали нововведения, внесшего такой переворот в условия человеческой жизни, как книгопечатание и мореходство, но в течение этих двух столетий происходило безостановочное накопление знаний и научной энергии, которые должны были принести богатые плоды в девятнадцатом столетии. Продолжались исследования земного шара и составлялись его точные карты. Тасмания, Австралия и Новая Зеландия появились на карте. В Великобритании в XVIII веке кокс стал применяться в металлургии, что привело к значительному удешевлению железа и к возможности выплавки чугуна и употребления его в гораздо более широких размерах, чем раньше, когда его приходилось плавить на древесном угле. Появились проблески новейшего машиностроения.

Подобно деревьям в сказочном городе, наука приносит одновременно и непрерывно и почки, и цветы, и плоды. С наступлением XIX столетия, начался подлинный расцвет науки, с тех пор никогда не прекращавшийся. Сначала появились пар, сталь, железные дороги, большие пароходы, громадные мосты и здания, машины почти беспредельной мо-

щи, возникла возможность широкого удовлетворения всех материальных потребностей человека, а затем ему открылся еще более чудесный скрытый клад науки об электричестве...

Мы сравнили политическую и общественную жизнь человечества, начиная с XVI столетия, с состоянием лежащего и спящего узника в охваченной пламенем тюрьме. В XVI столетии европейцы все еще носились с мечтой о Латинской Империи, объединенной под знаменем католической церкви. Но, подобно иррациональному началу нашей природы, иногда настойчиво вторгающемуся в наши сны и вносящему в них невообразимую путаницу, в эти сны человечества врываются внезапно впечатления о сонном лице и жадном желудке императора Карла V, в то время, как единство католицизма уже было сокрушено Генрихом VIII Английским и Лютером.

В XVII и XVIII столетиях стали мечтать о единоличной монархии. История почти всей Европы в течение этого периода говорит нам о целом ряде попыток укрепить монархию, сделать ее абсолютной и распространить ее власть на более слабые соседние страны, и в то же время – о непрестанном сопротивлении вмешательствам и притязаниям монарха со стороны землевладельцев, а затем, с развитием внешней торговли и отечественной промышленности, и со стороны все усиливающегося торгового и финансового класса. Окончательной победы еще нет ни на той, ни на другой стороне: то король берет верх, то крупные собственники одолевают его.

В одном случае мы видим, как король становится центром и Солнцем своего национального мира, в то время, как близ его границ смелое торговое сословие отстаивает республику. Такие огромные различия в политическом настроении доказывают, до какой степени временным и местным явлением были все разнообразные правительства того времени.

Довольно обычной фигурой в этих национальных драмах является королевский министр (в католических странах это нередко прелат), который прячется за спину короля, служит ему и правит им, благодаря оказываемым ему неоценимым услугам.

Размеры настоящего труда не позволяют нам остановиться на всех подробностях этих национальных драм. Торговый народ Голландии принимает протестантство, образует республику и свергает короля Филиппа II испанского, сына императора Карла V. В Англии Генрих VIII и его министр Уэльслей и королева Елизавета со своим министром Бэрли заложили основы абсолютизма, который был, однако, сокрушен безумием Якова I и Карла I. Последний был обезглавлен за измену своему народу в 1649 г., и этот факт знаменует собой новый поворот в политическом мышлении Европы. В течение, приблизительно, двадцати лет до 1660 г. Англия была республикой. Положение монарха, заслоненного парламентом, оставалось крайне шатким до тех пор, пока Георг III (1760–1820) не сделал смелой и отчасти удачной попытки восстановить свои верховные права. С другой сторо-

ны, французскому королю больше всех европейских королей удалось укрепить и возвысить монархию. Два великих министра – Ришелье (1585–1642); и Мазарини (1602–1661) – укрепили власть монарха во Франции. Особенно же способствовало этому долгое царствование и недюжинные способности короля Людовика XIV, «великого монарха» (1643–1715).

Людовик XIV был действительно образцовым европейским королем. В своем роде он был необычайно способным королем; его честолюбивые стремления простирались дальше его низменных страстей. Он вел свою страну к полному банкротству путем сложной и смелой иностранной политики с умелостью и достоинством, и теперь еще вызывающими восхищение. Его ближайшим стремлением было укрепить Францию, расширить ее границы до Рейна и Пиренеев и присвоить себе испанские Нидерланды. В затаенных же своих мечтах он видел французских королей преемниками Карла Великого на престоле возрожденной Священной Римской Империи. Он сделал подкуп политическим государственным методом, играющим более важную роль, чем война. Карл II английский был на его содержании, равно как и большинство польской знати, о которой будет речь впереди. Его деньги, или, вернее, деньги французских податных классов, расходились по всей Европе. Но главное внимание он обращал на блеск и величие. Его блестящий дворец в Версале, с его салонами, коридорами, зеркалами, террасами, фонтанами, пар-

ками и аллеями, был предметом зависти и восхищения всего мира.

Он вызывал всеобщее подражание. Каждый король и князек в Европе строил свой собственный Версаль с такою роскошью, какую только позволяли ему его средства и имущественное состояние его подданных. Повсюду знать перестраивала свои замки по новому образцу. Широко развилась фабрикация мебели и изящная архитектура.

Процветали искусства, служившие роскоши и наслаждению, художественные изделия из алебастра и фарфора, позолоченные деревянные изделия, металлические изделия, тиснение по коже, широко распространенная музыка, великолепная живопись, прекрасные издания и переплеты, изящная посуда и тонкие вина. В этой блестящей обстановке среди зеркал и позолоты жила особая порода людей. Это были «кавалеры» в высоких напудренных париках, в шелковых камзолах и обуви со шнуровкой, на высоких красных каблучках, опиравшиеся на причудливые трости; и еще более удивительные «дамы», под башней напудренных волос, в широчайших шелковых и атласных платьях на проволочных обручах. Среди всей этой знати красовался великий Людовик, Солнце своего мирка, не замечая изможденных и озлобленных лиц, смотревших на него из мрака тех низов, куда не проникали лучи его сияния.

Германский народ оставался политически разъединенным во все это время монархий и производящих опыты пра-

вительств, и значительное число герцогств и княжеских дворов в различном масштабе подражало блеску Версаля. Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.), эта разрушительная потасовка немцев, шведов и чехов из-за преходящих политических преимуществ, истощила силы Германии на целое столетие. Карта Европы после Вестфальского мира (в 1648 г.) наглядно показывает, к какой воплощенной бессмыслице привела эта война. Это какая-то смесь княжеств, герцогств, свободных государств и т. д., находящихся иногда частью внутри, частью же вне империи. Шведские владения забрались далеко вглубь Германии, и, за исключением нескольких островков владений внутри имперских границ, Франция была еще далеко от Рейна. Среди этой мозаики Пруссия, ставшая королевством в 1701 г., приобретала все большее значение после целого ряда успешных войн. Фридрих Великий Прусский (1740–1786 гг.) имел свой Версаль в Потсдаме, где двор его говорил по-французски, читал французскую литературу и соперничал с французской придворной культурой.

В 1714 году курфюрст Ганноверский сделался королем Англии, и, таким образом, прибавилось еще одно государство к числу многих других, находившихся наполовину внутри и наполовину вне империи.

Австрийская линия преемников Карла V сохранила императорский титул; испанская линия удерживала Испанию. Но вот появился новый император на Востоке. После падения Константинополя в 1453 г., великий князь москов-

ский, Иван Великий (1462–1505 гг.), объявил себя наследником Византийского трона и поместил в своем гербе византийского двухглавого орла. Его внук, Иван IV, Грозный (1533–1584 гг.), принял императорский титул кесаря (царя). Но лишь во второй половине XVII столетия Россия перестала казаться европейцам далекой и азиатской страной. Царь Петр Великий (1682–1725 гг.) вывел Россию на арену западной политики. Он построил новую столицу для своей империи, Петербург на Неве, который сыграл для России роль окна в Европу, и он обзавелся собственным Версалем в Петергофе, в восемнадцати верстах от Петербурга, пригласив французского архитектора, который устроил террасу, фонтаны, каскады, картинную галерею, парк, словом все, что подобало великому монарху. В России, как и в Пруссии, французский язык сделался придворным языком.

Неудачно расположенное между Австрией, Пруссией и Россией королевство польское, плохо организованное государство крупных земельных собственников, чересчур оберегавших свою личную независимость, чтобы предоставить хоть сколько-нибудь реальную власть избираемому ими монарху, – было обречено на раздел между тремя соседями, несмотря на усилия ее союзницы Франции сохранить ей независимость. Швейцария в то время представляла собой группу республиканских кантонов; Венеция была республикой; Италия, подобно Германии, была разделена между мелкими герцогами и князьями. Папа правил, как монарх, в

папских областях, теперь уже сильно опасаясь потерять верность остальных католических монархов: он не рисковал уже вмешиваться в отношения между ними и их подданными и не заикался об общехристианской державе. В самом деле, в Европе не сохранилось никакой единой политической идеи, Европа увлекалась в сторону все большего разъединения и разобщенности.

Все эти монархи и республики только и думали, как бы увеличить свои владения за счет соседа. Каждый из них вел «инострannую политику», агрессивную по отношению к соседям, и стремился к агрессивным союзам. Мы, европейцы, переживаем в настоящее время последнюю стадию этого периода разношерстных самодержавных государств и все еще страдаем от порожденной ими ненависти, вражды и подозрительности. История этого времени все более запутывается и мельчает, вырождаясь в мелкие интриги и сплетни, становясь все более бессмысленной и скучной для современного человека. То и дело говорится о том, как одна война была вызвана любовницей короля, как соперничество между двумя министрами вызвало другую. Все эти сплетни, взяточничество и соперничество вызывают отвращение во всяком здравомыслящем человеке. Самым постоянным и замечательным явлением эпохи было широкое распространение книг, появление новых изобретений, не взирая на многочисленные препятствия. Восемнадцатый век видел появление литературы, глубоко скептически и критически настроенной

по отношению к дворам и политике того времени. В такой книге, как «Кандид» Вольтера, просвечивает чувство бесконечной усталости от хаоса европейской жизни.

Глава LIII. Новые империи европейцев в Азии и за океаном

В то время, как Центральная Европа пребывала в состоянии такого разъединения и хаоса, западные европейцы, в особенности голландцы, скандинавские народы, испанцы и португальцы, французы и британцы, перенесли арену своей борьбы за океан и раскинули ее по всему миру. Книгопечатание вызвало в политической мысли Европы сильное, но довольно неопределенное вначале брожение; другое великое нововведение – океанское парусное судно – неизбежно побуждало европейцев исследовать отдаленнейшие пределы морей.

Первые заокеанские поселения голландцев и европейцев с северного побережья Атлантического океана возникли не в целях колонизации, но в целях торговли и разработки копей. Пионерами в этом отношении были испанцы; они претендовали на господство над всем новооткрытым американским миром. Однако очень скоро потребовали своей доли и португальцы. Папа разделил новый континент между этими двумя пионерами, отдав португальцам Бразилию и все остальные земли к востоку от полосы, лежащей на 370 миль западнее островов Зеленого мыса; все остальное получила Испания (1494). Это было одним из последних актов Рима,

как владыки мира. Португальцы в то время предпринимали также заокеанские экспедиции на юг и на восток. В 1497 г. Васко да Гама доплыл от Лиссабона до Занзибара, объехав мыс Доброй Надежды, а затем и до Калькутты в Индии. В 1515 г. португальские корабли появились на Яве и на Молуккских островах; португальцы высадились и выстроили укрепленные города и торговые пункты вдоль всего побережья Индийского океана: Мозамбик, Гоа и два более мелких владения в Индии, а, кроме того, часть Тимора находилась тогда во власти португальцев.

Народы, лишённые папским постановлением прав на Америку, обращали мало внимания на права Испании и Португалии. Англичане, датчане и шведы, а вслед за ними и голландцы вскоре предъявили свои права в Северной Америке и Западной Индии, и даже его католическое величество, король Франции, так же мало обращал внимания на папский указ, как любой протестант. Европейские войны захватили эти заокеанские владения.

В течение долгого времени англичане имели наибольший успех в этой борьбе за заокеанские владения. Датчане и шведы были слишком глубоко втянуты в сложные дела Германии, чтобы снаряжать серьезные экспедиции за океан. Швеция была истощена на германских полях сражений по вине своего блестящего короля Густава-Адольфа, протестантского «Северного Льва». Голландцы завладели теми незначительными поселениями, которые принадлежали шведам в

Америке, но они были в слишком близком соседстве с агрессивной Францией, чтобы отстоять свои владения от нападения Британии. Главными соперниками империи на Дальнем Востоке были британцы, голландцы и французы, а в Америке – британцы, французы и испанцы. Англичане имели большое преимущество перед остальной Европой, а именно – водную границу, «серебряную нить» английского канала. Традиции латинской империй связывали ее менее всего.

Франция всегда была слишком поглощена европейскими делами. В течение всего XVIII века она использовала уже все возможности расширения границ, как на Западе, так и на Востоке, стремясь возобладать над Испанией, Италией и германским хаосом. Религиозные и политические раздоры в Англии в XVII столетии заставили многих англичан искать себе постоянного приюта за океаном. Эти поселенцы прокладывали в Америке пути, увеличивались в количестве и усиливались, и это давало Англии большие преимущества в борьбе за американские владения. В 1756 и 1760 гг. Франция вынуждена была уступить Канаду Англии и ее американским колонистам, и несколько лет спустя британская торговая компания всецело возобладала над французами, голландцами и португальцами на Индийском полуострове. Великая монгольская империя Бабура, Акбара и их преемников уже сильно склонялась к упадку, и история ее фактического завоевания лондонским торговым обществом, Британской Ост-Индской Компанией, является одним из самых

необычайных эпизодов во всей истории завоеваний.

Эта Ост-Индская Компания в период своего образования при королеве Елизавете ничем не отличалась от любой компании морских авантюристов. Шаг за шагом она была вынуждаема снаряжать отряды и вооружать свои корабли. И вот это торговое общество, с его традиционными приемами наживы, стало не только торговать пряностями, красками, чаем и драгоценными камнями, но также распоряжаться доходами князей, их владениями и судьбами Индии. Оно явилось в Индию, чтобы покупать и продавать, а стало заниматься невероятным хищничеством. Не было никого, кто воспротивился бы его образу действий. Удивительно ли, что его капитаны и командиры, чиновники и даже приказчики и простые солдаты возвращались в Англию нагруженные добычей?

Люди в таких обстоятельствах, когда их произволу представлена большая и богатая страна, не могут точно установить, что они должны и чего не должны делать. Это была чужая страна для них, озаренная чужим Солнцем. Ее бронзовое население казалось им чужой расой, которой они не могли симпатизировать. Ее таинственные храмы с их жрецами поддерживали фантастические формы жизни. В Англии люди удивлялись, когда эти генералы и чиновники по возвращении выступали с тяжкими обвинениями друг против друга в вымогательствах и жестокостях. В отношении Клайва парламент издал указ о предании его суду. Он по-

кончил с собой в 1774 г. В 1788 г. Уоррен Гастингс, другой крупный администратор в Индии, был предан суду и оправдан (в 1792 г.). Это было странное положение дел, не имевшее себе прецедентов в мировой истории. Английский парламент управлял лондонским обществом, которое, в свою очередь, властвовало над государством, более обширным и гораздо более населенным, чем все владения английской короны. Для большинства англичан Индия была отдаленной, фантастической, почти недосыгаемой страной, куда отправлялись молодые бедняки-авантюристы с тем, чтобы вернуться через много лет весьма богатыми, холерическими стариками. Англичанам было трудно представить себе жизнь этих бесчисленных миллионов темнокожих людей под лучами восточного Солнца. Воображение их не справлялось с такой задачей. Индия оставалась каким-то романтическим вымыслом, и поэтому англичане не могли получить о ней точного представления и контролировать деятельность компании.

В то время, как западно-европейские государства воевали из-за этих фантастических царств на всех океанах мира, в Азии произошли два крупных завоевания. Китай сверг монгольское иго в 1360 г. и процветал под управлением великой туземной династии Мин до 1644 г. Затем манчжуры, другой монгольский народ, вновь завоевали Китай и владели им до 1912 года. В то же время и Россия продвигалась на восток и достигла крупного значения в мировой политике. Развитие этого громадного центрального государства старого света, не

примыкающего целиком ни к Востоку, ни к Западу, имеет важнейшее значение для судеб человечества. Своим расширением оно в значительной мере обязано казакам, христианам-степнякам, которые послужили барьером между феодальным земельным дворянством Польши и Венгрии на западе и татарами на востоке. Казаки были представителями нецивилизованного востока Европы и во многих отношениях напоминали диких обитателей запада Соединенных Штатов в середине XIX века. Все, кому грозило преследование в России: преступники, невинно преследуемые, взбунтовавшиеся крепостные, религиозные сектанты, воры, бродяги, убийцы – искали убежища в южных степях, и отсюда начинали борьбу за жизнь и свободу одинаково против Польши, России и татар. Несомненно, что беглецы, теснимые татарами по направлению к востоку, также примешивались к казачеству. Постепенно этот окраинный народ был привлечен к русской государственной службе, подобно тому, как горные кланы Шотландии были превращены британским правительством в регулярные полки. Им предоставлены были новые земли в Азии. Они сделались оплотом государства против монгольских кочевников, могущество которых ослабевало, и действовали сначала в Туркестане, а затем пробрались в Сибирь и дошли до Амура.

Ослабление монгольского натиска в XVII и XVIII веках трудно объяснить. В течение двух или трех столетий со времен Чингисхана и Тамерлана период господства Централь-

ной Азии над миром сменился состоянием полного политического упадка. Перемены, происшедшие в климате, беспримерная по силе чума, эпидемии малярии – все это должно было, конечно, способствовать упадку народов Средней Азии, который, может быть, в обще-мировом масштабе является только временным отступлением.

Некоторые авторитеты полагают, что распространение буддийского учения из Китая также умерило их воинственный пыл. Как бы то ни было, с XVI столетия монгольские татары и турецкие народы перестали победоносно продвигаться вперед, а, наоборот, были отброшены назад и покорены, как христианской Россией с запада, так и Китаем с востока. В течение всего XVII столетия казаки распространялись на восток от Европейской России и расселялись всюду, где только находили пахотные земли. Кордоны крепостей и станиц составляли подвижную границу этих поселений на юге, где туркмены были сильны и воинственны, но с северо-востока Россия не имела больше границ, так как она протянулась до самого Тихого океана.

Глава LIV. Американская война за независимость

Таким образом, третья четверть восемнадцатого века дает нам замечательную и быстро изменяющуюся картину Европы в состоянии глубокого внутреннего раздора и все еще не объединенной никакой политической или религиозной идеей. В то же время книгопечатание, печатные географические карты и развитие океанского плавания – все это давало мощные толчки человеческой фантазии и создало для европейцев возможность после ряда беспорядочных столкновений захватить морские берега всего мира. Это было бессистемное, неорганизованное проявление кипучей энергии, обусловленное временным и, в высшей степени, случайным преимуществом европейцев перед остальным человечеством. В силу этих преимуществ, новый и в значительной мере безлюдный американский континент был населен, главным образом, выходцами из Западной Европы, а Южная Африка, Австралия и Новая Зеландия еще ждали своей очереди, чтобы дать приют массе европейского населения. Двигателем, побуждавшим Колумба отыскивать берега Америки, а Васко да Гама – берега Индии, был все тот же неизменный стимул всех мореплавателей всех времен – торговля. Но в то время, как на густо населенном и производительном востоке

торговля продолжала быть главным мотивом и европейские поселения оставались торговыми поселениями, откуда обитатели – европейцы – надеялись вернуться на родину, чтобы там истратить свои деньги, европейцы в Америке, имея дело с населением, стоящим на гораздо более низкой ступени экономического развития, оставались там по совершенно иным побуждениям, а именно, чтобы искать золото и серебро. Европейцам приходилось отправляться в Америку не только в качестве вооруженных купцов, но и в качестве пионеров, рудокопов, сырьепромышленников, а в скором времени и плантаторов. На севере они добывали шкуры. Горные работы и плантаторство требуют оседлости. Они вынуждают людей строить постоянные заокеанские поселения. Наконец, в некоторых случаях подобно тому, как английские пуритане в начале XVII века отправлялись в Новую Англию, чтобы избежать религиозных гонений, как в XVIII веке Оглеторп отправлял заключенных долговой тюрьмы в Георгию, и как в конце XVIII века голландцы посылали сирот на мыс Доброй Надежды, – европейцы стали добровольно переплывать океан, чтобы найти в Америке новые лучшие места жительства. В XIX столетии, в особенности же с появлением пароходов, поток европейской эмиграции в новые незаселенные земли Америки и Австралии достиг за несколько десятилетий размера великих переселений.

Таким образом, за океаном выросло постоянное население европейцев, и европейская культура была насаждена на

гораздо более обширном пространстве, чем то, на котором оно развилось. Эти новые общины, принесшие с собой уже готовую цивилизацию в новые страны, разрастались незаметно и без всякого плана. Европейские державы не предвидели этих поселений и даже не выяснили своего отношения к ним. Политики и министры Европы продолжали смотреть на них, как на стоянки экспедиций, преимущественно как на источники доходов, как на свои «владения» и «колонии», еще долгое время после того, как в их населении развилось смелое сознание своей независимости. Они все еще относились к ним, как к беспомощным детям матери-родины, в то время, как местное население давно уже расселилось вглубь страны, вне досягаемости для какой бы то ни было карательной экспедиции.

Причиной этого было следующее обстоятельство: как нам известно, по крайней мере, до половины XIX века единственным связующим звеном между Европой и этими заокеанскими странами были океанские парусные суда. На суше самым лучшим средством сообщения была лошадь, и внутренняя связанность и единство политической системы на суше были ограничены теми пределами, которые были доступны сообщению на лошадях.

И вот в конце третьей четверти восемнадцатого века две трети Северной Америки находились под властью британской короны. Франция покинула Америку. За исключением Бразилии, принадлежавшей Португалии, и одного или

двух мелких островов и владений, принадлежавших французам, англичанам, датчанам и голландцам, Флорида, Луизиана, Калифорния и вся Южная часть Америки были в руках испанцев. Британские колонии к югу от Мэна и озера Онтарио первые показали всю невозможность при помощи одних парусных судов держать заокеанское население в границах единой политической системы. Эти британские колонии были весьма разнородного состава и происхождения. Там были французские, шведские и датские поселения наравне с британскими, имелись британские католики в Мэриленде и британские ультра-протестанты в Новой Англии, и в то время, как жители Новой Англии обрабатывали собственную землю и отрицали рабовладительство, британцы в Виргинии и на юге были плантаторами, применявшими труд все увеличивавшихся в числе рабов-негров, привезенных из Африки. В таких штатах, конечно, не могло быть естественного единства. Попасть из одного штата в другой – значило совершить океанское путешествие, вряд ли менее утомительное, чем переезд через Атлантический океан. Но политическое единство, которого не дали британским американцам различие их происхождения и природных условий, было навяzano им тупостью и эгоистичностью британского правительства. Они были обложены налогами и не имели права голоса в вопросе о расходовании их. Торговля их была принесена в жертву британским интересам. Высоко доходная торговля рабами поддерживалась британским правительством,

несмотря на оппозицию виргинцев, которые, хотя и согласны были держать рабов и пользоваться их трудом, однако боялись быть задавленными чрезмерным количеством чернокожих дикарей.

Англия в это время шла по пути усиления монархии, и Георг III (1760–1820 гг.) своим упрямством немало содействовал возникновению борьбы между метрополией и колониальными властями.

Конфликт усилился, когда проведен был закон, дававший льготы Лондонской Ост-Индской компании за счет американских кораблевладельцев. Груз чая с трех кораблей, ввезенный при только что введенных условиях, был выброшен за борт в Бостонской гавани группой людей, переодетых индейцами (1773 г.). Война началась в 1775 г., когда британское правительство попыталось арестовать двух американских вождей в Лексингтоне, близ Бостона. Первые выстрелы в Лексингтоне были сделаны британцами. Первая битва произошла в Конкорде.

Так началась война за независимость, хотя колонисты в течение года с лишним избегали всячески разрыва отношений с отчизной. Лишь в середине 1776 года конгресс восставших штатов выпустил «Декларацию независимости». Джордж Вашингтон, прошедший, подобно другим вождям колонистов, военную школу в войнах против Франции, был назначен главнокомандующим. В 1777 г. британский генерал Бергойн, пытавшийся пробраться к Нью-Йорку из Ка-

нады, потерпел поражение при Фрименсфарме и вынужден был сдаться у Саратоги. В том же году Франция и Испания объявили войну Великобритании и начали сильно стеснять ее морские сношения. Вторая британская армия под начальством генерала Корнуэльса была окружена на Йорктаунском полуострове и принуждена была капитулировать в 1781 г. В 1783 г. был заключен мир в Париже и тринадцать колоний от Мэна до Георгии образовали союз независимых суверенных штатов. Так появились на свет Северо-Американские Соединенные Штаты. Канада осталась верна британской короне. В течение четырех лет эти штаты имели лишь весьма слабое центральное правительство, управлявшее на основании нескольких статей уложения о федерации и, казалось, им было суждено распасться на отдельные независимые области. Их распадение было, однако, задержано враждебностью британцев и некоторой агрессивностью со стороны Франции, грозившей им немедленным разделом. В 1788 году была составлена и утверждена конституция, установившая более прочное федеративное правительство во главе с президентом, получившим значительную власть. Слабое сознание национального единства окрепло во второй войне с Англией в 1812 году. Тем не менее, площадь, занятая штатами, была так велика и интересы их были так различны в то время, что одни только существовавшие тогда средства сообщения делали распадение союза на отдельные мелкие государства по образцу Европы лишь вопросом времени. При-

бытие в Вашингтон связано было для сенаторов и депутатов из отдаленных штатов с длительным, утомительным и небезопасным путешествием, и механические препятствия к распространению единого для всех образования, литературы и знаний были практически непреодолимы. Тем не менее, существовали известные действующие силы, которые должны были остановить процесс полного разложения. Вскоре появился речной пароход, затем железная дорога и телеграф, которые спасли Соединенные Штаты от распада, сплотили их разъединенное население и сделали его первой из всех современных великих наций.

Двадцать два года спустя испанские колонии в Америке должны были последовать примеру тринадцати и порвать связь с Европой. Но, будучи разбросанными по континенту и разделенными высокими горными хребтами, пустынями и лесами, а также португальским государством Бразилией, они не смогли осуществить союза. Они превратились в группу республиканских штатов, весьма склонных вначале к войне друг с другом и к революции. Бразилия пошла иным путем к неизбежному отделению. В 1807 г. французская армия при Наполеоне заняла Португалию, и монархия нашла приют в Бразилии. С тех пор и до полного отделения скорее Португалия находилась в зависимости от Бразилии, чем Бразилия от Португалии. В 1822 году Бразилия объявила себя самостоятельной империей под властью Педро I, сына короля португальского. Но Новый Свет никогда не был особенно благо-

приятен для монархии. В 1889 г. император бразильский вынужден был вновь отчалить к берегам Европы, и Соединенные Штаты Бразилии вступили на тот же путь, что и остальная республиканская Америка.

Глава LV. Французская революция и реставрация монархии

Британия только что потеряла тринадцать колоний в Америке, как глубокое социальное и политическое потрясение в самом сердце великой монархии напомнило Европе о переходящем характере всех политических учреждений мира.

Мы уже упомянули, что французская монархия достигла наибольшего успеха из всех самодержавных монархий Европы. Она была предметом зависти и подражания для множества соперничавших между собой мелких дворов. Но ее процветание основывалось на несправедливости, и это привело ее к драматическому концу. Она отличалась своим блеском и агрессивностью, но была глубоко разорительна для простого народа. Духовенство и дворянство были освобождены от налогов специальным установлением и все бремя государственных расходов ложилось на средние и низшие классы. Крестьяне были совершенно разорены налогами; средний класс был подавлен и принижен дворянством. В 1787 г. французская монархия очутилась в положении банкротства и вынуждена была созвать представителей различных сословий, чтобы обсудить с ними запутанное положение, созданное недостатком доходов и чрезмерными расходами. В 1789 г. Генеральные штаты, собрание представителей дво-

рянства, духовенства и третьего сословия, представлявшее собой грубое подобие английского парламента в его первоначальной форме, – были созданы в Версале. Они не собирались уже с 1610 г., ибо все это время Франция была абсолютной монархией. Теперь народ нашел средство выразить свое, давно уже назревшее, недовольство. Сразу возникли споры между тремя сословиями, вызванные решением третьего сословия взять на себя руководство собранием. Третье сословие оказалось победителем в этой борьбе, и Генеральные штаты превратились в Национальное собрание, твердо решившее держать под контролем монарха, подобно тому, как это делал английский парламент. Король (Людовик XVI) приготовился к борьбе и вызвал войска из провинций. В ответ на это Париж и Франция подняли восстание.

Крушение абсолютной монархии произошло очень быстро. Суровая тюрьма Бастилия была взята приступом парижским народом, и восстание быстро распространилось по всей Франции. В восточных и северо-западных провинциях крестьяне сожгли много дворянских замков, тщательно уничтожали родовые акты и убили или прогнали их владельцев. В течение какого-нибудь месяца рухнул старый разлагающийся аристократический строй. Многие из влиятельных принцев и придворных, принадлежавших к партии королевы, бежали за границу. В Париже и в большинстве других крупных городов было организовано временное городское управление, и эти муниципальные власти тотчас же создали но-

вую вооруженную силу, национальную гвардию, предназначенную в первую очередь оказать сопротивление армии короля. Национальное Собрание было призвано создать новую политическую и социальную систему для нового века.

Это была задача, потребовавшая величайшего напряжения всех сил этого собрания. Мощным размахом оно уничтожило основные несправедливости самодержавного режима: оно отменило освобождение от налогов, крепостное право, аристократические титулы и привилегии и пыталось учредить конституционную монархию в Париже. Король оставил Версаль с его роскошью и великолепием и сократил свой штат, поселившись во дворце Тюильри в Париже.

В течение двух лет казалось, что Национальному Собранию удастся пробиться сквозь все препятствия и создать в корне обновленное правительство. Многие из того, что оно создало, было построено на здоровых началах и сохранилось, но многое оказалось лишь неудачным опытом и было уничтожено. Была произведена чистка уголовного уложения: пытки, произвольное лишение свободы, преследования за ересь были отменены. Старые провинции Франции – Нормандия, Бургундия и т. д. – уступили место восьмидесяти департаментам. Самые высокие посты в армии сделались доступными людям всех классов. Было введено прекрасное простое судопроизводство, но его достоинство уменьшалось тем, что судьи избирались народным голосованием на

короткие сроки. Это делало толпу своего рода высшей апелляционной инстанцией, и судьи, подобно членам собрания, старались угодить галерке. Все обширные владения церкви были конфискованы и перешли в собственность государства. Религиозные учреждения, не занимавшиеся преподаванием или благотворительностью, были упразднены, и оплата духовенства была возложена на народ. Само по себе это было не плохо для рядового духовенства во Франции, которое получало позорно мало по сравнению с богатым высшим духовенством. Мало того, назначение священника стало выборным, а это в самом корне противоречило идее римской церкви, которая делает папу центром всего и в которой вся власть распространяется сверху вниз. Национальное собрание хотело на практике одним ударом сделать французскую церковь протестантской, если не в смысле доктрины, то в смысле организации. Повсюду происходили конфликты и раздоры между священниками государственной церкви, назначенными Национальным собранием, и непокорными (не принесшими присяги) священниками, оставшимися лояльными по отношению к Риму. В 1791 г. попытка установить конституционную монархию во Франции внезапно закончилась неудачей, благодаря известным шагам со стороны короля и королевы, действовавшим заодно со своими заграничными друзьями-аристократами и монархистами. Иностранные войска стягивались к восточной границе, и в одну июньскую ночь король и королева бежали со своими детьми из

Тюльери, чтобы присоединиться к иностранцам и аристократам-эмигрантам. Их поймали в Варение и привезли обратно в Париж. Вся Франция была охвачена республиканским и патриотическим духом. Была провозглашена республика, и последовали открытые военные действия против Австрии и Пруссии. Короля судили и казнили по примеру, данному Англией, за измену своему народу (январь 1793 г.).

После этого история французского народа вступила в новую необычайную фазу своего развития. Восторженное поклонение республике и Франции охватило страну. Наступило время положить конец всем компромиссам во Франции и за границей. Франция должна была стать покровительницей и защитницей революционеров всего мира. Вся Европа, более того, весь мир должен был стать республикой. Французская молодежь устремилась в республиканскую армию. Новая, удивительная песнь распространилась по всей стране, песнь, которая и поныне зажигает кровь, подобно вину, – марсельеза. Перед этой песнью и перед грозными рядами французских штыков и пушек и энтузиазмом солдат побежали иностранные войска. До конца 1792 г. французские войска зашли далеко за пределы королевства Людовика XVI. Они повсюду стояли на иноземной почве. Они были в Брюсселе, они прошли всю Савойю, они захватили Майнц, они отняли Шельду у Голландии. Затем французское правительство сделало весьма неразумный шаг. Оно было разгневано изгнанием его представителя из Англии после казни

Людовика и объявило войну Англии. Это было весьма неразумно потому, что революция, давшая Франции новую, полную энтузиазма, пехоту и блестящую артиллерию, свободную от гнета офицеров-аристократов и разных стеснительных условностей, эта же революция уничтожила дисциплину во флоте, и Англия имела превосходство на море. Далее, вызов, брошенный Англии, соединил всю страну против Франции, между тем, как в первое время существовало в Великобритании сильное либеральное движение, сочувствующее революции.

Мы не будем приводить подробностей борьбы, которую Франция вела в течение немногих последующих лет против европейской коалиции. Она навсегда прогнала австрийцев из Бельгии и сделала Голландию республикой. Голландский флот, замерзший в Текселе, сдался горсти кавалерии, даже не прибегая к орудийному огню. В течение некоторого времени Италия была под угрозой удара со стороны Франции, и только в 1796 г. новый генерал Наполеон Бонапарт повел оборванные и голодные республиканские войска триумфальным шествием через Пьемонт к Мантуе и Вероне. К. Ф. Аткинсон в своей статье «Французские революционные войны» говорит: «Что более всего поразило союзников, так это численность и быстрота передвижений республиканцев». Действительно, у этого импровизированного войска не было ничего, что могло бы его задержать. Палаток нельзя было добыть за недостатком денег, перевезти их также не

было возможности, так как не было достаточного числа подвод; в палатках не было также необходимости, так как все неудобства, которые неминуемо вызвали бы полный развал в профессиональных войсках, с веселым сердцем переносили люди 1793–1794 годов. Продовольствия для армии таких огромных размеров нельзя было подвозить под обычным военным прикрытием, и французы скоро привыкли жить за счет страны. Таким образом, в 1793 г. возникла современная система войны, основанная на быстроте передвижений, на высшем напряжении национальной мощи и связанная с бивуаками, реквизициями и открытыми выступлениями, в противоположность старой системе осторожных маневров, точно вымеренных пайков и интриг. Первая являла собой дух решимости, вторая же была проникнута желанием наименьшего риска ради небольших выгод.

В то время, как эти полки оборванных энтузиастов пели марсельезу и сражались за Францию, по всем вероятностям, даже не отдавая себе ясного отчета в том, освобождают ли они или грабят страны, в которые они вторгались, – республиканский энтузиазм в Париже проявлялся далеко не в такой прекрасной форме. Революция в это время находилась под эгидой фанатического вождя Робеспьера. Об этом человеке довольно трудно судить. Он был слабого сложения, от природы застенчив, но не без наглости. Однако, у него был самый необходимый для достижения власти талант – горячая вера. Он взял самостоятельно на себя дело спасения респуб-

лики в том виде, в каком она ему рисовалась, и воображал, что никто кроме него не может ее спасти. Из этого вытекало для него, что только сильная власть может спасти республику. Вольный и жизненный республиканский дух, казалось, зародился вместе с избиениями роялистов и казнью короля. Происходили восстания: одно на западе в округе Вандеи, где народ восстал против рекрутского набора и конфискации имущества ортодоксального духовенства под предводительством дворян и священников; другое же на юге, где восстали Лион и Марсель и роялисты Тулона впустили английский и испанский гарнизон. Единственным энергичным ответом на все это было продолжавшееся избиение роялистов.

Революционный трибунал взялся за работу и начались систематические избиения. Изобретение гильотины как раз было на руку этой системе действий. Королева была гильотинирована, большинство противников Робеспьера были гильотинированы, атеисты, доказывавшие, что нет высшего существа, также были гильотинированы. День за днем, неделя за неделей эта адская машина отсекала все новые и новые головы. Владычество Робеспьера, казалось, было основано на крови и для своего поддержания требовало ее все в большем и большем количестве, подобно тому, как у курильщика опиума все возрастает потребность в последнем.

Наконец, летом 1794 года сам Робеспьер был низвергнут и гильотинирован. Власть перешла к Директории из пяти человек, которые вели оборонительную войну за границей

и поддерживали единство во Франции в течение пяти лет. Владычество Директории является любопытным эпизодом сравнительного затишья в этой истории бурных переворотов. Они брали вещи такими, какими они были до них. Дух ревностной пропаганды привел французское войско в Голландию, Бельгию, Швейцарию, южную Германию и северную Италию. Повсюду изгонялись короли и учреждались республики. Однако, дух пропаганды, одушевлявший членов Директории, не мешал им пользоваться награбленными у освобожденных народов сокровищами для облегчения финансовых затруднений французского правительства. Их войны становились все менее похожими на священные освободительные войны, и все более напоминали агрессивные войны старого режима. Франция менее всего собиралась отказаться от традиций иностранной политики. Во время Директории мы находим их в такой силе, как если бы не было вовсе революции.

К несчастью для Франции и для всего мира, на арену мировой истории выдвинулся человек, в котором воплотился в самой интенсивной форме национальный эгоизм французов. Он дал этой стране десять лет неслыханной славы и позор конечного поражения. Это был тот самый Наполеон Бонапарт, который вел войска Директории к победам в Италии.

Этой партии он был обязан своим первым повышением. Однако, у него не было ясного сознания новых сил, действовавших в Европе. Его необузданное политическое вообра-

жение влекло его к запоздалой и довольно пошлой попытке восстановить западную империю. Он старался уничтожить остатки старой священной Римской империи, намереваясь заменить ее новой империей со столицей Парижем. Император в Вене перестал быть священным римским императором и сделался просто императором Австрии. Наполеон развелся со своей женой француженкой, чтобы жениться на австрийской принцессе.

Он фактически стал монархом Франции в качестве первого консула в 1799 г. и в 1804 г. сделался императором Франции, в подражание Карлу Великому. Он был коронован папой в Париже, причем взял из рук папы корону и возложил ее сам себе на голову, опять-таки по примеру Карла Великого. Его сын был коронован римским королем.

В течение нескольких лет царствование Наполеона было сплошным рядом побед. Он завоевал большую часть Италии и Испании, разгромил Пруссию и Австрию и покорил всю Европу на запад от России. Но он никогда не смог лишить англичан их преобладания на море, и флот его потерпел решительное поражение в битве при Трафальгаре в 1805 г. от британского адмирала Нельсона. Испания восстала против него в 1808 г., и британская армия под начальством Веллингтона постепенно вытеснила французские войска с полуострова на север. В 1811 году у Наполеона вышел конфликт с царем Александром I, и в 1812 году он вторгся в Россию с большой разнородной армией в 600 000 человек, которая была

разбита и в значительной мере уничтожена русскими и русской зимой. Германия восстала против него, восстала и Швеция. Французская армия была разбита, и Наполеон отрекся от престола в Фонтенбло (в 1814 г.). Он был изгнан на Эльбу, но затем вернулся во Францию, чтобы сделать последнюю попытку вернуть себе трон в 1815 г., и был разбит союзниками британцами, бельгийцами и пруссаками при Ватерлоо. Он умер в британском плену на острове св. Елены в 1821 г.

Силы, вызванные к жизни французской революцией, иссякли. Конгресс победоносных союзников собрался в Вене, чтобы восстановить, насколько возможно, то положение вещей, которое было сокрушено налетевшей бурей. В течение почти сорока лет в Европе господствовал особого рода мир, – мир, явившийся результатом всеобщего утомления.

Глава LVI. Нездоровый мир в Европе после падения Наполеона

Две главные причины препятствовали тому, чтобы этот период был периодом действительного социального международного мира, и подготовили почву для цикла войн между 1854 и 1871 гг. Первой причиной была тенденция монархических дворов восстановить несправедливые привилегии и противодействовать свободе мысли, прессы и преподавания, второй – была неприемлемая система границ, установленных дипломатами в Вене.

Присущее монархиям стремление вернуться назад к условиям прошлого сказалось прежде всего и главным образом в Испании. Здесь была даже восстановлена инквизиция. За Атлантическим океаном испанские колонии последовали примеру Соединенных Штатов и восстали против системы европейских великих держав, когда Наполеон посадил своего брата Иосифа на испанский престол (в 1810 г.). Джорджем Вашингтоном Южной Америки был генерал Боливар. Испания была не в состоянии подавить это восстание, и оно приняло затяжной характер, подобно тому, как затягивалась северо-американская война за независимость. Наконец, совершенно в духе священного союза, Австрия внесла предложение, чтобы европейские монархи помогли Испании в этой

борьбе. Этому воспротивилась Англия в Европе, но президент Соединенных Штатов, Монро, в 1823 г. быстро и решительно выступил против предполагаемой монархической реставрации. Он заявил, что Соединенные Штаты сочтут за враждебный акт распространение европейской системы на Западном полушарии. Так появилась доктрина Монро, сводившееся к тому, что в Америке не должно быть неамериканской власти. Таким образом, система великих держав не касалась Америки в течение целого столетия, и это позволило новым штатам в испанской Америке устроить свою судьбу по собственному желанию.

Но, если испанский монархизм и потерял колонии, то под покровительством европейских держав он мог делать, что ему заблагорассудится в Европе. Народное восстание в Испании было подавлено французской армией в 1823 г. по распоряжению европейского конгресса и одновременно с этим Австрия подавила революцию в Неаполе.

В 1824 г. умер Людовик XVIII и трон перешел к Карлу X. Карл решил уничтожить свободу печати и университетов и восстановить самодержавный строй. Была ассигнована сумма в миллиард франков, чтобы возместить дворянам уничтожение их замков и конфискацию земель в 1789 г. В 1830 г. Париж восстал против этого живого олицетворения старого режима, и на трон был возведен Луи-Филипп, сын Филиппа, герцога Орлеанского, казненного в период террора. Другие европейские монархи, ввиду открытого одобре-

ния революции Великобританией и сильного либерального брожения в Германии и в Австрии, не решались вмешаться в события. В конце концов, Франция все-таки оставалась монархией. Луи-Филипп (1830–1848) оставался конституционным монархом Франции в течение восемнадцати лет.

Таковы были нездоровые последствия мира, заключенного на Венском конгрессе и вызванного реакционными происками монархистов. Распри, вызванные неразумно установленными на Венском конгрессе границами, не приводили к частым столкновениям, но были еще более опасны для всеобщего мира. Чрезвычайно неудобно объединять под одним управлением народы, говорящие на разных языках и вследствие этого читающие различную литературу и имеющие различные руководящие идеи, в особенности еще, когда эти различия обострены религиозными разногласиями. Лишь некоторые весьма существенные общие интересы, как, например, необходимость общей самозащиты у швейцарских горцев, могут еще оправдать объединение народов разных языков и верований под общим управлением, и даже в Швейцарии мы видим крайне развитую местную автономию. Там, где, как в Македонии, мы наблюдаем пеструю смесь деревень и областей с разноязычным населением, настоятельной необходимостью является федеративная система. Но, если читатель взглянет на карту Европы, начертанную Венским конгрессом, ему будет ясно, что весь этот политический винегрет как бы специально был рассчитан на то, чтобы

вызвать максимум неудовольствий в отдельных областях.

Венский мир почти без всякой нужды разрушил Голландскую республику, нелепо соединил обитателей Голландии с говорящими по-французски католиками, потомками старых испанских (австрийских) Нидерландов, и создал королевство Нидерландов. Он отдал не только старинную Венецианскую республику, но и всю Северную Италию до самого Милана, говорящим по-немецки австрийцам. Савойю с населением, говорящим по-французски, он соединил с частями Италии в восстановленном королевстве Сардинии. Австро-Венгрия, являющаяся и без того довольно опасной смесью негармонирующих между собой национальностей: германцев, венгров, чехословаков, юго-славян, румын, а теперь и итальянцев – стала еще более нежизнеспособной после присоединения польских владений в 1772 и 1795 гг. Католически и республикански мыслящий польский народ был отдан в большей своей части менее культурному управлению православного царя, хотя значительные области отошли также к протестантской Пруссии. Царь включил также в свои владения совершенно чужеродную Финляндию. Совершенно различные Швеция и Норвегия были соединены под управлением общего короля. Германия, как увидит читатель, была оставлена в особенно опасном хаотическом состоянии. Пруссия и Австрия оказались частью внутри, частью вне общегерманского союза, включившего целое множество меньших государств. Король Дании вступил в германский

союз из-за различных провинций в Гольштинии, население которых говорило по-немецки, Люксембург был включен в германский союз, хотя им также правил король Нидерландов и хотя значительная часть его населения говорила по-французски.

Совершенно упустили из виду тот факт, что народы, говорящие по-немецки и находящиеся под влиянием германской литературы, как и народы, говорящие по-итальянски и руководимые итальянской литературой, так же, как и народы, говорящие по-польски и находящиеся в свою очередь под влиянием своей литературы, были бы гораздо счастливее и гораздо полезнее для всего остального человечества, если бы они могли управлять собственными делами, по собственному усмотрению и на своей родной территории. Удивительно ли, что одна из популярнейших немецких песен этого периода говорит о том, что немецкое отечество – повсюду, где говорят на немецком языке.

В 1830 г. говорящие по-французски бельгийцы под влиянием происходившей во Франции революции восстали против присоединения к Нидерландскому королевству. Державы, испугавшись возможности провозглашения республики или присоединения к Франции, поспешили умиротворить население и дали Бельгии короля, Леопольда I Саксен-Кобург-Готского. В 1830 г. происходили также незначительные волнения в Италии и Германии, и гораздо более серьезные в русской Польше; республиканское правительство в Польше

держалось против Николая I (вступившего на престол после Александра I в 1825 г.) в течение целого года и было затем уничтожено с величайшей жестокостью и насилиями. Польский язык был запрещен, и православная церковь была признана вместо римско-католической государственной церковью...

В 1821 г. произошло восстание греков против турок. В течение шести лет они вели отчаянную борьбу, на которую правительства Европы лишь смотрели со стороны. Либеральное общественное мнение протестовало против этой бездеятельности: волонтеры из всех стран присоединялись к восставшим, и в конце концов Англия, Франция и Россия выступили соединенными силами. Турецкий флот был разбит французами и англичанами в Наваринской битве в 1827 г., и царские войска вторглись в Турцию. В мирном договоре, заключенном в Адрианополе в 1829 г., Греция была объявлена свободной, но ей запрещено было восстановить свои древние республиканские традиции. Был найден германский король для Греции, принц Отто Баварский, и христианские губернаторы были назначены в Дунайские провинции (ныне румынские) и в Сербию. Много крови должно было пролиться, прежде чем турки были окончательно изгнаны из этих земель.

Глава LVII. Развитие прикладных знаний

В течение семнадцатого, восемнадцатого и начала девятнадцатого века, в то время, как происходила описанная выше борьба европейских государств и монархов и лоскутная работа Вестфальского мира (1648 г.) сменялась, как в калейдоскопе нелепой мозаикой Венского мира (1815 г.), а корабли распространяли европейское владычество по всему свету, – в Европе и находящимся под ее влиянием странах происходил постоянный рост науки и общий прогресс знаний об окружающем мире.

Этот прогресс происходил независимо от политической жизни и в течение семнадцатого и восемнадцатого веков не оказывал на последнюю решающего, непосредственного влияния. За указанное время не заметно было глубокого влияния его на общественную мысль. Эти результаты сказались лишь впоследствии; в полной своей силе они проявились во второй половине девятнадцатого столетия. Это движение захватило небольшой круг обеспеченных, независимо мыслящих людей. Без помощи тех, кого англичане называют «частными лицами», не мог бы начаться научный прогресс в Греции и возродиться в Европе. Университеты играли известную, но не руководящую роль в развитии философской

и научной мысли этого периода. Официальная ученость отличается робостью и консерватизмом, она лишена инициативы и враждебна нововведениям, будучи лишена живой связи с независимыми умами.

Мы уже упомянули об образовании Королевского общества в 1662 г. и о его трудах по осуществлению мечты Бэкона, выраженной в его «Новой Атлантиде». В восемнадцатом веке было достигнуто более ясное понимание материи и движения, заметно прогрессировали математические науки, начали систематически употреблять оптические стекла для микроскопов и телескопов, с новой энергией приступили к классификации в естественной истории и возродилась с огромной силой анатомическая наука. Геология, первые намеки на которую мы встречаем у Аристотеля и предвосхищение – у Леонардо да Винчи (1452–1519), приступила к своей важной задаче, а именно, к истолкованию летописи скал.

Прогресс естественных наук отразился на металлургии. Усовершенствование металлургии, давая возможность использования в более широком размере металлов и других материалов, оказало в свою очередь влияние на развитие практических изобретений. Введение машин в совершенно новом масштабе и в большем количестве внесло революцию в промышленность.

В 1804 г. Тревитик приспособил машину Уатта к транспорту и построил первый локомотив. В 1825 г. была открыта

первая железная дорога между Стоктоном и Дарлингтоном, и стефенсоновская «Ракета», локомотив с поездом весом в тринадцать тонн, достигла скорости в сорок четыре мили в час. С 1830 г. число железных дорог стало увеличиваться. В середине девятнадцатого столетия сеть железных дорог покрыла всю Европу.

Вместе с тем изменились казавшиеся незыблемыми в течение долгих лет условия человеческих сношений, а именно скорость передвижения. После поражения в России Наполеон совершил путь приблизительно от Вильны до Парижа, т. е. около 1400 миль, в 312 часов. Он ехал с максимальной скоростью, делая менее 5 миль в час. Обычный путешественник не мог бы совершить этот путь и в два раза большее время. Это была, приблизительно, та же скорость, которая считалась максимальной между Римом и Галлией в I веке до Р. Х. И вот внезапно совершился огромный переворот. Железные дороги сократили этот путь для рядового путешественника до сорока восьми часов. Иначе говоря, они сократили главные европейские расстояния, сводя их к одной десятой их прежнего протяжения. Они сделали возможной административную работу на площади в десять раз большей, чем было доступно раньше. В Европе эта возможность еще не получила своего полного осуществления. Европа все еще пересечена границами, проложенными в эпоху лошади и телеги. В Америке результаты этого нововведения сказались немедленно. Для Соединенных Штатов Аме-

рики, распространявшихся на запад, это означало постоянную связь с Вашингтоном, как бы далеко граница не отодвигалась через континент к западу. Это означало единство и цельность, которые при других условиях были бы совершенно невозможны в таком масштабе. Несколько раньше паровоза появился пароход. В 1801 г. был спущен пароход «Charlotte Dundas» на канале «Firth of Clyde», а в 1807 г. американец Фультон появился со своим пароходом «Clermont», снабженным построенными в Англии машинами, и совершавшим рейсы по реке Гудзону выше Нью-Йорка. Первый морской пароход был также построен американцами: это был «Феникс», который отправился из Нью-Йорка (Хобокена) в Филадельфию. Американцам же принадлежал первый пароход, снабженный также и парусами, и пересекший Атлантический океан в 1819 г. Все эти пароходы были колесные, а колесные пароходы не приспособлены к бурным морям. Лопасти легко ломаются, и пароход тогда приходит в негодность. Вот почему он был заменен впоследствии винтовым пароходом. Прежде чем винт вошел во всеобщее употребление, пришлось преодолеть много трудностей. Только в середине прошлого столетия тоннаж океанских пароходов стал превышать тоннаж парусных кораблей. После этого развитие морского транспорта пошло быстрыми шагами. Впервые люди начали переезжать моря и океаны, рассчитывая прибыть к определенному сроку. Переезд через Атлантический океан, который раньше был далеко не надежным предприятием и

продолжался несколько недель, а то и месяцев, стал совершаться все быстрее и быстрее, до тех пор, пока в 1910 г. его продолжительность для самого быстрого парохода не была сведена к 5 дням, с точно установленным часом прибытия.

Наряду с развитием парового транспорта на суше и на море, средства сношения людей между собой обогатились еще одним новым и поразительным изобретением, явившимся следствием научных изысканий Вольты, Гальвани и Фарадея в области различных электрических феноменов. В 1835 году был изобретен электрический телеграф. Первый морской кабель был проложен между Францией и Англией в 1851 году. Спустя несколько лет телеграфная система распространилась по всему цивилизованному миру, и известия, передававшиеся раньше крайне медленно от одного пункта к другому, становились теперь всеобщим достоянием одновременно на всем земном шаре.

Железная дорога и электрический телеграф были самым замечательным и революционным изобретением, сильно поразившим воображение масс. Однако, это были лишь первые, несовершенные, хотя и бросающиеся в глаза, плоды мощного научного прогресса. Технические знания и искусства стали развиваться с чрезвычайной быстротой и получили широкое распространение, далеко опередив все предыдущие века. Явлением, сперва гораздо менее заметным в повседневной жизни, но впоследствии еще более значительным, было овладение человеком различными строительными

ми материалами. До середины девятнадцатого века железо извлекалось из руд при помощи древесного угля, затем небольшими кусками его ковали, придавая ему форму. Это был материал, годный для ремесленника. Качество железа и способ его обработки в огромной степени зависели от опытности и умения отдельного рабочего. Наибольшее количество железа, которое можно было обрабатывать при таких условиях, достигало в шестнадцатом столетии двух или трех тонн. Поэтому существовал определенный максимальный размер пушек. В XVIII веке появились доменные печи и стали распространяться параллельно с развитием применения кокса. До XVIII века мы не встречаем ни вальцованного листового железа (1728 г.), ни вальцованной проволоки и полосового железа (1783 г.). Паровой молот Несмита появился лишь в 1838 г.

Древний мир не мог пользоваться паром вследствие несовершенства металлургии. Паровая машина, даже примитивный паровой насос, не могла получить распространения до тех пор, пока не стали выделять листового железа. Первые машины кажутся современному глазу жалкими и неуклюжими железными орудиями, и все же они представляли собой высшее достижение металлургической науки того времени. Только в 1856 г. появился бессемеровский способ обработки, а несколько лет спустя (1864 г.) был усовершенствован способ выплавки, очищения и обработки стали и всякого сорта железа в неслыханном прежде масштабе. В настоящее

время можно видеть в электрической печи тонны расплавленной стали, бурлящей, словно кипящее молоко в горшке. Ни одно из предшествовавших практических достижений человечества несравнимо по своим последствиям с этим полным овладением человеком огромными массами стали и железа, их структурой и качеством. Железные дороги и ранние машины всякого рода были лишь первыми триумфами новых металлургических методов. Скоро появились корабли из железа и стали, огромные мосты, новые способы построек из стали в огромном масштабе. Люди слишком поздно поняли, что они проектировали свои железные дороги в слишком скромном размере, что они могли организовать свои путешествия со значительно большей скоростью и комфортом и в гораздо более широком масштабе.

До девятнадцатого столетия не было на свете кораблей с грузоподъемностью более 2000 тонн; в настоящее время пароходы в 50 000 тонн никого не удивляют. Есть люди, которые смеются над такого рода «количественным» прогрессом, но такое насмешливое отношение характеризует лишь интеллектуальную ограниченность такого рода людей. Они ошибаются, полагая, что гигантское судно или строение с корпусом из стали есть не что иное, как прежнее судно или постройка, но лишь увеличенные в несколько раз. Современные сооружения в корне отличаются от прежних, – они легче, крепче и сделаны из лучшего и более прочного материала. Теперь уже не господствуют, как прежде, рутинные при-

емы, но все дело сооружения основано на тонких и сложных вычислениях. При сооружении домов или кораблей старого типа человек зависел от материи: надо было рабски подчиняться материалу со всеми его особенностями. В новых постройках человек овладел материей и свободно воздействует на нее. Представьте себе только массы угля, железа и песку, извлеченные из шахт и ям, выплавленные, очищенные, обработанные и, наконец, повисшие в виде стройного, блестящего купола из стали и стекла на высоте шестисот футов над густонаселенным городом!

Эти подробности прогресса человеческих знаний в области металлургии стали мы привели лишь в виде иллюстрации. Аналогичные данные мы могли бы привести о металлургии меди, олова и множества других металлов – достаточно указать хотя бы на алюминий и никель, – остававшиеся неизвестными до конца XIX века. В этом великом и все развивающемся процессе овладения материалами, различными сортами стекла, камнем и гипсом, красками и тканями кроется причина важнейших революционных достижений человечества в области механики. И, тем не менее, мы пока еще пожинаем лишь первые плоды этой победы. Мы имеем перед собой силу, но должны еще научиться, как ею пользоваться. Многие из первых применений этих даров науки были вульгарны, неразумны, беспомощны или уродливы. Артист и практик еще едва приступили к работе над бесконечным разнообразием материалов, находящихся теперь в их распо-

ряжении.

Параллельно с этим ростом возможностей в области механики шло развитие науки об электричестве. Лишь в восьмидесятых годах XIX века в этой области научного исследования начали появляться результаты, бросавшиеся в глаза даже профану. Затем внезапно появились электрический свет и электрический ток. Постепенно начали становиться достоянием широких масс идеи о превращении энергии, о возможности посылать силу, которая может быть превращена по нашему произволу в механическое движение, в свет или теплоту, по медной проволоке, подобно тому, как мы посылаем воду по трубе.

Руководящую роль в этом великом прогрессе науки играли сначала англичане и французы; но вскоре немцы, испытавшие унижение от Наполеона, выказали столько рвения и настойчивости в научных изысканиях, что оставили своих руководителей позади себя. Что касается британской науки, то она в значительной степени была создана англичанами и шотландцами, работавшими в стороне от обычных центров официальной учености.

Английские университеты того времени были довольно отсталыми в смысле преподавания. Педантическое изучение латинских и греческих классиков стояло почти на первом плане. Образование во Франции, в свою очередь, было связано классическими традициями иезуитских школ, и поэтому немцам нетрудно было организовать группу исследователей,

правда, небольшую в сравнении с огромностью открывшихся возможностей, но довольно значительную сравнительно с ничтожным числом английских и французских изобретателей и исследователей. Хотя эта научная работа исследователей и экспериментаторов делала Британию и Францию самыми богатыми и могущественными странами мира, она не делала богатыми и могущественными людей, занимавшихся науками и изобретениями. Есть неизбежно нечто «не от мира сего» в истинном человеке науки: он слишком занят своими изысканиями, чтобы думать о том, как превратить их в звонкую монету. Экономическая эксплуатация его открытий попадает поэтому легко и естественно в руки более предприимчивых людей. Таким образом, оказывается, что многие богатые люди в Великобритании, которых порождала каждая новая фаза научного и технического прогресса, хотя и не проявляли столь же страстного, как схоластики и клерикалы, желания зарезать чудесную курицу, несшую для нации золотые яйца, все же давали этой полезной птице умирать с голоду. Они думали, что изобретателей естественно должны использовать более умные люди.

В этом отношении немцы были немного умнее. Немецкие «ученые» не проявляли этой страстной ненависти к новой науке. Они давали ей развиваться. В свою очередь, и деловые люди и фабриканты в Германии не относились с таким презрением к человеку науки, как их соперники в Великобритании. Они полагали, что поле науки может дать богатый

урожай в зависимости от его удобрения. Они поэтому предоставляли людям науки известный простор. Их государственные затраты на научные труды были сравнительно крупнее, и эти затраты дали обильные плоды. Во второй половине XIX столетия немецкий ученый сделал немецкий язык необходимым для каждого научного работника, желающего быть в курсе новейших трудов в своей области; а в некоторых отраслях, в особенности же, в химической, Германия достигла значительного превосходства над своими западными соседями. Результаты научных трудов шестидесятых и семидесятых годов сказались уже в восьмидесятых годах, и Германия, благодаря упорной работе, превзошла Англию и Францию в смысле технического и промышленного прогресса.

Новая фаза в истории изобретений открылась в восьмидесятых годах с появлением нового типа моторов, в которых сила расширения пара была заменена силой расширения взрывчатой смеси. Построенные по этому принципу легкие и чрезвычайно мощные машины стали применять в автомобильном деле; постепенно эти машины были доведены, в отношении легкости и мощности, до такого совершенства, что воздухоплавание, уже давно считавшееся возможным, сделалось практическим завоеванием. Удачная летательная машина, но недостаточно большая, чтобы поднять человека, была построена еще в 1897 г. Лэнгли, профессором Смитсоновского института в Вашингтоне. В 1909 г. аэроплан был уже приспособлен для подъема людей. Перед тем казалось,

что скорость, достигнутая, благодаря усовершенствованию железнодорожного и автомобильного сообщения, на время достигла своего максимума. Однако, воздухоплавание ввело новые сокращения расстояний между отдельными пунктами земной поверхности. В XVIII столетии на проезд от Лондона до Эдинбурга требовалось восемь дней; в 1918 г. в докладе Британской комиссии по воздушному транспорту отмечалось, что через несколько лет, вероятно, можно будет в эти же восемь дней совершить перелет от Лондона до Мельбурна, т. е. половину кругосветного путешествия.

Этим поразительным сокращениям расстояний не следует, однако, придавать уже чрезмерного значения. Они являются одной из сторон гораздо более глубокого и значительного процесса расширения человеческих возможностей. Агрономия и агрономическая химия сделали совершенно аналогичные успехи в XIX столетии. Люди научились удобрять почву и стали собирать урожаи в четыре и пять раз более тех, которые получались с той же площади в семнадцатом веке. Еще более поразительных успехов достигла медицина. Возросла средняя продолжительность человеческой жизни, возросла производительность труда, менее значительной стала убыль жизненных сил, падающая на болезни.

Все это вместе взятое вызвало столь глубокие перемены в человеческой жизни, что создалась новая эпоха в истории. Эта революция в механике совершилась в течение одного столетия. За этот промежуток времени человечество в смыс-

ле улучшения материальных условий своего существования сделало более крупный шаг вперед, чем за весь долгий период времени между палеолитической эпохой и началом земледелия или же от эпохи фараона Пиопи до Георга III. Была создана могущественная материальная база для всех человеческих дел. Этот переворот в механике, естественно, требует огромных изменений во всех наших социальных, экономических и политических методах. Изменения же эти по необходимости отставали от развития революции в механике, да и в настоящее время они все еще находятся в зачаточном состоянии.

Глава LVIII. Революция в промышленности

В исторической литературе часто замечается тенденция к смешению того, что мы называем здесь революцией в механике, представляющей собой нечто совершенно новое в человеческой жизни, возникшее в результате развития организованной науки, новый шаг вперед, подобно изобретению земледелия или открытию металлов, – с явлением, совершенно отличным по своему происхождению, уже имевшим прецедент в истории, а именно – с социальным и финансовым прогрессом, называемым революцией в промышленности. Оба процесса шли параллельно, постоянно влияя друг на друга, но они были в корне и по существу различны. Революция в промышленности произошла бы и тогда, если бы не было ни угля, ни пара, ни машин. Но в этом случае революция по своему характеру более приближалась бы к социальной и финансовой эволюции последнего периода Римской республики. Повторилось бы обезземеление свободных земледельцев, повторились бы и трудовые артели, крупные поместья, огромные капиталы и разрушительный в социальном отношении финансовый процесс.

Даже фабричные методы работы появились еще до введения машин и применения механической энергии. Фабрики

явились результатом не машин, а «разделения труда». Задолго до того, как были введены в промышленных целях водяные турбины, специально обученные и жестоко эксплуатируемые рабочие клеили ящики из картона для модных товаров, делали мебель, раскрашивали карты, изготовляли иллюстрации для книг и т. д. Фабрики имелись в Риме еще во времена Августа. Новые книги, например, диктовались целому ряду переписчиков на фабриках, принадлежавших книгопродавцам. Внимательный читатель Дефо и политических памфлетов Филдинга знает, что идея собирания бедняков в различные учреждения для коллективного труда была известна в Англии в конце XVII века. Намеки на это можно найти в «Утопии» Мора (1516). Вышеописанные явления были результатом социального развития, а не прогресса механики. До середины XVIII столетия и даже дольше социальная и экономическая история Западной Европы фактически повторяла тот путь, по которому шло Римское государство в последние три века до Р. Х. Но политические раздоры в Европе, политические возмущения против монархии, непокорность народных масс и, может быть, особая склонность западно-европейского ума к новым идеям в механике и изобретениям – все это дало описанному процессу совершенно новое направление. Идеи человеческой солидарности получили, благодаря христианству, значительно большее распространение в ново-европейском мире; политическая власть не была уже столь сконцентрирована в одних руках, и энергич-

ный человек в своем стремлении к богатству охотно отворачивался от идеи рабства и рабского труда и усваивал значение могущества механики и машин.

Революция в механике, т. е. развитие изобретений и открытий в механике было новым явлением в человеческом опыте, и оно шло своим путем, независимо от вызываемых им последствий в социальной, политической, экономической и промышленной жизни. Революция в промышленности, напротив того, подобно большинству социальных явлений, находилась и находится под все усиливающимся влиянием условий жизни, непрерывно изменяющихся в зависимости от революции в механике. Существенное различие между накоплением богатств, вытеснением мелких землевладельцев и других мелких промышленников и периодом расцвета крупных финансовых операций в последние века Римской республики, с одной стороны, и весьма аналогичной концентрацией капитала в XVIII и XIX столетиях, с другой, – коренится в глубоком отличии в характере современного труда, отличии, вызванном революцией в механике. Силой древнего мира была сила человека; все зависело, в конечном счете, от двигательной силы человеческих мускулов – мускулов невежественных и подъяремных людей. Известную роль играла также в незначительном количестве мускульная сила животных – быков, лошадей и т. п. Когда надо было поднимать какую-либо тяжесть, ее поднимали люди; когда надо было ломать камень, его ломали люди; когда надо

было вспахать поле, его вспахивали люди и быки. Римским эквивалентом парохода была галера с обливающимися потом гребцами. Огромная часть человечества в раннюю эпоху цивилизации была занята чисто механической тяжелой работой. Введение машин, приводимых в движение неодушевленной энергией, вначале, казалось, не обещало облегчения от этого тяжелого и неинтеллигентного труда. Массы людей были заняты рытьем каналов, земляными работами при проведении железных дорог и т. п. Число рудокопов возрастало с невероятной быстротой. Но в то же время, еще гораздо в большей степени увеличивалось количество различных продуктов и удобств. Когда наступил XIX век, стала еще очевиднее логика нового положения вещей. Не было более нужды в человеческих существах, как в источнике слепой физической силы. То, что могло быть сделано физической силой человека, могло быть сделано скорее и лучше машиной. Человек нужен был теперь лишь там, где требовалось применение сознательного выбора и разумности. Человек требовался лишь как человек. Раб, бывший основой всех предшествовавших цивилизаций, существо, предназначенное к слепому повиновению, человек, мозг которого был лишь излишним придатком, стал не нужен для блага человечества.

Это было справедливо, как для древних отраслей промышленности, каковы земледелие и горное дело, так и для новейших металлургических процессов. Машины с большим успехом заменили труд десятков людей, занятых вспаш-

кой, обсеменением и уборкой полей. Римская цивилизация была построена на бесправной массе дешевых рабов; современная цивилизация строится на дешевой механической силе. В течение столетия механическая сила становилась все дешевле, а труд дороже. Если машинам пришлось в течение одного-двух поколений ждать своей очереди для введения в горном деле, то это просто потому, что одно время человеческий труд был дешевле машин.

Описанное явление внесло коренной переворот в условия человеческого существования. В прежние периоды цивилизации всякий богатый человек и сановник считал необходимым содержать массу рабов. С наступлением XIX века в лучших умах стало крепнуть убеждение, что простой человек уже не должен быть рабом, что его следует воспитать, просветить, хотя бы для достижения большей «производительности труда», что необходимо, чтобы он понимал, что он делает. Зачатки народного образования в Европе относятся к первым годам проповеди христианства, то же самое было и в Азии, всюду, где утверждался ислам: необходимо было дать верующему возможность хоть сколько-нибудь усвоить новую веру, долженствовавшую принести ему спасение и научить его читать священные книги, где эта вера была изложена. Взаимное соперничество отдельных течений в христианстве, из которых каждое стремилось привлечь к себе возможно больше приверженцев, приготовило почву для развития народного образования. В Англии, на-

пример, в тридцатых и сороковых годах девятнадцатого столетия споры различных сект и стремление их завербовать юных приверженцев вызвали к жизни ряд соперничавших между собой образовательных учреждений для детей: церковные «национальные» школы, «британские» школы диссидентов и даже начальные католические школы. Вторая половина XIX века была периодом быстрого роста народного образования во всей Западной Европе. Параллельного роста образования в высших классах не происходило; конечно, и там заметен был прогресс, но не в такой степени. Благодаря этому, пропасть, разделявшая до сих пор мир на образованных людей и безграмотную массу, почти исчезла и свелась к едва заметной разнице в образовательном уровне. За спиной этого процесса происходила революция в механике, на первый взгляд как будто независимая от социальных условий, но в действительности неутомимо требовавшая полного уничтожения безграмотности во всем мире.

Экономическая революция Римской республики никогда не была ясно осознана римским народом. Средний римский гражданин никогда не видел совершавшихся вокруг него изменений с такой ясностью и полнотой, как это видим мы. Напротив того, народ, переживший в конце XIX века промышленную революцию, осознавал эту революцию все яснее и яснее, как единый цельный процесс, ибо этот народ умел уже читать, обсуждать и общаться и видел вещи, которые раньше оставались скрытыми от простолюдина.

Глава LIX. Развитие современных политических и социальных идей

Учреждения, обычаи и политические идеи древних цивилизаций вырастали медленно, век за веком; люди не могли ни обдумать, ни предвидеть их. Только в шестом веке до Р. Х., в этот великий век юности человечества, люди стали задумываться над взаимными отношениями и впервые выступили с проектами изменений существующих верований, законов и методов управления.

Мы уже говорили выше о блестящем умственном расцвете в Греции и Александрии и о том, что наступившее в скором времени падение рабовладельческой цивилизации, а также религиозная нетерпимость и абсолютизм омрачили зарю этого многообещающего пробуждения. Только в XV и XVI столетиях среди царившей в Европе тьмы мелькнул свет независимой мысли. Мы уже попытались указать роль арабской любознательности и монгольских завоеваний в этом постепенном просветлении умственных горизонтов Европы. Сначала увеличился интерес, главным образом, к положительной науке. Материальные завоевания и материальная мощь были первым достоянием человечества, вновь достигшего зрелости. Наука о человеческих взаимоотношениях, об индивидуальной и социальной психологии, о воспи-

тании и экономической жизни не только тоньше и запутаннее сама по себе, но и неразрывно связана с различными эмоциями. Развитие этих наук шло медленнее и встречало большие сопротивления. Люди готовы бесстрастно выслушивать самые противоположные теории о звездах или молекулах, но мысли о путях нашей жизни слишком глубоко затрагивают каждого из нас.

И подобно тому, в Греции смелые теории Платона предшествовали упорным исследованиям фактического материала, проделанным Аристотелем, так и в Европе первые политические исследования новой фазы ее развития вылились в форму «утопических повестей», представлявших прямое подражание «Республике» Платона и его «Законам». «Утопия» Томаса Мора – любопытное подражание Платону. Результатом ее было издание нового английского закона о бедных. «Город Солнца» неаполитанца Кампанеллы был более фантастичен, но оказался менее плодотворным.

К концу XVII века литература, касающаяся социальных и политических вопросов, была уже довольно богата. Одним из пионеров в этой области был Джон Локк, сын английского республиканца, оксфордский ученый, первоначально занимавшийся химией и медициной. Его трактаты о формах управления, о терпимости и народном образовании доказывают, что ум его в полной мере был направлен на изыскание способов социального переустройства. Параллельно с Джоном Локком в Англии, но несколько позже его, Монтескье

(1689–1755 гг.) подверг во Франции социальные, политические и религиозные учреждения самому строгому в основоположному анализу. Он подорвал престиж и обаяние абсолютной монархии во Франции. Ему вместе с Локком принадлежит заслуга развенчания многих ложных идей, которые до тех пор мешали серьезным и продуманным попыткам переустройства человеческого общества.

Последовавшее за ним поколение середины и последних десятилетий XVIII века смело разрабатывало выдвинутые им вопросы морали и интеллекта. Вышедшая из превосходных иезуитских школ группа блестящих писателей «энциклопедистов», революционно настроенных, вырабатывала схему нового общества (1766 г.). Бок о бок с энциклопедистами работали экономисты или физиократы, подвергавшие смелому и суровому исследованию производство и распределение продуктов и благ. Морелли, автор «Кодекса природы», отверг институт частной собственности и предложил коммунистическую организацию общества. Он был предшественником той обширной и многообразной школы мыслителей-коллективистов XIX века, которых сваливают в одну кучу под общим названием социалистов.

Что такое социализм? Имеются сотни определений социализма и тысячи социалистических толков. По существу своему социализм есть не что иное, как критика идеи собственности с точки зрения общественного блага. Бросим беглый взгляд на историю этой идеи в течение ряда столетий. Соци-

ализм и интернационализм – вот две кардинальных идеи, вокруг которых в значительной мере вращается политический мир нашего времени.

Идея собственности выросла из присущего животным видам воинственного инстинкта. Еще задолго до того, как люди стали людьми, наш предок, обезьяна, был уже собственником. Первобытная собственность – это то, за что готово бороться каждое животное. Собака и ее кость, тигрица и ее логовище, олень-предводитель и его стадо – вот яркие примеры собственности. Трудно придумать более бессмысленное выражение в социологии, чем термин «первобытный коммунизм». Древний человек, живший племенным бытом в раннюю палеолитическую эпоху, защищал право собственности на своих жен и дочерей, на свои орудия, на видимый окружающий мир. Если другой человек вторгнулся в этот мир, он дрался с ним и, если мог, убивал его. Как убедительно показал Аткинсон в своем «Первобытном праве», развитие племени в течение веков совершалось таким образом, что древний человек стал постепенно признавать право собственности за более молодыми людьми на захваченных ими вне своего племени жен, на орудия, сделанные ими украшения и на убитую ими дичь. Человеческое общество выросло, благодаря компромиссу между собственностью одного индивида и другого. Это был компромисс с инстинктом, – компромисс, вызванный необходимостью для данного человека изгнать какое-нибудь другое племя из его собственного мир-

ка. Если холмы, леса и реки никому в отдельности не принадлежали, то это потому, что они должны были принадлежать всем. Каждый предпочитал бы считать землю своей, но это нельзя было, ибо против этого вооружились бы другие. Общество, поэтому, является с самого начала ослаблением права собственности. Чувство собственности у животного и у первобытного дикаря было значительно интенсивнее, чем в цивилизованном мире нашего времени. Оно коренится в наших инстинктах глубже, чем в разуме.

У первобытных дикарей и у малокультурного человека нашего времени сфера собственности не имеет никаких границ. Все, что ты можешь забрать, завоевать, принадлежит тебе: женщины, пленные, захваченные животные, лесная просека, каменоломня – все, что угодно. По мере роста общины, появилось нечто вроде закона, ограничивающего взаимное истребление; люди выработали грубые методы для установления права собственности. Человек в праве был считать своим то, что он первый сделал, захватил или на что он имеет законное притязание. Казалось естественным, что должник, не могущий платить, становится собственностью своего кредитора. Столь же естественным казалось, что человек, заявивший притязание на данный клочок земли, требовал определенной платы со всякого, желавшего пользоваться этим полем. Лишь крайне медленно, по мере развития организованной жизни, люди стали понимать, что эта ничем не ограниченная собственность есть нечто очень вредное.

Люди рождались на свет, где все уже было забрано другими, — более того, когда они появлялись на свет, они сами уже были собственностью других. Теперь трудно проследить отдельные фазы этой социальной борьбы на заре цивилизации, но изложенная выше история Римской республики дает нам картину общества, в котором уже созрело сознание, что долги могут стать общественным бедствием и в таком случае должны быть отвергнуты и что ничем не ограниченное право собственности на землю также не согласуется с интересами общества. Несколько позднее в Вавилоне строго было ограничено право собственности на рабов. Наконец, в учении великого революционера Иисуса Назарянина мы находим такие страстные нападки на собственность, каких нигде до тех пор не встречали. «Легче, говорит он, верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому войти в царство небесное». За последние двадцать пять или тридцать столетий усиливалась критика законных пределов собственности. Через девятнадцать веков после Иисуса Назарянина весь мир, исповедующий христианское учение, уже убежден в том, что нельзя владеть человеческими существами. Точно так же и идея о том, что человек может сделать со своей собственностью все, что угодно, была сильно поколеблена и в отношении других родов собственности.

В конце XVIII века вопрос о праве собственности все еще находился в зачаточном состоянии. Не было ничего ясного, ничего твердо установленного. Одним из сильнейших

побуждений того времени было стремление защитить собственность от жадности и мотовства королей и эксплуатации со стороны знатных авантюристов. Стремление защитить частную собственность от налогов было одним из главных поводов французской революции. Но революционные лозунги равенства привели ее к критике той самой собственности, на защиту которой она поднялась. Как могут быть люди свободными и равными, когда массы их лишены земли и пищи, а собственники не дают им ни еды, ни крова, разве только в обмен на труд? Такова была жалоба бедняков.

Как ответ на этот трудный вопрос, одна влиятельная политическая группа выдвинула принцип «разделения». Она требовала интенсификации и универсализации собственности и распределения ее между всеми. Первые социалисты или, говоря точнее, коммунисты, шли к той же цели, но другим путем: они требовали совершенной «отмены» частной собственности. Только государство (разумеется, демократическое) могло владеть собственностью.

Кажется парадоксальным, что различные люди, добивавшиеся одного и того же, а именно – свободы и счастья – требовали одни – абсолютной собственности, а другие – полного уничтожения собственности. Но таков факт. Разгадка этого парадокса кроется в том обстоятельстве, что понятие собственности – очень сложное понятие.

Только в XIX веке люди стали понимать, что понятие собственности не простое понятие, а охватывает собой целый

комплекс различных видов владения, различной ценности и значения, что многие предметы, например, человеческое тело, орудия художника, одежда, зубные щетки являются бесспорно предметами личной собственности, но наряду с ними другие, например, железные дороги, разнообразные машины, дома, сады и парки, увеселительные яхты – требуют внимательного и особого рассмотрения прежде, чем решить, до какой степени и в каких пределах данный предмет может оставаться частной собственностью, и в какой мере он должен перейти в общественное владение, в ведение государства в интересах коллектива. На практике эти вопросы являются задачами политики, становясь проблемой рациональной государственной администрации. Они открывают новые пути в социальной психологии и переплетаются с наукой о воспитании. Критика частной собственности является скорее ферментом, возбуждающим страстные споры, чем предметом науки. С одной стороны стоят индивидуалисты, желающие сохранить и расширить привилегии, связанные с частной собственностью, с другой – социалисты, которые стремятся к искоренению или ограничению частной собственности. На практике мы имеем различные градации между крайним индивидуалистом, едва соглашающимся с каким бы то ни было налогом в пользу государства, и коммунистом, отрицающим всякую собственность. Обычный социалист нашего времени – это то, что принято называть коллективистом: он допускает частную собственность на многие пред-

меты, но в то же время требует, чтобы народное образование, транспорт, горное дело, землевладение, массовое производство предметов широкого потребления и т. п. перешли в руки высоко организованного государства. В настоящее время среди мыслящих людей как будто замечается постепенный поворот в сторону умеренного, научно обоснованного социализма. Приходят к убеждению, что малокультурные люди плохо приспособлены к совместной работе в крупных предприятиях и что каждый шаг к более сложной государственной жизни и переход отдельной функции экономики от частной инициативы к государству требует соответствующего роста просвещения и организации надлежащего сознательного контроля. Как пресса, так и политические методы современного государства слишком грубы и не приспособлены к коллективной работе в широком масштабе.

Борьба между предпринимателями и рабочими, в особенности между хозяевами, соблюдающими свои выгоды и сопротивляющимися им рабочими, повела к распространению во всем мире учения Карла Маркса. Теория Маркса базируется на том, что экономические отношения определяют характер и направление общественной деятельности людей, и что в современном обществе неизбежен конфликт интересов зажиточных предпринимательских классов общества и рабочей массы. Вместе с ростом просвещения, вызванным революцией в механике, эта огромная рабочая масса, составляющая большинство, будет все более и более укреплять свое

классовое самосознание и усиливать свою солидарность в борьбе с правящим меньшинством, прекрасно сознающим свои классовые интересы. Достигшие классового самосознания рабочие захватят, согласно учению Маркса, политическую власть и введут новый социальный строй. Борьба классов, восстание, революция – все это кажется вполне понятным, но отсюда еще не следует, что в результате появится новый общественный строй, а не социальное разрушение.

Маркс стремился заменить национальный антагонизм классовой борьбой. Марксизм создал, один за другим, Первый, Второй и Третий рабочие интернационалы. Но к идее интернационализма можно прийти также, исходя из новейшей индивидуалистической точки зрения. Со времени великого английского экономиста Адама Смита укреплялось убеждение в том, что для экономического благополучия всего мира требуется неограниченная свободы торговли и промышленности. Индивидуалист, враждебно относящийся к государству, относится враждебно также к тарифам, пограничным преградам и всяким другим стеснениям свобода торговли и передвижения. Интересно, что эти два умственные направления, столь различные по духу и существу, как социализм марксистов и индивидуалистическая фритредерская философия английских деловых людей эпохи королевы Виктории, выступили в конце концов, несмотря на свои основные расхождения, на защиту одной и той же новой общемировой концепции хозяйственных вопросов вне границ и

стеснений, установленных каким-либо из существующих государств. Логика жизни восторжествовала над логикой теорий. Мы начинаем понимать, что и индивидуалистическая и социалистическая теории, построенные на существенно различных исходных принципах, являются результатами одного общего устремления человечества, а именно – исканий более широких социальных и политических основ, на которых люди могли бы успешно организовать свою совместную работу, – исканий, возобновившихся в Европе и усиливавшихся по мере того, как ослабевала вера в идею христианства и Священной Римской империи, и век открытий расширил всеобщий горизонт от границ Средиземного моря до пределов земного шара.

Перейти от изложения истории выработки и развития социальных, экономических и политических идей к изложению всех дискуссий настоящего времени – значило бы вводить в эту книгу чуждые ей намерения и выйти за поставленные автором границы. Но, рассматривая эти идеи в свете широких перспектив, открывающихся при изучении всемирной истории, следует признать, что выработка этих руководящих идей далеко еще не закончена, и даже трудно определить степень этой незаконченности. Некоторые общие идеи как будто приобретают всеобщность и оказывают весьма заметное влияние на политические события и государственные акты современности; но в настоящее время они еще недостаточно ясны и убедительны, чтобы заставить людей приступить

определенно и систематически к их воплощению в жизнь. Люди в своих поступках то больше руководятся обычаями, то увлекаются новшествами, но в общем они скорее тяготеют к традиционному. Однако, сравнительно с тем, что было недавно, за последние годы как будто вырисовываются контуры нового порядка человеческих взаимоотношений. Эти контуры еще недостаточно определены, обнаруживая расплывчатость то в одном, то в другом пункте и изменчивость в отношении деталей и формул, но они становятся все яснее, и их основные линии меняются все меньше и меньше.

С каждым годом делается все очевиднее, что во многих отношениях и в целом ряде областей человечество становится одной общиной, и что крайне необходимо установить в этих областях общемировой контроль. Так, например, становится все очевиднее, что вся наша планета представляет собой одно экономическое целое, что надлежащая эксплуатация ее естественных богатств требует единого всеобъемлющего управления, и что все увеличивающееся значение ряда открытий и изобретений делает современную систему управления, с ее бесконечным множеством действующих независимо и враждующих между собой аппаратов, — вредной и опасной. Финансы и монетная система также становятся общемировым делом, успешное ведение которого требует организации его в общемировом масштабе. В таком же масштабе должны быть организованы борьба с эпидемиями и регулирование переселенческого дела. Растущее зна-

чение человеческой деятельности сделало и войну слишком непропорционально разрушительной и дезорганизирующей и слишком недействительным и грубым способом разрешения конфликтов между отдельными государствами и народами. Все это требует установления контроля на более широких основах, большей авторитетности и более глубокого понимания вещей, чем все это имеет место у существующих ныне правительств.

Это не значит, однако, что решение всех этих проблем сводится к созданию какого-то «сверх-правительства», господствующего над всем миром и возникающего в результате подчинения или даже взаимного слияния существующих правительств. По аналогии с существующими учреждениями думали о всемирном парламенте, общемировом конгрессе, президенте или императоре всего земного шара. Это решение кажется, на первый взгляд, наиболее простым и естественным, но всестороннее обсуждение вопроса и полувекковой опыт подорвали веру в спасительность этой идеи. Достигнуть всемирного объединения, идя этим путем, нет возможности. Общественная мысль склонна искать разрешение этого вопроса в создании известного числа отдельных для каждой области специальных комитетов или организаций, с обще-мировыми полномочиями, полученными от существующих правительств для выполнения тех или иных функций и организующих эксплуатацию естественных богатств, регулирующих условия труда, разрешающих конфликты между

государствами, руководящих монетным делом, переселением, народным здоровьем и т. п. Скоро всем станет ясно, что все вопросы, касающиеся общих интересов различных наций, могут разрешаться и без помощи общемирового правительства. Однако, для того, чтобы человеческий ум воспринял мысль об объединении в единую братскую семью всего человечества, необходимо, чтобы эти идеи стали предметом образования и воспитания. Только тогда будет достигнуто такое всеобщее единение, при котором общее благо станет выше национальной зависти и взаимных подозрений.

В течение ряда столетий великие мировые религии боролись за поддержание и распространение этой идеи всеобщего человеческого братства, но вплоть до наших дней злоба, гнев, взаимное недоверие, национальные прения препятствовали, притом с успехом, распространению более широких взглядов и более благородных импульсов, которые сделали бы каждого человека слугой всего человечества. Идея всеобщего братства борется ныне за овладение человеческой душой так, как боролась идея христианства в Европе в мрачную и смутную эпоху шестого и седьмого столетий христианской эры. Распространение и торжество этих идей должно быть делом множества преданных и скромных проповедников, и ни один современный писатель не может взять на себя разгадку того, как далеко зашла эта работа или какие плоды она принесет.

Социальные и экономические вопросы, по-видимому,

неразрывно связаны с интернациональными вопросами. Решение в каждом отдельном случае зависит от одушевления, охватывающего душу при призыве послужить человечеству. Национальное недоверие, несговорчивость и эгоизм являются отражением недоверия, несговорчивости и эгоизма каждого отдельного собственника и рабочего перед лицом всеобщего блага. Преувеличенное чувство собственности в индивидууме – явление того же порядка, как и захватные стремления народов и их монархов. Чувства такого рода являются следствием тех же инстинктивных стремлений, того же невежества и традиций. Интернационализм – это социализм народов. Всякий, кто боролся за эти проблемы, знает, что для действительного и окончательного разрешения вопросов человеческого общения и сотрудничества у нас нет еще достаточно глубоких и значительных психологических знаний, достаточно разработанных методов и организации воспитания и образования. В настоящее время мы так же неспособны создать организацию, обеспечивающую мир на Земле, как не в состоянии были люди в 1820 г. создать электрические железные дороги; но, насколько мы знаем, эта проблема столь же доступна и, пожалуй, столь же скоро осуществима.

Никто не может выйти за пределы своих знаний, никакая мысль не в состоянии выйти из сферы современной мысли, и мы не можем угадать или предсказать, многим ли еще человеческим поколениям придется жить в условиях войны,

опустошения, необеспеченности и нищеты, пока заря великого мира, к которому вся история как будто стремится, мира в душе и мира на Земле, не прогонит ночи беспечного и бесцельного существования. Предлагаемые решения все еще неопределенны и грубы. Страсти и подозрения сопутствуют им. Великое дело интеллектуального возрождения еще только начинается: оно все еще несовершенно, но наши понятия становятся все яснее и точнее, и трудно сказать, идет ли этот процесс медленно или быстро. Но, по мере своего прояснения, эти понятия овладевают умами и воображением людей. Если они еще не захватывают нас, то это зависит от недостатка в нас уверенности и сознания безусловной правоты. Благодаря тому, что эти идеи излагаются часто неявно и различно, бывают недоразумения. Но точность и определенность дадут новому взгляду на мир всеубеждающую силу. Эту силу он может приобрести весьма скоро. А за этим ясным уразумением проблемы с логической необходимостью последует великое дело перестройки воспитания и образования.

Глава LX. Рост Соединенных Штатов

В Северной Америке раньше всего проявились поразительные результаты новых изобретений в области транспорта. В политическом отношении Соединенные Штаты воплотили либеральные идеи середины восемнадцатого века, которые нашли выражение в их конституции. Они обошлись без государственной религии и без монарха, они отказались от титулов, они ревниво оберегали собственность, как условие свободы, и предоставили право голоса почти каждому взрослому гражданину мужского пола. (На практике принцип этот проводился вначале различно в разных штатах). Их система голосования была чрезвычайно примитивна и груба, и вследствие этого политическая жизнь страны скоро подпала под влияние хорошо налаженных партийных организаций, что не помешало, однако, только что эмансипировавшемуся населению проявить энергию, предприимчивость и дух общности, далеко превосходящие эти свойства у других современных народов.

Затем наступило ускорение средств передвижения, о которых мы уже упоминали. Любопытно, что Америка, которая так многим обязана быстроте передвижения, менее всего это сознает. Соединенные Штаты приняли железную дорогу,

речной пароход, телеграф и т. д., как будто они были естественным явлением в общем ходе их развития. Но это не так. Эти изобретения явились случайно как раз вовремя, чтобы спасти единство Америки. Современные Соединенные Штаты созданы прежде всего речным пароходом, а затем железной дорогой. Без них существование такого огромного континентального государства, как Соединенные Штаты, было бы совершенно невозможно.

Движение населения на Запад было бы значительно медленнее. Оно никогда не перекинулось бы через большие центральные равнины. Понадобилось около двух столетий для действительного заселения пространства от океана до Миссури – гораздо менее половины ширины всего материка. Первым штатом, основанным по ту сторону реки в 1821 г., был штат Миссури. Все остальное расстояние до Тихого Океана было пройдено в несколько десятилетий.

Если бы мы могли воспользоваться услугами кинематографа, было бы интересно показать изменение карты Северной Америки из года в год, начиная с 1600 г., изображая маленькими точками каждую сотню людей и звездочками – города со 100-тысячным населением.

Читатель увидел бы, как в течение 200 лет точки медленно расползались по прибрежным областям и по течению судоходных рек, добираясь постепенно до Индианы, Кентукки и т. д. Затем, приблизительно около 1810 г., произошла бы перемена. Расселение пошло бы оживленнее по течению рек.

Точки множились бы и распространялись. Это – влияние паровозов. Точки-пионеры скоро появились бы и в Канзасе, и в Небраске, направляясь туда из многих поселений, уже основанных по течению больших рек.

Затем, начиная приблизительно с 1830 г., протянулись бы черные линии железных дорог, и вслед за тем маленькие черные точки уже не ползли бы, а бежали. Они стали появляться бы так быстро, точно их разбрасывала бы какая-нибудь машина. И вдруг, то там, то здесь начали бы появляться первые звездочки, обозначая первые большие города со 100-тысячным населением. Один, другой, третий – и вот перед нами целое множество городов, точно узлы все растущей сети железных дорог.

Рост Соединенных Штатов – процесс, который не имеет себе подобных в мировой истории; это явление нового порядка. Государство подобного рода не могло бы появиться ранее, а если бы оно и явилось, то без железных дорог оно распалось бы уже давно. Не будь железных дорог и телеграфа, Калифорнией было бы гораздо легче управлять из Пекина, чем из Вашингтона. Однако, население Американских Соединенных Штатов не только неимоверно возросло численно, но сохранило при этом свою однородность. Более того, оно стало еще более однородным, чем прежде. Житель Сан-Франциско больше похож на жителя Нью-Йорка в наши дни, чем житель Виргинии был похож на жителя Новой Англии 100 лет тому назад. Этот процесс ассимиляции непре-

рывно продолжается и теперь. Соединенные Штаты своими железными дорогами и телеграфом все более связываются в одно огромное целое, говорящее, думающее и действующее в полном согласии с самим собой. Скоро в деле этого объединения примет участие и авиация. Это великое политическое объединение Соединенных Штатов – совершенно новое явление в истории.

И раньше существовали великие государства с народонаселением, превышающим 100 миллионов, но то были союзы различных народов; ни один отдельный народ не достигал еще таких огромных размеров. Для этого нового явления нам нужен новый термин. Мы называем Соединенные Штаты страной, точно так же, как называем страной Францию или Голландию. Но эти явления столь же различны, как автомобиль и одноконная тележка. Это продукты различных периодов и различных условий; они призваны действовать в различном темпе и совершенно в различных направлениях. Соединенные Штаты, по своему масштабу и по своим возможностям, стоят на полпути между европейским государством и соединенными штатами всего мира.

Но на пути к нынешнему своему величию и благополучию американскому народу пришлось пройти через период тяжелой борьбы. Речные пароходы, железная дорога, телеграф и все доставляемые ими удобства явились слишком поздно и не предупредили все увеличивавшееся расхождение интересов и идей между Южными и Северными Штатами Сою-

за. Первые были рабовладельческими штатами; во вторых же – все люди были свободны. Железная дорога и пароходы обострили уже установившееся различие между двумя частями Соединенных Штатов. Новые средства сообщения увеличили взаимное соприкосновение и обострили вопрос о преобладании Северных или Южных Штатов. Возможность компромисса была маловероятна. На севере господствовал дух свободы и индивидуализма; южане же стояли за крупную земельную аристократию, господствующую над огромными темными массами.

Каждая новая часть территории, организуемая в штатах в то время, как волна населения катилась по направлению к западу, каждая новая область, присоединяющаяся к быстро растущему Американскому союзу, служили полем для столкновений, от исхода которых зависело, будет ли новый штат штатом свободных граждан, или же в нем будет преобладать система землевладения и рабства. Начиная с 1833 г., общество противников рабства в Америке не только препятствовало распространению этого установления, но агитировало по всей стране за полное его уничтожение. Дело кончилось открытым конфликтом, возникшим по поводу присоединения Техаса к Союзу. Техас первоначально составлял часть республики Мексики, но был широко колонизован американцами из рабовладельческих штатов, отделился от Мексики, провозгласил свою независимость в 1835 г. и был присоединен к Соединенным Штатам в 1844 г. Мексикан-

скими законами рабство было воспрещено в Техасе. Теперь же юг заявил притязания на Техас для введения в нем рабовладельчества – и получил его.

Тем временем развитие океанского судоходства доставляло все увеличивающийся поток эмигрантов из Европы, который пополнял собой население Северных Штатов. Превращение северных фермерских областей – Айовы, Висконсина, Миннесоты и Орегона – в Штаты давало противникам рабства, северянам, возможность преобладания и в Сенате, и в Парламенте. Производящий хлопок юг, находясь под все растущей угрозой аболиционизма и опасаясь преобладания аболиционистов в Конгрессе, стал поговаривать об отделении от Союза. Южане стали мечтать о присоединении юга Мексики и Вест-Индии и о создании крупного рабовладельческого государства, независимого от севера и простирающегося до Панамы.

Избрание в 1860 г. президентом Авраама Линкольна, противника распространения рабства, побудило юг отколоться от Союза, Южная Каролина провела «постановление об отделении» и стала готовиться к войне. Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана и Техас присоединились к ней, и собравшийся в Монтгомери и Алабаме съезд избрал Джефферсона Дэвиса президентом «Конфедерации Штатов» Америки и принял конституцию, специально поддерживающую «институт рабства негров».

Авраам Линкольн был чрезвычайно типичным предста-

вителем нового поколения, выросшего после войны за независимость. В ранние годы он участвовал в общем потоке стремившегося на запад населения. Он родился в Кентукки (1809 г.), мальчиком был перевезен в Индиану, а затем в Иллинойс. В те дни жизнь в девственных лесах Индианы была очень сурова: домом его была простая бревенчатая хижина в глуши, а образование его было случайным и скудным. Но мать Линкольна рано научила его читать, и он с жадностью предался чтению книг. В 17 лет он был рослым, атлетически сложенным юношей, увлекавшимся борьбой и состязанием в беге. Некоторое время он работал в качестве конторщика на складе, затем начал собственное коммерческое дело с пьяницей-компаньоном и наделал долгов, которые не мог выплатить в течение 15 лет. В 1834 г., всего 25 лет от роду, он был избран членом законодательного собрания Иллинойса.

В Иллинойсе вопрос о рабстве стоял особенно остро потому, что известным лидером партии, стоявшей за распространение рабства, в Национальном конгрессе был сенатор Дуглас из Иллинойса. Дуглас был человеком больших способностей и пользовался большим уважением, так что Линкольну пришлось в течение нескольких лет бороться с ним речами и памфлетами, постепенно становясь его наиболее опасным противником и в конце концов – победителем. Решительной битвой была избирательная кампания 1860 г., и 4 марта 1861 г. Линкольн вступил в исполнение обязанностей президента, в то время, как Южные Штаты уже отказались

подчиняться федеральному правительству в Вашингтоне и открыли военные действия.

Эта гражданская война велась в Америке импровизированными войсками, численность которых постепенно возростала от нескольких десятков до сотен тысяч – пока, наконец, федеральные силы не превысили миллиона человек. Война велась на обширном пространстве между Новой Мексикой и восточным побережьем с главными пунктами Вашингтоном и Ричмондом (Виргинией). В нашу задачу не входит рассказывать о все возраставшей интенсивности этой эпической борьбы, которая разворачивалась по холмам и лесам Тенесси и Виргинии и вниз по течению Миссисиппи. Это было ужасное избиение людей. За ударом следовал ответный удар; надежда уступала место отчаянию, воскресала и снова бывала обманута. Иногда казалось, что Вашингтон уже во власти конфедератов, в другой раз федеральные армии надвигались на Ричмонд. Конфедераты, превосходящие численностью и хуже снаряженные, сражались под предводительством очень способного полководца – генерала Ли. Военное командование Союза было гораздо слабее. Генералов сменяли, назначали новых, пока, наконец, под предводительством Шермана и Гранта не была одержана победа над разоренным и истощенным югом. В октябре 1864 г. федеральная армия под предводительством Шермана прорвала левое крыло конфедератов и двинулась от Тенесси через Георгию по побережью, пройдя насквозь всю область Конфе-

дерации, и затем свернула и, пройдя обе Каролины, зашла в тыл конфедеративной армии. Тем временем Грант удерживал Ли под Ричмондом, пока Шерман не соединился с ним. 9 апреля 1865 г. Ли и его армия сдались в Аппоматокс-Курт-Гаузере, а в течение ближайшего месяца сложили оружие и все остальные армии сепаратистов, и наступил конец Конфедерации.

Эта четырехлетняя борьба стоила народу Соединенных Штатов огромного физического и морального напряжения. Принцип свободного самоуправления Штатов был очень дорог многим, а Север между тем, казалось, навязывал отмену рабовладельчества Югу. В пограничных штатах родные и двоюродные братья, даже отцы и сыновья часто находились во враждебных армиях. Север считал свое дело правым, но для очень многих правота эта не являлась ни всецелой, ни неоспоримой. Однако, для Линкольна никаких сомнений не существовало. Среди общего смятения он сохранял спокойствие и ясность мысли. Он стоял за единение; он стоял за широкий мир в Америке. Он был противником рабства, но рабство для него стояло на втором плане; непосредственной целью его было не допустить, чтобы Соединенные Штаты распались на две враждебные и враждующие части.

Когда в начале войны Конгресс и федеральные генералы стали требовать немедленного освобождения рабов, Линкольн с ними не соглашался и умерял их пыл. Он стоял за постепенное освобождение с компенсацией собственни-

ков. Только в январе 1865 г. вопрос оказался настолько созревшим, что Конгресс мог уже внести предложение навсегда отменить рабство, внося реформу в конституцию; война закончилась прежде, чем реформа эта была утверждена Штатами. Когда война затянулась на 1862 и 1863 гг., первый взрыв страстей и энтузиазма улегся, и Америка узнала всю тяжесть и ужасы войны. Президенту пришлось иметь дело с пораженцами, с предателями, с смененными генералами, изворотливыми партийными политиками, с усталым, сомневающимся народом с одной стороны, и с изверившимися в победу генералами и упавшими духом войсками – с другой. Главным утешением его могло быть разве только то, что Джефферсон Дэвис в Ричмонде едва ли был в лучшем положении. Английское правительство поступило неправильно, позволив агентам конфедерации построить и вооружить три быстрых капера, (из них более всего известна «Алабама»), которые преследовали на морях суда Соединенных Штатов. Французская армия в Мексике втоптала в грязь доктрину Монро. Из Ричмонда приходили дипломатические предложения окончить войну, предоставить цели войны последующему рассмотрению и, заключив союз, обратиться вместе против французов в Мексике. Но Линкольн не желал и слушать подобных предложений без предварительного признания верховенства Союза. Американцы могли бы сделать это лишь в качестве единого народа, но ни в коем случае не как два народа.

Он один поддерживал единство Соединенных Штатов в течение долгих томительных месяцев неудач и тщетных усилий, в течение мрачных периодов раздоров и упадка духа, и нет свидетельств, чтобы он когда-либо уклонился от своей цели. Бывали дни вынужденного бездействия, когда он сидел в Белом Доме молча, неподвижно, как суровое олицетворение решимости; бывали другие дни, когда он давал отдых своему уму, шутил и рассказывал анекдоты.

Он увидел торжество Союза. Он въехал в Ричмонд на следующий день после его падения и узнал о капитуляции Ли. Он вернулся в Вашингтон и 11 апреля последний раз говорил публично. Тема его была – примирение и восстановление лояльного правительства в побежденных штатах. Вечером 14-го апреля он пошел в театр Форда в Вашингтоне, и в то время, как он смотрел на сцену, он был убит на месте выстрелом в заднюю часть головы. Стрелял актер по имени Бут, который таил против него злобу и пробрался незамеченным в ложу. Однако, дело Линкольна было сделано: Союз был спасен.

В начале войны не было еще железной дороги к побережью Тихого океана. После нее железная дорога стала раскидывать свои ветви, подобно быстро растущему растению, пока не охватила, не соединила и не связала всю обширную территорию Соединенных Штатов в одно неделимое духовное и материальное целое – величайшее из существующих общественных объединений всего мира, которое не будет

превзойдено до тех пор, пока простой народ в Китае не научится грамоте.

Глава LXI. Возвышение Германии в Европе

Мы говорили уже о том, как после потрясений французской революции и Наполеоновской авантюры в Европе снова на время установился непрочный мир и, в несколько модернизированном виде, опять возобновились политические отношения, существовавшие за 50 лет до того. До середины столетия новые способы обработки стали, железные дороги и пароходы не вызвали еще никаких заметных политических последствий. Но росло социальное напряжение, порожденное развитием городской промышленности. Франция оставалась явно беспокойной страной. За революцией 1830 г. последовала революция 1848 г. Затем Наполеон III, племянник Наполеона Бонапарта, стал сперва президентом, а затем (в 1852 г.) императором.

Он принялся перестраивать Париж и из живописного, хотя и неблагоустроенного города XVII ст. превратил его в обширный латинизированный мраморный город, который мы видим теперь. Он принялся перестраивать Францию и сделал из нее внешне блестящую модернизированную империю. Он проявил склонность воскресить то соперничество Великих держав, которое в течение XVII и XVIII веков заставило Европу заниматься пустыми войнами. Русский царь Нико-

лай I (1825–1856) начал также проявлять воинственные наклонности и стал теснить на юге Турецкую Империю, имея в виду получить Константинополь.

С наступлением нового столетия, в Европе разразился ряд новых войн. Это были войны, которые велись, главным образом, для «сохранения равновесия» и за политическое преобладание. Англия, Франция и Сардиния напали во время Крымской войны на Россию, защищая Турцию.

Пруссия (в союзе с Италией) и Австрия боролись за руководящую роль Германии. Франция освободила Северную Италию от австрийского господства ценой Савойи. Италия объединилась постепенно в единое королевство. Затем Наполеон, следуя дурным советам, предпринял авантюру в Мексике во время Американской гражданской войны; он посадил туда императора Максимилиана и быстро покинул его на произвол судьбы. Максимилиан был застрелен мексиканцами, когда победившее федеральное правительство стало показывать свои зубы.

В 1870 г. наступила давно назревавшая борьба за преобладание в Европе между Францией и Пруссией. Пруссия давно предвидела эту борьбу и готовилась к ней. Франция же была истощена финансовыми неурядицами. Ее поражение наступило быстро и было полно драматизма. Немцы вторглись во Францию в августе. Одна из больших французских армий, под предводительством императора, капитулировала в Седане в сентябре; другая – сдалась в октябре в Меце, а в янва-

ре 1871 г. Париж, после осады и бомбардировки, оказался в руках немцев. По миру, подписанному во Франкфурте, провинции Эльзас и Лотарингия перешли к Германии. Германия, исключая Австрию, была объединена в одну империю, и король Прусский был причислен к сонму европейских кесарей в качестве германского императора. В течение последующих 43 лет Германия играла роль руководящей державы на европейском континенте. В 1877–1878 г. происходила русско-турецкая война, но после того, если не считать некоторых перемен на Балканах, европейские границы оставались до некоторой степени устойчивыми в течение 30 лет.

Глава LXII. Новые заокеанские завоевания, обязанные пароходу и железной дороге

Конец XVIII столетия был периодом распада государств и разочарования сторонников захватной политики. Необходимость в длинном и скучном путешествии от Британии и Испании до американских колоний препятствовала свободному сообщению между метрополией и колониями, превратившимися в новые самостоятельные государственные единицы с собственными интересами и даже с особым говором. По мере того, как колонии крепили, ослабевала связь их с метрополией, поддерживаемая редкими и неправильными пароходными рейсами. Слабые торговые посты, рассеянные в диких местностях, как, например, французские посты в Канаде или торговые компании в больших иноземных государствах, подобно британским компаниям в Индии, ради сохранения своего существования крепко цепляются за нацию, которая их поддерживает и дает смысл их бытию. Именно в таком, но не в большем объеме, представлялись многим мыслителям начала XIX столетия возможными заокеанские владения. В 1820 г. очертания крупных европейских владений вне Европы, которые так гордо красовались на картах середины XVIII ст., сузились до очень малых размеров. Только Россия рас-

пространялась, как и прежде, по всему северу Азии.

В 1815 г. Британские владения состояли из редко населенной прибрежной, речной и приозерной области Канады и из обширной дикой внутренней области, единственными поселениями которой были станции для торговцев мехами Гудсоновской Компании; около трети Индийского полуострова под управлением Ост-Индской Компании; прибрежного округа мыса Доброй Надежды, населенного неграми и непокорными голландскими поселенцами; нескольких торговых станций на западном побережье Африки; Гибралтарской скалы; острова Мальты; Ямайки; нескольких незначительных владений, обслуживаемых рабами в Вест-Индии, британской Гвиане и южной Америке, и на другом конце света двух мрачных мест ссылки преступников: в Австралии (Ботани-Бей) и в Тасмании. Испания сохранила за собой Кубу и несколько поселений на Филиппинских островах. У Португалии оставались еще в Африке некоторые следы прежних прав. Голландия владела различными островами и областями в Восточной Индии и голландской Гвиане, а Дания – каким-нибудь одним островом в Вест-Индии. Франция владела одним-двумя островами в Вест-Индии и французской Гвианой. Это было все, чем могли воспользоваться державы или что удалось им захватить. Только Ост-Индская компания проявляла некоторое стремление к расширению своего господства.

Пока Европа была занята Наполеоновскими войнами,

Ост-Индская компания, под управлением целого ряда генерал-губернаторов, играла в Индии приблизительно ту же роль, какую играли раньше турки и т. п. пришельцы с севера. После Венского мира эта компания вела себя почти как независимое государство: собирала доходы, объявляла войны, отправляла послов к азиатским государям, при этом постоянно посылая большие средства на запад.

Мы не можем рассказывать здесь во всех подробностях о том, как Английская компания прокладывала себе путь к власти в качестве союзника то того, то другого государства, в конце концов явившись победительницей всех их. Власть ее простиралась до Асама, Синда и Ауда. Карта Индии начала принимать контуры, хорошо знакомые каждому современному английскому школьнику, становясь конгломератом туземных царств, окруженных и сдерживаемых большими провинциями, под непосредственным британским управлением.

В 1859 г., после серьезного восстания туземных войск в Индии, эти владения Ост-Индской компании были присоединены к британской короне. Так называемым «Актом о лучшем управлении Индией» генерал-губернатор был заменен вице-королем, представляющим собою особу короля, и место Компании заступил государственный секретарь по делам Индии, ответственный перед британским парламентом. В завершение преобразований, по инициативе лорда Биконсфильда, королева Виктория была в 1878 г. провозгла-

шена императрицей Индии.

Такова не совсем обычная связь, существующая и поныне между Индией и Британией. Индия все еще империя Великого Могола, но Великий Могол заменен «коронованной республикой» Великобритании. Индия – монархия без монарха. Управление это сочетает в себе недостатки абсолютной монархии с безличностью и безответственностью демократического устройства. У индуса нет подлинного монарха, к которому он мог бы обратиться с жалобой. Его император – золотой символ. Он должен направлять памфлеты в Англию или возбуждать вопросы в британской палате общин. Парламент занят, главным образом, британскими делами; тем меньше внимания уделяет он Индии, и тем больше она предоставлена на усмотрение небольшой группы высших чиновников.

Кроме как в Индии, нигде ни одно европейское государство не достигло значительного расширения своих владений, пока не стали действовать железные дороги и пароходы. Серьезная школа политических мыслителей в Британии считала заокеанские владения источником слабости для королевства. Австралийские поселения развивались медленно, пока в 1842 г. нахождение ценных медных руд, а в 1851 г. – золота не придало им нового значения. Благодаря усовершенствованиям в транспорте увеличился сбыт австралийской шерсти в Европе. Канада также мало прогрессировала до 1819 г.; в ней происходили раздоры между французским и британ-

ским населением. Было несколько серьезных восстаний, и только в 1867 г., когда по новой конституции было создано Канадское Федеральное Управление, – внутренние неурядицы закончились. Внешний вид ее преобразили железные дороги. Они дали возможность Канаде, точно так же, как и Соединенным Штатам, распространяться на Запад, вывозить свой хлеб и другие свои продукты в Европу, и притом, несмотря на быстрый рост, все же остаться по языку, симпатиям и интересам единым целым. Железная дорога, пароходы и телеграфный кабель совершенно изменили все условия колониального развития.

Около 1840 г. английские поселения уже появились в Новой Зеландии, и была образована Ново-Зеландская земельная компания для эксплуатации богатств этих островов. В 1840 г. Новая Зеландия также была присоединена к колониальным владениям британской империи.

Канада, как мы уже отметили, первая из всех британских владений, использовала новые экономические возможности, которые открывались с распространением усовершенствований в транспорте. Становящаяся все более ощутительной близость европейского рынка особенно отразилась на торговле скотом и производстве кофе в республиках Южной Америки, в особенности Аргентинской. До тех пор главной приманкой для европейцев в этих неустроенных и диких областях было золото и другие металлы, пряности, слоновая кость или рабы. Но за последнюю четверть XIX века сильный

прирост европейского населения принудил правительство искать за границей важнейшие продукты питания, а рост научной промышленности создал спрос на новые сырые материалы: жиры всякого рода, каучук и другие вещества, которыми до того пренебрегали. Было очевидно, что Великобритания, Голландия, Португалия должны были извлечь огромную торговую прибыль из находящихся в их ведении тропических и субтропических продуктов. После 1871 г. Германия, затем Франция, а позже Италия принялись искать никому не принадлежащие области, богатые сырыми материалами, или восточные страны, которые были бы способны к новой культуре.

Таким образом, во всем мире снова началась всеобщая свалка из-за обладания политически беззащитными странами. Исключение составляла та часть Америки, где доктрина Монро препятствовала таким авантюрам.

Вблизи Европы находился Африканский континент, полный еще плохо исследованных возможностей. В 1850 г. он был еще окутан глубокой тайной; известны были только Египет и прибрежная полоса. У нас нет места для рассказа об изумительных похождениях исследователей и искателей приключений, которые впервые несколько рассеяли окутывавший Африку мрак, и о политических агентах, администраторах, торговцах, поселенцах и ученых, которые двинулись по их следам. Были открыты удивительные породы людей, как пигмеи, странные животные, как окапи, чудесные

плоды, цветы и насекомые, ужасные болезни, поразительные картины природы, леса и горы, огромные внутренние озера, гигантские реки и водопады – целый новый мир. Были найдены даже остатки (в Зимбабве) каких-то неведомых, исчезнувших цивилизаций – сооружения какого – то древнего народа. В этот новый мир пришли европейцы – и нашли уже винтовку в руках арабов, торговцев невольниками, и жизнь негров в полном расстройстве.

Около 1900 г., через полвека, вся Африка была исследована, нанесена на карту, оценена и разделена между европейскими державами. В этой суматохе мало внимания обращалось на благополучие туземцев. Арабы, торговцы рабами, были, правда, скорее обузданы, чем изгнаны. Жадная погоня за каучуком, сырым продуктом, который принуждали собирать туземцев бельгийского Конго, и постоянные столкновения неопытных европейских администраторов с туземным населением – все это приводило к ужасным жестокостям. Ни у одной европейской державы в этом отношении совесть не чиста.

Мы не можем рассказывать здесь со всеми подробностями о том, как Великобритания завладела в 1883 г. Египтом и оставалась там, несмотря на тот факт, что Египет составлял часть Турецкой Империи, ни о том, как вся эта кутерьма едва не повела к войне между Францией и Великобританией в 1898 г., когда некий полковник Маршан, пройдя Центральную Африку с западного побережья до восточного, попытал-

ся захватить Верхний Нил у Фашоды.

Не можем мы рассказывать и про то, как британское правительство сперва позволило бурам или голландским поселенцам на Оранжевой реке и в Трансваале учредить независимые республики во внутренних областях Южной Африки, а потом раскаялось в своем поступке и присоединило к Британии в 1877 г. Трансваальскую Республику; как трансваальские буры боролись за свободу и завоевали ее, наконец, после битвы при Маюба-Хилле в 1881 г. Маджуба-Хилл должен был врезаться в память английского народа, благодаря настойчивой кампании в прессе. Война с обеими республиками вспыхнула вновь в 1899 г. Она продолжалась три года, обошлась британскому народу невероятно дорого и окончилась, наконец, покорением обеих республик.

Период их подчинения оказался очень коротким. В 1907 г. после падения империалистического правительства, которое их завоевало, южно-африканский вопрос взяли в свои руки либералы. Эти бывшие республики стали свободными и вместе с Капской колонией и Наталем добровольно вступили в федерацию всех южно-африканских государств, составляющую единую самоуправляющуюся республику под покровительством британской короны.

За четверть столетия разделение Африки было закончено. Неприкосновенными остались три сравнительно небольших государства: Либерия, заселенная освобожденными рабами-неграми, – на западном побережье, Марокко, под гла-

венством мусульманского султана; и Абиссиния, дикая страна, в которой господствует древняя и своеобразная форма христианства и которая успешно защитила свою независимость от Италии в битве при Адуе в 1896 г.

Глава LXIII. Агрессивная политика Европы в Азии и возвышение Японии

Трудно поверить, чтобы сколько-нибудь значительное количество людей смотрело на это безрассудное перекрашивание карты Африки в европейские цвета, как на серьезное явление в мировой политике. Но долг историка установить, что это было на самом деле так. Однако, в XIX в. европейцы не имели еще глубоких исторических перспектив и еще не усвоили надлежащего критического подхода к вещам. Те чисто случайные преимущества перед остальным старым светом, которые революция в механике на западе доставила европейцам, считались людьми совершенно безграмотными в таких областях истории, как великие монгольские завоевания, доказательством прочности и длительности руководящей роли Европы в судьбах всего человечества. Эти люди не имели никакого понятия о преимуществах науки и о благах, которые она может принести. Они не представляли себе, что китайцы и индусы могут заниматься научными исследованиями так же успешно, как француз или англичанин. Они верили, что западу свойственна некоторая врожденная интеллектуальная активность, востоку же – врожденная косность и консерватизм, что навсегда должно обеспечить ев-

ропейцам мировое владычество.

Следствием такого ослепления были не только беспорядочные конфликты британской иностранной политики с политикой других европейских держав из-за диких неразработанных областей земной поверхности, но и дележ между ними населенных и цивилизованных стран Азии, как будто и эти народы были только сырым материалом для эксплуатации. Успех внутренне непрочного, но внешне блестящего империализма, насаждаемого британским правящим классом в Индии, и обширные владения голландцев в Ост-Индии, навевали соперничающим великим державам мечты о подобном же торжестве в Персии, в распадающейся Оттоманской империи, в дальней Индии, Китае и Японии. В 1898 г. Германия захватила Цзяо-Чжоу в Китае. Британия ответила захватом Вейхайвея, а в следующем году русские завладели Порт-Артуром. Взрыв ненависти к европейцам пронесся по всему Китаю. Произошли избиения европейцев и новообращенных христиан, а в 1900 г. – нападение на европейские посольства в Пекине и их осада. Соединенными силами европейцы совершили карательную экспедицию в Пекин, освободили посольства и забрали огромное количество ценного имущества. После этого русские захватили Манчжурию, а в 1904 г. – британцы вторглись в Тибет.

Но в это время в борьбу великих держав вмешалась новая держава – Япония. До того Япония играла лишь незначительную роль в мировой истории; ее замкнутая цивили-

зация немного внесла в сокровищницу общечеловеческой культуры. Она много получала, но мало давала. Японцы принадлежат к монгольской расе. Их цивилизация, их письменность, литературные и художественные традиции заимствованы у китайцев. История их интересна и романтична. В первое столетие христианской эры у них развивалась феодальная система и рыцарство. Их нападение на Корею и Китай являлось восточным эквивалентом английских войн во Франции. Япония впервые соприкоснулась с Европой в XVI столетии: в 1542 г. несколько португальцев добрались до нее в китайской джонке, а в 1549 г. иезуитский миссионер Франциск Ксавье начал там проповедовать. Некоторое время Япония охотно поддерживала сношения с Европой, и христианские миссионеры приобрели много прозелитов. Один европеец, Уильям Адамс, пользовался большим доверием японцев, как советчик, и научил их строить большие корабли. На построенных японцами кораблях совершались путешествия в Индию и Перу. Затем возникли сложные конфликты между испанскими доминиканцами, португальскими иезуитами и английскими и голландскими протестантами, причем каждый из них предостерегал японцев против политических притязаний других. Иезуиты, которые в этот период пользовались преобладающим влиянием, очень рьяно преследовали и оскорбляли буддистов. В конце концов, японцы пришли к заключению, что европейцы – назойливый и совершенно невыносимый народ и что, в частности, католическое хри-

стианство является только личиной, прикрывающей политические мечты папы и испанской монархии, уже захватившей Филиппинские острова. Произошло сильное преследование христиан, и в 1658 г. Япония решительно закрыла свои границы для европейцев и держала их закрытыми более двухсот лет. В продолжение этих двух столетий японцы были совершенно отрезаны от всего остального мира, как будто они жили на другой планете. Было запрещено строить суда больше обыкновенной прибрежной лодки. Ни один японец не имел права выезда за границу и ни один европеец – права въезда в страну. В продолжение двух столетий Япония оставалась незахваченной основным течением мировой истории. Она пребывала в состоянии причудливого феодализма, причем около 5 % населения – самураи или воины и знатные роды – тиранически господствовали над всем остальным населением. Тем временем весь остальной мир шел вперед, стремясь к более широким горизонтам и новым возможностям. Иностранные корабли все чаще проходили мимо японских берегов; иногда корабли терпели крушение и на берега Японии забрасывало моряков. Через посредство голландского поселения на острове Дешима, единственного звена, соединявшего Японию с внешним миром, получились тревожные сведения о том, что Япония не стоит на уровне мощи западного мира. В 1837 г. в залив Иеддо (Хоккайдо) вошел корабль под иностранным флагом со множеством полос и звезд. Он доставил несколько японских моряков, которых подобрал да-

леко в Тихом океане. Корабль был прогнан пушечными выстрелами. Тот же флаг затем появлялся на других судах. Одно из них явилось в 1849 г. просить об освобождении 18-ти потерпевших кораблекрушение американских моряков. Потом в 1853 г. явились четыре американских военных корабля под командой Перри и отказались уходить. Они бросили якорь в запрещенных водах и отправили послов к правителям, в то время поделившим между собой Японию. В 1854 г. Перри снова явился с 10 судами – удивительными кораблями, приводившимися в движение паром и вооруженными большими орудиями – и сделал предложение вступить в торговые сношения, на которое японцы принуждены были согласиться. Он высадился с конвоем в 500 человек, чтобы подписать договор. Толпы жителей с недоверием смотрели на этих гостей из иного мира, проходивших по их улицам.

Россия, Голландия и Британия пошли по следам Америки. Один знатный дворянин, владения которого лежали по сторонам пролива Симоносеки, счел нужным стрелять в иностранные суда, и в ответ флот британских, французских, голландских и американских военных судов бомбардировкой разрушил его батареи и рассеял бойцов. Наконец, союзная эскадра (в 1865 г.), стоявшая в Киото, потребовала подписания ряда договоров, открывавших миру двери Японии.

Японцы были чрезвычайно оскорблены всем случившимся. С изумительной энергией и умом они принялись за работу, стремясь поднять свою культуру и организацию до

уровня европейских держав. За всю историю человечества ни одна нация не сделала такого быстрого шага вперед, какой сделала тогда Япония. В 1866 г. это было средневековое государство, какая-то причудливая карикатура на самый крайний романтический феодализм. В 1899 г. японцы стали вполне современным народом, стоящим на одном уровне с самыми передовыми европейскими странами. Япония своим примером совершенно разрушила укоренившееся убеждение в том, что Азия безнадежно и бесповоротно отстала от Европы. Никакой европейский прогресс не может сравниться по скорости с прогрессом Японии.

Мы не можем излагать здесь во всех подробностях войну Японии с Китаем в 1894—1895 гг. В ней вполне обнаружился достигнутый японцами прогресс. У нее была действующая армия, организованная по западному образцу и небольшой, но сильный флот. Однако, значение ее возрождения хотя и было оценено Британией и Соединенными Штатами, которые уже относились к ней, как к европейскому государству, но не было понято другими великими державами, которые хотели найти себе новую Индию в Азии. Россия через Манчжурию добралась до Кореи. Франция уже устроилась далеко на юге, в Тонкине и Аннаме, Германия рыскала в поисках какой-нибудь колонии. Эти три державы сговорились помешать Японии воспользоваться плодами ее войны с Китаем. Она истощена была борьбой, и они грозили ей войной.

Япония временно подчинилась и стала собираться с сила-

ми. Спустя десять лет она готова была к борьбе с Россией, борьбе, составившей эпоху в истории Азии и положившей конец европейской самоуверенности. Русский народ не был, конечно, виновен во всех этих осложнениях, которые во имя его происходили на другом конце света, – он даже не знал о них, и мудрейшие русские государственные деятели были против подобных авантюр. Но царя окружала шайка финансистов-авантюристов во главе с великими князьями, его двоюродными братьями. Они затеяли большую игру в расчете сильно поживиться при будущем дележе Манчжурии и Китая и ни за что не хотели отступить от своих планов. И вот начали переправляться огромные армии японских солдат через море к Порт-Артуру и Корее; с другой стороны стали посылать по сибирским путям, в бесконечных поездах, русских мужиков на верную смерть на далеких полях сражения.

Русские, у которых были плохие полководцы и бесчестные интенданты, были разбиты на море и на суше. Русский Балтийский флот обошел Африку, чтобы быть совершенно уничтоженным в проливе Цусимы. Революционное движение в русском народе, возмущенном этой далекой и бессмысленной войной, принудило царя окончить войну в 1905 г. Он вернул южную часть Сахалина, захваченную Россией в 1875 г., очистил Манчжурию и отказался от Кореи в пользу Японии. Нашествие европейцев на Азию закончилось, и протянутые хищные щупальца Европы стали медленно сокращаться.

Глава LXIV. Британская империя в 1914 году

Отметим вкратце различные составные части британской империи 1914 г., которые паровые суда и железные дороги соединили в одно целое. Это была и есть единственная в своем роде политическая комбинация; ничего подобного никогда ранее не существовало.

На первом месте и в центре всей системы стоит «коронованная республика» соединенного британского королевства, включающая в себя против воли значительной части ирландского народа, Ирландию. Большинство британского парламента, состоящего из соединенных парламентав Англии, Уэльса, Шотландии и Ирландии, определяет политику и характер министерства, руководясь, главным образом, соображениями, вытекающими из внутренней политики Британии. Это министерство является фактически верховным правительством для всей остальной империи с правом объявления войны и заключения мира.

За британским государством, по порядку политического значения, следуют «коронованные республики»: Австралии, Канады, Ньюфаундлэнда (старейшее британское владение с 1583 г.), Новой Зеландии и Южной Африки. Все это – независимые и самоуправляющиеся государства, состоящие в со-

юзе с Великобританией, но в каждом имеется представитель империи, назначаемый правительством.

Далее следует Индийская империя – расширенная империя Великого Могола, которая, вместе с находящимися в зависимости от нее и под ее «протекторатом» мелкими государствами, простирается теперь от Белуджистана до Бирмы, включая Аден. Во всей этой империи британская корона и министерство по делам Индии (состоящее под контролем парламента) играют роль прежней тюркской династии.

Прибавим к этому двусмысленное обладание Египтом, номинально все еще составляющим часть турецкой империи и сохраняющим своего собственного монарха, хедива, но находящимся под почти деспотическом управлением Британии.

Затем следует еще менее прочная «англо-египетская» провинция Судан, занятая и управляемая совместно британским и египетским (находящимся под британским контролем) правительствами.

Затем идет ряд государств, обладающих частичным самоуправлением, из которых иные британского происхождения, иные же нет, с выборной законодательной и назначаемой правительством исполнительной властью, как Мальта, Ямайка, Багамские и Бермудские острова.

Далее следуют колонии, в которых британское управление (производимое через министерство колоний) приближается к автократии, как Цейлон, Тринидад, Фиджи (где существует

назначенный правительством совет), Гибралтар и св. Елена (где имеется губернатор).

Наконец, идут огромные просторы в большинстве тропических стран, производящих сырые продукты и обладающих политически слабым и нецивилизованным туземным населением, номинально находящихся под протекторатом Англии и под управлением верховного комиссара, поставленного над туземными вождями (как в Базутоленде), или над привилегированным обществом (как в Родезии). В некоторых случаях владения, относящиеся к этой последней, наименее определенной, категории были приобретены через посредство министерства по делам Индии, но по большей части они находятся в ведении министерства колоний.

Из всего сказанного ясно видно, что ни отдельные министерства, ни ум отдельного человека не могут охватить британскую империю в ее целом. Это такая смесь разнородных, органически выросших и механически присоединенных частей, какой не была до сих пор ни одна империя.

Она обеспечивает прочный мир и безопасность, поэтому ее признают и поддерживают многие из «подчиненных» рас, несмотря на тиранию, на все недостатки ее управления и на большое пренебрежение со стороны английского общества.

Подобно власти Афинской республики, власть Британской империи простирается за моря; пути ее являются морскими путями и ее главная связь с ее владениями – британский флот. Единство Британии, подобно единству всех

империй, физически зависит от способов сообщения. Развитие мореходства, судостроения и пароходства, в промежутке между 16 и 19-м столетиями, сделало возможным и удобным этот порядок вещей, который можно назвать «Pax Britannica».

Однако, дальнейшее развитие воздушного или ускоренного сухопутного транспорта может в любой момент сделать его неудобным и неприемлемым.

Глава LXV. Период вооружений в Европе и Великая война 1914–1918 гг

Успехи положительных знаний, которые создали обширную республику пароходства и железных дорог в Америке и способствовали распространению непрочной и всецело основанной на пароходстве власти британской империи по всему свету, привели к совершенно иным последствиям у народов, скученных на европейском континенте. Эти нации оказались ограниченными теми пределами, которые были установлены в эпоху езды на лошадях и больших дорог. Что же касается расселений за морями, то в этом отношении их успела в широкой мере предупредить Великобритания. Только Россия могла свободно распространяться на восток. Она провела железнодорожный путь через Сибирь. Но затем произошел конфликт с Японией, и Россия, к неудовольствию Британии, стала подвигаться на юго-восток, к пределам Персии и Индии. Остальные европейские державы все больше и больше страдали от тесноты. Для того, чтобы осуществить все возможности, вытекавшие из нового уклада человеческой жизни, им нужно было перестроить свою жизнь на более широких основаниях – либо путем какого-нибудь добровольного соглашения, либо путем принуждения, исходяще-

го со стороны более сильной державы. Современная мысль тяготела к первому выходу, но сила политических традиций толкала Европу ко второму.

Падение «империи» Наполеона III, создание новой германской империи породило надежды у одних и страх у других перед перспективой объединения всей Европы, под протекторатом Германии. За время 36-летнего неустойчивого мира политика Европы развивалась в этом направлении. Франция, бывшая постоянной соперницей Германии в вопросе преобладания в Европе еще со времени разделения империи Карла Великого, надеялась укрепить свои слабые силы при помощи тесного союза с Россией, а Германия тесно связалась с Австрийской империей (которая еще в дни Наполеона I перестала быть Священной Римской империей) и – с меньшим успехом – с новым королевством, Италией. Сначала Великобритания лишь наполовину принимала участие в континентальных делах, но с течением времени угрожающее развитие огромного германского флота заставило ее примкнуть к франко-русскому союзу. Император Вильгельм своими грандиозными замыслами вовлек Германию в несвоевременные заморские авантюры, которые, в конце концов, привлекли в ряды ее врагов не только Великобританию, но и Японию и Соединенные Штаты.

Все эти страны вооружались. С каждым годом все развивались такие отрасли национальной промышленности, как изготовление орудий, снаряжения, военных судов и т. п. С

каждым годом чаша весов склонялась как будто в сторону войны, – и все же войну удавалось предупредить. Наконец, она разразилась. Как только германское войско двинулось через Бельгию, Британия немедленно выступила на защиту Бельгии, привлекая и Японию, как свою союзницу. Вскоре выступила и Турция на стороне Германии. Италия выступила против Австрии в 1915 г., а Болгария присоединилась к «центральной державам» в октябре того же года. В 1916 г. Румыния, а в 1917 г. Соединенные Штаты и Китай были вынуждены принять участие в войне против Германии. В задачу настоящего исторического обзора не входит точно определить степень виновности каждой из держав в этой ужасной катастрофе. Самым интересным для нас является не вопрос о причине Великой Войны, но вопрос: почему ее не предвидели и не предотвратили. То обстоятельство, что десятки миллионов людей были слишком «патриотичны», слишком глупы или апатичны, чтобы предотвратить это несчастье, выступив с требованиями общеевропейского объединения на основе искренности и великодушия, имеет для человечества гораздо большее значение, чем тот факт, что нашлось небольшое число людей, вызвавших это бедствие своей преступной активностью.

Нет возможности в поставленных нами пределах проследить все сложные подробности войны. В первые же месяцы стало очевидным, что успехи современных технических знаний глубоко изменили характер ведения войны. Естествен-

ные науки дают человеку огромную власть, власть над ста-
лью, над пространством, над болезнью. Хорошо или дур-
но будет использовано это могущество, зависит всецело от
морального или политического уровня человечества. В ру-
ках европейских правительств, придерживавшихся устаре-
лой политики, основанной на ненависти и подозрительности,
оказалась беспримерная сила уничтожения и сопротивле-
ния. Война стала пожирающим пламенем, охватившим весь
мир, причиняющим потери и победителям и побежденным,
потери несоразмерные с поставленными целями. Первая фа-
за войны открылась стремительным наступлением немцев на
Париж и вторжением русских в Восточную Пруссию. Оба на-
ступления были остановлены и отбиты. Затем стали разви-
ваться способы защиты. Начались быстрые приготовления к
позиционной войне, пока, наконец, враждующие армии не
принуждены были залечь на продолжительное время в про-
тянувшиеся поперек всей Европы окопы, не имея возможно-
сти двинуться вперед без огромных потерь. Армии насчиты-
вали миллионы людей, а в тылу организовывалось все насе-
ление для доставки провизии и снаряжения на фронт. Пре-
кратилась почти вся производственная деятельность, кроме
той, которая имела непосредственное отношение к военным
операциям. Все пригодное мужское население Европы было
взято в армию, во флот или на импровизированные фабрики,
которые их обслуживали. В промышленности мужчины бы-
ли заменены в огромном количестве женщинами. Вероятно,

не менее половины населения воюющих стран Европы совершенно изменило свои занятия за время этой изумительной борьбы. Большинство людей лишалось родной почвы, попадая в чуждые социальные условия. Народное образование и научная работа были сокращены или обращены непосредственно на военные цели, а распространяемые известия всячески калечились и извращались военным контролем.

Ужасы войны начинали постепенно ощущаться в воюющих странах, также и находящимся в тылу населением, благодаря уничтожению пищевых складов и воздушным атакам. В то же время постоянно появлялись орудия все более совершенные по своим размерам и дальности и такие остроумные изобретения, как гранаты, наполненные ядовитыми газами и небольшие подвижные форты, названные танками, и имевшие своей целью сломить сопротивление войск в окопах. Воздушное наступление было самым революционным из всех новых методов. Оно перенесло войну из области двух измерений в область третьего. В предыдущей истории человечества война происходила только там, где двигались и встречались войска. Теперь она происходила повсюду. Сначала цеппелин, а затем бросающий бомбы аэроплан перенесли войну через фронт во все распространяющуюся зону гражданской деятельности тыла. Исчезли прежние различия между гражданским и воюющим населением. Всякий, кто производил пищевые продукты, кто шил одежду, кто рубил дерево или починял дом, каждая железнодорожная стан-

ция и каждый торговый склад должны были быть уничтоженными. С каждым месяцем войны число воздушных атак все увеличивалось и возрастал ужас, наводимый ими. В конце концов огромные области Европы оказались в осадном положении и подвергались ночным налетам. Такие открытые города, как Лондон и Париж проводили одну за другой бессонные ночи, когда разрывались бомбы, направленные против аэропланов орудия поднимали невыносимую трескотню, а пожарные машины и санитарные повозки мчались, громяхая по темным и пустынным улицам.

Впечатления такого рода особенно губительным и подавляющим образом отзывались на состоянии духа и на здоровье стариков и детей.

Эпидемия, этот вечный спутник войны, не появлялась до самого конца борьбы в 1918 г. В течение четырех лет медицина препятствовала развитию повальных эпидемий. Но после того во всем мире произошел сильный взрыв инфлюэнцы, уничтожившей много миллионов людей. Задерживали на некоторое время и голод. Однако в начале 1918 г. большая часть Европы переживала состояние замаскированного и урегулированного голода. Производство пищевых продуктов сильно упало во всем мире, благодаря призыву крестьянского люда на фронт, и распределение предметов питания было затруднено разрушениями, произведенными подводными лодками и расстройством обычных путей сообщения, вследствие закрытия границ и дезорганизации систе-

мы мирового транспорта. Различные государства захватывали истощающиеся запасы провианта и с большим или меньшим успехом распределяли их среди своего населения. На четвертый год весь мир страдал от недостатка одежды и жилищ, большей части необходимой для жизни утвари и пищи. Деловая и экономическая жизнь была глубоко дезорганизована. Все устали, и большинство людей жило в условиях отсутствия привычных удобств.

Активные военные действия прекратились в ноябре 1918 г. После последнего усилия, которое чуть было не привело германцев в Париж весной 1918 г., Центральные Державы сдались. Их духовные и физические силы пришли к концу.

Глава LXVI. Революция и голод в России

Больше чем за год до полного крушения Центральных Держав, выбыла из стран Россия, наполовину восточная монархия, считавшая себя наследницей Византийской Империи. Уже за несколько лет до начала войны царизм проявлял признаки глубокого разложения: двор был под влиянием фанатического религиозного самозванца Распутина, и члены правительства, гражданского и военного, отличались крайней неспособностью и нравственной испорченностью. В начале войны пламя патриотического энтузиазма охватило Россию. Под знамена были призваны огромные армии, для которых не было ни соответствующего воинского снаряжения, ни надлежащего опытного офицерского состава. Эти громадные массы, бедно снаряженные и плохо управляемые, были брошены на германскую и австрийскую границы.

Не может быть никакого сомнения в том, что быстрое наступление русских армий в Восточной Пруссии в сентябре 1914 г. отвлекло энергию и внимание немцев от их первого победного натиска на Париж. Страдания и смерть десятков тысяч почти брошенных на произвол судьбы русских крестьян спасли Францию от полного разгрома в эти памятные годы начала кампании и сделали всю Западную Европу

пу должницей этого великого и трагического народа. Однако, огромное напряжение войны было не под силу этой широко раскинувшейся и плохо организованной империи. Русские солдаты посылались в бой без поддержки артиллерии, иногда даже без ружейных патронов. В пылу военного энтузиазма офицеры и генералы не щадили своих солдат. Сначала казалось, что они страдают безропотно, как переносят страдания животные. Но есть предел даже и терпению самых бессознательных людей. Глубокое отвращение к царизму росло в рядах этих безжалостно уничтожаемых и обманутых людей. С конца 1915 года Россия становится источником все возрастающего беспокойства для своих западных союзников. Весь 1916 г. она преимущественно обороняется и разносятся слухи о сепаратном мире с Германией.

29 декабря 1916 г. старец Распутин был убит на званом обеде в Петрограде, и была сделана запоздалая попытка спасти царизм. К марту события начинают быстро разворачиваться. Голодные бунты в Петрограде выливаются в форму революционного восстания. Была сделана попытка насильственного роспуска представительного собрания Думы и ареста либеральных вождей. В результате этого образовалось Временное правительство под председательством князя Львова, и 15 марта произошло отречение царя. Одно время казалось, что умеренная и планомерно проведенная революция может привести даже и к власти нового царя, но затем стало ясно, что недоверие к правительству со стороны народ-

ных масс России зашло слишком далеко, чтобы допустить подобные компромиссы. Русский народ был смертельно болен, благодаря старым порядкам вещей в Европе, царям, войнам и Центральным Державам. Он хотел отдыха от своих невыносимых бедствий. Союзники не понимали российской действительности. Их дипломаты не знали России; они больше внимания обращали на русский двор и аристократию, чем на Россию и упорно делали промах за промахом в создавшемся новом положении. Они не выказывали большой симпатии к республике, напротив проявляли склонность совать палки в колеса новому правительству, поскольку это было только в их силах. Во главе русского республиканского правительства стоял красноречивый и эффектный вождь Керенский, который вскоре и оказался между двух огней: более глубоким революционным движением, «социальной революцией», у себя на родине и холодным пренебрежением со стороны союзников за границей. Союзники не позволяли ему ни наделить крестьян землей, которой они так добивались, ни заключить мир на границах России. Французская и британская прессы вынуждали своего истощенного союзника к новому наступлению, но когда немцы произвели сильную атаку с моря и суши на Ригу, Британское Адмиралтейство растерялось перед перспективой посылки балтийской экспедиции на выручку союзнику. Новая русская республика должна была сражаться без поддержки. Необходимо заметить, что, несмотря на свой перевес на море и энергич-

ные протесты английского адмирала, лорда Фишера (1841–1920), англичане и их союзники, если не считать нескольких атак, произведенных подводными лодками, предоставили немцам полное господство на Балтийском море на все время войны.

Население России было, однако, полно решимости положить во что бы то ни стало конец войне. В Петрограде образовалось собрание представителей рабочих и солдат – «Совет» – выставившее требование созыва международной социалистической конференции в Стокгольме. Голодные бунты происходили в это время в Берлине, утомление войной в Австрии и Германии достигло своего предела, и последующие события показали, что, без сомнения, такая конференция ускорила бы заключение справедливого мира на демократических основах и предупредила бы революцию в Германии. Керенский умолял своих западных союзников допустить созыв этой конференции. Но, опасаясь мирового распространения социализма и республиканского духа, они отказались, вопреки благоприятному отзыву большинства Британской Рабочей Партии. Лишенная моральной и физической поддержки со стороны союзников, несчастная «умеренная» русская республика все еще продолжала сражаться и в июле произвела последнюю отчаянную попытку наступления, потерпевшую неудачу после небольшого первоначального успеха и закончившуюся для русских новым ужасным кровопролитием.

Терпение русского народа истощилось. Начались мятежи в армии, в особенности на северном фронте, 7 ноября 1917 г. правительство Керенского было свергнуто и власть захвачена Советами, руководимыми социалистами-большевиками и их вождем Лениным, начавшими мирные переговоры вопреки желанию западных держав. 2 марта 1918 г. сепаратный мир между Россией и Германией был подписан в Брест-Литовске.

Вскоре стало ясно, что эти социалисты-большевики были людьми совсем другого рода, чем болтуны конституционалисты и революционеры времен Керенского. Это были фанатики коммунисты-марксисты. Они верили, что их захват власти в России был только началом всемирной социальной революции и приступили к изменению социального и экономического строя с слепой верой фанатиков и полной неопытностью. Западноевропейские и Американское правительства были сами слишком плохо осведомлены и не были в состоянии руководить этим необычайным опытом или помочь ему. Печать же дискредитировала начинания большевиков, а правящие классы стремились свергнуть этих узурпаторов, чего бы это ни стоило им или России. Отвратительные выдумки и гнусная ложь беспрепятственно распространялись печатью всего мира. Вожди большевиков представлялись невероятными чудовищами, пресыщенными кровью и грабежами и ведущими такой распущенный образ жизни, перед которым нравы царского двора в период господства Распутина

казались самой невинностью. В истощенную страну отправлялись экспедиции, поддерживались мятежи, организовывались набеги, причем восставшие снабжались оружием и субсидировались. Никакие методы борьбы не казались слишком низкими или слишком ужасными испуганным врагам большевистского режима.

В 1919 году русские большевики, господствуя в стране, уже истощенной и приведенной в упадок пятилетней интенсивной войной, сражались против британского экспедиционного корпуса в Архангельске, японцев, вторгшихся в Восточную Сибирь, румынских, французских и греческих армий на юге, русского адмирала Колчака в Сибири и генерала Деникина, поддерживаемого французским флотом в Крыму. В июле того же года эстонская армия под командой генерала Юденича чуть не захватила Петербург. В 1920 г. поляки, побуждаемые Францией, напали на Россию, и новый представитель реакции генерал Врангель взял на себя задачу Деникина, задачу опустошения и разорения своей родной страны. В марте 1921 г. восстали кронштадтские матросы. Русское правительство под председательством Ленина устояло против всех этих разнообразных нападений. Оно проявило изумительную выдержку, а крестьяне и рабочие неуклонно поддерживали его при необычайно тяжелых условиях. К концу 1921 г. коммунистическое правительство было уже в известном смысле признано Великобританией и Италией.

Но, если Советское правительство и боролось с успехом

против иностранной интервенции и восстаний внутри страны, оно было менее счастливо в своих попытках насадить в России новый социальный строй, основанный на идеях коммунизма. Русский мужик – это мелкий собственник, нужда которого в земле недостаточно удовлетворена. Он настолько же далек от коммунизма, по своим воззрениям и привычкам, как кит от желания летать. Революция отдала ему землю крупных помещиков, но не могла заставить его выращивать хлеб ради получения потерявших всякую цену денег, ибо, кроме многого другого, революция также обесценила и деньги. Сельскохозяйственное производство, уже сильно пострадавшее от расстроенного войной транспорта, свелось к тому, что крестьяне просто ограничились площадью засева своими собственными потребностями. Города начали голодать. Попытки реорганизовать промышленность в соответствии с коммунистическими идеями были также неудачны. К 1920 г. Россия представляла собой еще не виданную картину современной цивилизации, находящейся в состоянии полнейшего упадка. Железные дороги ржавели и постепенно выходили из употребления, города разрушались, смертность повсюду страшно увеличилась. И все-таки страна еще боролась с наступающими врагами. В 1921 г. была засуха, повлекшая за собой великий голод среди крестьян-земледельцев в опустошенных войной юго-восточных губерниях. Миллионы людей голодали.

Однако, вопрос о бедствиях России и о ее возможном воз-

рождении подводит нас вплотную к спорам о текущем моменте и потому мы его не будем здесь обсуждать.

Глава LXVII. Политическое и социальное переустройство мира

План и масштаб нашей «Истории мира» не позволяют нам слишком углубляться в сущность сложной и ожесточенной полемики, сосредоточившейся вокруг мирных договоров и в особенности вокруг Версальского мира, которым закончилась Великая война. Мы начинаем понимать, что этот конфликт, при всей своей колоссальности и ужасных последствиях, завершился ничем, ничего нового не создал и не установил. Он уничтожил миллионы людей, опустошил и разорил мир. Он совершенно разгромил Россию. В лучшем случае этот конфликт можно принять, как резкое и страшное напоминание о том, что до сих пор мы жили безрассудно и беспорядочно, без всяких планов на будущее, в полном опасностей и враждебном нам мире. Грубый национальный эгоизм и захватные стремления империализма, вовлекшие человечество в эту трагедию, не изменились после нее настолько, чтобы подобное бедствие не повторилось при первом случае, лишь только мир хоть несколько оправится от этой губительной войны. Войны и революции не создают ничего. Их высшая заслуга перед человечеством заключается в том, что они очень грубым и болезненным путем устраняют все то, что стало пережитком и ненужной помехой. Великая

война освободила Европу от угрозы германского империализма и сокрушила империализм России. Она уничтожила множество монархий. Но еще множество флагов развевается над Европой, все так же раздражают нас пограничные заставы и все так же происходит снаряжение больших армий.

Версальская мирная конференция была не способна создать что-нибудь большее, чем простое примирение конфликтов, вызванных войной. Немцам, австрийцам, туркам и болгарам не было дано возможности участвовать в обсуждении вопросов; они должны были только принять решения, продиктованные им. С точки зрения общественной справедливости выбор места конференции был крайне неудачен. Там же, в Версале, в 1871 г. была торжественно провозглашена новая Германская империя. Всем невольно вспоминалась эта мелодрама, разыгранная в том же Зеркальном зале, и это производило тяжелое впечатление. Некоторое великодушие, проявленное в первый период Великой войны, уже давно пришло к концу. Население стран-победительниц остро чувствовало только свои собственные потери и страдания и совершенно забывало, что и побежденные заплатили той же ценой. Война возникла, как естественное и неизбежное последствие соперничества между национальностями Европы и отсутствия каких бы то ни было общих регулирующих норм между соперничающими силами. Война всегда неизбежна и логически необходима для независимых державных национальностей, населяющих слишком малую территорию

и чересчур вооруженных. Если бы война не разразилась в том виде, в котором она происходила, она нагрязнула бы в какой-нибудь другой форме, как она, несомненно, и вернется лет через двадцать или тридцать в еще более ужасающем масштабе, если никакое новое политическое объединение народов своевременно не предусмотрит и не предотвратит ее. Государства, организованные для войны, будут воевать с той же неизбежностью, с какой куры всегда будут нести яйца. Однако, потрясенные и истощенные войной народы забывают об этом, и весь побежденный народ считается морально и материально ответственным за все разрушения, причиненные войной. Несомненно, что и он в свою очередь точно также относился бы к теперешним победителям, если бы исход войны был иным.

Французы и англичане думали, что нужно винить Германию, немцы считали, что виноваты Россия, Франция и Англия, и только незначительное интеллигентное меньшинство полагало, что корень зла в политической раздробленности Европы. Версальский договор должен был быть для всего мира примером справедливой кары; он установил суровое наказание для побежденных и хотел обеспечить возмещение убытков израненным и страдающим победителям путем наложения огромных обязательств на нации, фактически уже обанкротившиеся. Его попытки возобновить международные отношения путем создания Лиги Наций, как противовеса войне, были явно неискренними и недостаточными.

Поскольку дело касалось Европы, весьма сомнительно, были ли вообще сделаны какие-либо попытки к установлению международных отношений на основе постоянного мира. Проект организации Лиги Наций был практически осуществлен президентом Соединенных Штатов Америки Вильсоном. Главной поддержкой Лиги Наций была Америка. Что же касается до самих Соединенных Штатов, это новое современное государство пока еще не выработало никакого определенного учения о международных отношениях, кроме доктрины Монро, которая защищала Новый Мир от европейского вмешательства. И вот теперь они были призваны внести свою умственную дань в вопрос о разрешении великой проблемы нашего времени. Однако, они ничего не смогли дать. Американцы настроены были в пользу всеобщего постоянного мира. С этим было однако же связано сильное традиционное недоверие к политике Старого Мира и привычка держаться в стороне от всяких его недоразумений. Не успели американцы приступить к разрешению мировых проблем, как подводная война немцев втянула также и их в войну в качестве противника Германии. План Лиги Наций Вильсона был попыткой начертать точный американский проект мирового устройства. Это был схематичный, несовершенный и опасный проект. Однако же в Европе его сочли зрелой, обдуманной точкой зрения Америки. Народные массы в 1918–1919 гг. были в высшей степени утомлены войной и готовы какой бы то ни было ценой помешать ее воз-

обновлению. Однако, во всем Старом Свете не было ни одного правительства, которое хоть на йоту готово было бы поступиться своей суверенной независимостью для достижения этой цели. Одно время казалось, что президент Вильсон, проводя в своих публичных выступлениях идею Всемирной Лиги Наций, обращается, минуя правительства, непосредственно к народам мира. Эти выступления были приняты за выражение вполне созревших намерений Америки и действие, произведенное ими, было колоссально. К несчастью, президент Вильсон имел дело с правительствами, а не с народами. Он был человеком, способным к внезапным политическим прозрениям, но обнаруживал эгоизм и ограниченность при столкновениях с препятствиями, и великая волна возбужденного им энтузиазма постепенно сошла на нет.

Д-р Диллон в своей книге «Мирная Конференция» говорит: «Европа в то время, как президент ступил на ее берега, была подобна глине, готовой для формовщика-горшечника. Никогда до тех пор народы так не жаждали обрести нового Моисея, который повел бы их в обетованную страну, где войны были бы запрещены и блокады неизвестны. По их мнению, он и был этим великим вождем. Во Франции люди со священным трепетом и благоговением преклонялись перед ним. Вожди рабочих в Париже говорили мне, что они плакали слезами радости в его присутствии и что их товарищи пошли бы в огонь и воду, чтобы помочь ему осуществить его благородную задачу. Рабочему классу в Италии

имя его казалось небесным кличем, звуки которого должны обновить Землю. Немцы видели в нем и в его доктрине свой якорь спасения. Бесстрашный Мюлон говорил: «Если бы президент Вильсон обратился к немцам и произнес самый жестокий приговор над ними, – они покорно приняли бы его и без ропота немедленно приступили бы к его выполнению. В немецкой Австрии он пользовался славой спасителя, его имя, при одном упоминании, было целительным бальзамом для ран и утешением для страждущих»...

Таковы были чрезмерные упования, возлагавшиеся на президента Вильсона. Было бы слишком долго и грустно рассказывать здесь о том, как глубоко было разочарование и как слаба и ничтожна оказалась созданная им Лига Наций. В личности Вильсона нашла свое крайнее выражение общечеловеческая трагедия – он был велик в своих мечтах и бессилен в их выполнении. Америка не признала выступления своего президента и не присоединилась к Лиге, которую Европа от него приняла. Часть американского народа стала постепенно понимать, что его втягивают в дело, для которого он совершенно не подготовлен, и многие европейцы, с своей стороны, чувствовали, что у Америки нет собственно ничего определенного, чтобы помочь Старому Свету в его нужде. Недоношенная и искалеченная при рождении Лига, с ее сложной и неприспособленной к жизни конституцией и очевидным бессилием, сделалась серьезным препятствием для всякой сколько-нибудь действительной попытки реорганиза-

ции международных отношений. Эта проблема была бы гораздо яснее, если бы Лиги вообще не существовало. Тем не менее, повсеместный взрыв энтузиазма, встретивший сначала проект Вильсона, эта готовность людей на всем земном шаре, народов, а не правительств, – принять идею мирового контроля над войной, является фактом, достойным быть занесенным на страницы мировой истории. За спиной близоруких правительств, вносящих раздоры в людские дела и неумело правящих ими, зарождается и растет новая сила, которая создаст мировое единство и новый мировой порядок.

Начиная с 1918 г., в мировой истории наступила эпоха конференций. Из них Вашингтонская конференция, созванная президентом Гардингом в 1921 г., была наиболее успешной и плодотворной. Должна быть отмечена также конференция в Генуе (1922 г.), вследствие приглашения на ее заседания делегатов Германии и России. Мы не будем подробно разбирать здесь этих многочисленных конференций и попыток.

Становится все более и более очевидным, что огромное дело возрождения может быть выполнено человеком лишь в том случае, если будет предотвращена самая возможность возвращения, в еще более ужасном виде, Великой войны с ее потрясениями и кровопролитиями. Никакие поспешные импровизации, вроде Лиги Наций, и никакие бессмысленно организованные конференции между отдельными группами государств, ничего в сущности не могут изменить, хотя они

как будто что-то и делают. Не им разрешить сложные политические задачи грядущего века. Необходимо систематическое развитие и систематическое применение науки о людских отношениях, индивидуальной и общественной психологии, финансовой и экономической науки и науки о воспитании, – наук, находящихся все еще в зачаточном состоянии. Узкие и мертвые или умирающие этические и политические идеи должны быть заменены более ясными и простыми представлениями о происхождении и общей судьбе человеческого рода.

Но, если опасности, разрушения и бедствия, осаждающие человека в наши дни, бесконечно больше в сравнении с тем, что было им испытано в прошлом, все же наука дала человеку такое могущество, какого у него прежде никогда не было. Методы научного, смелого мышления, исчерпывающе ясного изложения, и исчерпывающей критики замысла, дали человеку эту мощь, пока еще не всеми сознаваемую. Они дают ему также надежду управлять этой силой. Современный человек – это пока еще подросток. Его тревоги – не тревоги старости и бессилия; это брожение растущих и еще не дисциплинированных сил. Если мы подойдем к истории, как к единому процессу, как мы это и сделали в этой книге, если мы увидим непрерывное стремление жизни вперед, все выше и выше, к свету и сознанию, – то мы увидим также в их истоках и настоящих соотношениях, как надежды, так и опасности нашего времени. Пока мы едва встречаем зарю

величия человека. Но по красоте цветов и солнечного заката, по радостным и грациозным движениям молодого животного, по прелести тысяч различных ландшафтов – мы можем судить о том, чем могла бы быть для нас жизнь; и по нескольким творениям скульптуры и живописи, по великим произведениям музыки, по благородным очертаниям величественных зданий и пышных садов – мы получаем некоторое представление о том, что может создать воля человека из имеющихся в его распоряжении материалов. У нас есть свои заветные мечты. Теперь мы обладаем не вполне дисциплинированным, но все возрастающим могуществом. Можем ли мы сомневаться в том, что в самом скором времени наша раса осуществит наши самые смелые мечты, что она достигнет единства и мира, что наши дети, кость от костей наших и плоть от плоти нашей, будут жить в мире более роскошном и прекрасном, чем любой из известных нам дворцов, или садов, – жить, переходя все к новым и новым достижениям и все расширяя сферу своего опыта. То, чего достиг человек, те незначительные победы его настоящего и вся история, которую мы только что рассказали, составляют лишь прелюдию к тому, что еще должно быть создано человечеством.

Хронологическая таблица

Около 1000 г. до Р. Х. арийские племена расселились на Пиренейском, Аппенинском и Балканском полуострове и заселили уже Северную Индию. Кносс уже был разрушен, и со времени высшего расцвета Египта, времен Тутмоса III, Аменхотепа III и Рамзеса II прошло три или четыре столетия. В долине Нила правили слабые монархи XXI династии. Израильтяне были объединены под властью первых царей; в то время могли царствовать Саул, Давид, быть может, даже Соломон. Саргон I (2750 до Р. Х.), царь Аккадийско-Шумерийский, был уже более отдаленным, чем Константин Великий для нашего времени. Хаммурапи умер за тысячу лет перед тем. Ассирийцы уже властвовали над менее воинственными вавилонянами. В 1100 г. до Р. Х. Тиглат Пилесер I взял Вавилон. Но это было непрочное завоевание; Ассирия и Вавилония оставались отдельными государствами. В Китае процветала новая династия Чжоу. В Англии «стоунхэнджи», древние каменные памятники, существовали уже несколько сот лет.

В течение следующих двух столетий наступило возрождение Египта под властью XXII династии, распадение недолго просуществовавшего маленького еврейского царства Соломона, распространение греков на Балканском полуострове, в Южной Италии и Малой Азии и период этрусского влады-

чества в Средней Италии. Мы начинаем наше перечисление с нижеследующих достоверных дат:

До Р. Х.

800 г. Основание Карфагена.

790 г. Завоевание Египта Эфиопами, основавшими XXV династию.

776 г. Первая Олимпиада.

753 г. Основание Рима.

745 г. Тиглатпалассар III завоевывает Вавилонию и основывает Ново-Ассирийское царство.

722 г. Саргон II вооружает ассирийцев железным оружием.

721 г. Он же выселяет израильтян.

680 г. Ассаргадон берет египетские Фивы, свергая эфиопскую XXV династию.

664 г. Псамметих I восстанавливает свободу Египта и основывает XXVI династию (просуществовавшую до 610 г.).

608 г. Египетский фараон Нехо разбивает Иосию, царя Иудейского, в битве при Мегиддо.

606 г. Пленение Ниневии халдейцами и мидянами. Основание Халдейского царства.

604 г. Нехо продвигается до Евфрата, где его разбивает Навуходоносор II, который уводит евреев в Вавилон.

550 г. Кир, царь персидский, наследует Киаксару, царю мидийскому.

Кир побеждает Креза.

Около того же времени жил Будда.

Тогда же жили Конфуций и Лао-Цзы.

539 г. Кир берет Вавилон и основывает Персидское царство.

521 г. Дарий I, сын Гистаспа, властвует от Дарданелл до Инда.

Его поход в Скифию.

490 г. Битва при Марафоне.

480 г. Битвы при Фермопилах и Саламине.

479 г. Битвы при Платеях и Микале завершают поражение персов.

474 г. Флот этрусков уничтожен сицилийскими греками.

431 г. Начало Пелопонесской войны (продолжавшейся до 404 г.).

401 г. Отступление десяти тысяч.

359 г. Филипп становится царем Македонским.

338 г. Битва при Херонее.

336 г. Македонские войска вторгаются в Азию. Убийство Филиппа.

334 г. Битва при Гранике.

333 г. Битва на Иссе.

331 г. Битва при Арбеле.

330 г. Убит Дарий III.

323 г. Смерть Александра Великого.

321 г. Возвышение Чандрагупты в Пенджабе.

Римляне разбиты на голову самнитами в битве в Кавдийском ущелье.

281 г. Нашествие Пирра на Италию.

280 г. Битва при Гераклее.

279 г. Битва при Авскуле.

278 г. Галлы вторгаются в Малую Азию и захватывают Галатию.

275 г. Пирр покидает Италию.

264 г. Первая Пуническая война (Ашока воцаряется в Бихаре (до 227 г.).

260 г. Битва при Милах.

256 г. Битва при Экноме.

246 г. Шихуанди становится царем Циня.

220 г. Шихуанди становится китайским императором.

214 г. Начало постройки Великой Китайской стены.

210 г. Смерть Шихуанди.

202 г. Битва при Заме.

146 г. Разрушение Карфагена.

133 г. Аттал завещает Пергамское царство Риму.

102 г. Марий отбрасывает германцев.

100 г. Триумф Мария (Китайцы завоевывают долину Тарим).

89 г. Все жители Италии объявляются римскими гражданами.

73 г. Восстание рабов под предводительством Спартака.

71 г. Поражение и смерть Спартака.

66 г. Помпей доводит римские войска до Каспийского моря и Евфрата. Он сталкивается с аланами.

48 г. Юлий Цезарь разбивает Помпея при Фарсале.

44 г. Убийство Юлия Цезаря.

27 г. Август – римский цезарь (до 14 г. по Р. Х.)

4 г. Истинный год рождения Иисуса Назарянина.

Начало христианской эры.

После Р. Х.

14 г. Смерть Августа. Тиберий – император.

30 г. Распятие Иисуса Назарянина.

41 г. Преторианская стража после убийства Калигулы провозглашает императором Клавдия (первый император легионов).

68 г. Самоубийство Нерона. Императоры: Гальба, Оттон, Вителлий.

69 г. Царствование Веспасиана.

102 г. Держава Бань-Чао на Каспийском море.

117 г. Гадриан наследует Траяну. Римская империя достигает своих широчайших пределов.

138 г. В это время индо-скифы уничтожают последние следы эллинского господства в Индии.

161 г. Марк Аврелий наследует Антонину Пию.

164 г. Начало великой чумы, которая длилась до смерти Марка Аврелия.

180 г. Та же чума опустошает всю Азию.

(Начинается период войн и раздоров в Римском государстве, длившийся около столетия).

220 г. Конец династии Хань. Начало четырехсотлетнего периода раздоров в Китае.

227 г. Ардашир I (первый шах династии Сасанидов) пресекает династию Арсакидов и в Персии.

242 г. Мани начинает свою проповедь.

247 г. Переход через Дунай и нашествие готов.

251 г. Большая победа готов. Император Деций убит.

260 г. Сапор I, второй шах из династии Сасанидов, берет Антиохию, захватывает в плен императора Валериана и на обратном пути отрезан от Малой Азии Оденатом, царем Пальмиры.

277 г. Мани распят в Персии.

284 г. Диоклетиан становится императором.

303 г. Диоклетиан преследует христиан.

311 г. Галерий прекращает преследование христиан.

312 г. Константин Великий становится императором.

323 г. Константин председательствует на Никейском соборе.

337 г. Крещение Константина на смертном одре.

361–3 г. Юлиан Отступник пытается заменить христианство культом Митры.

392 г. Феодосий Великий – император Западной и Восточной империи.

395 г. Смерть Феодосия Великого. Гонорий и Аркадий

снова разделяют империю и царствуют под покровительством Стилихона и Алариха.

410 г. Вестготы, под предводительством Алариха, завоевывают Рим.

425 г. Вандалы утверждаются на юге Испании, гунны – в Паннонии, готы – в Далмации, вестготы и свевы – в Португалии и Северной Испании. Англы вторгаются в Британию.

439 г. Вандалы берут Карфаген.

451 г. Атила вторгается в Галлию и терпит поражение от франков, аллеманов и римлян при Труа.

453 г. Смерть Атилы.

455 г. Вандалы грабят и разрушают Рим.

476 г. Одоакр, король смешанных тевтонских племен, объявляет жителям Константинополя, что более не существует император Западной империи. Конец Западной империи.

493 г. Остгот Теодорих покоряет Италию и становится королем Италии, оставаясь номинально подчиненным Константинополю (Готские короли в Италии. Готы селятся на специально конфискованных землях, в качестве оккупационного войска).

527 г. Юстиниан – император.

529 г. Юстиниан закрывает в Афинах школы, которые процветали около тысячи лет. Велизарий (полководец Юстиниана) берет Неаполь.

531 г. Начало царствования Хосрова I.

543 г. Чума в Константинополе.

553 г. Изгнание готов из Италии Юстинианом.

565 г. Смерть Юстиниана. Лангобарды завоевывают большую часть Северной Италии (Равенна и Рим остаются под властью Византии).

570 г. Рождение Магомета.

579 г. Смерть Хосрова I (Лангобарды господствуют в Италии).

590 г. Чума свирепствует в Риме. Начало царствования Хосрова II.

610 г. Начало царствования Ираклия.

619 г. Хосров II завладевает Египтом, Иерусалимом, Дамаском и войска его достигают Геллеспонта. В Китае начинается династия Тан.

622 г. Хиджра. Начало магометанской эры.

627 г. Большое поражение, нанесенное персам Ираклием при Ниневии. Тай-Цзун становится китайским императором.

628 г. Кавад II убивает своего отца Хосрова II и наследует ему. Магомет пишет письма всем властителям мира.

629 г. Возвращение Магомета в Мекку.

632 г. Смерть Магомета. Абу-Бакр – калиф.

634 г. Битва при Ярмуке. Мусульмане берут Сирию.

Омар – второй калиф.

635 г. Тай-Цзун принимает несторианских миссионеров.

637 г. Битва при Кадисии.

638 г. Иерусалим подчиняется калифу Омару.

642 г. Смерть Ираклия.

643 г. Осман – третий калиф.

655 г. Византийский флот разбит мусульманами.

668 г. Калиф Моавия нападает на Константинополь с моря.

687 г. Пипин Геристальский, майордом, объединяет Астразию и Нейстрию.

711 г. Мусульманская армия вторгается в Испанию со стороны Африки.

715 г. Владения калифа Валида I простираются от Пиренеев до Китая.

717–18 г. Сулейману, сыну и наследнику Валида, не удается взять Константинополь.

732 г. Карл Мартелл наносит поражение мусульманам при Пуатье.

751 г. Пипин коронуется королем Франции.

768 г. Смерть Пипина.

771 г. Карл Великий – единодержавный монарх.

774 г. Карл Великий покоряет Ломбардию.

786 г. Харун ар-Рашид Аббасид – калиф в Багдаде (до 809 г.).

795 г. Лев III избран папой (до 816 г.).

800 г. Лев III коронует Карла Великого императором Западной Империи.

802 г. Эгберт, бывший прежде английским изгнанником

и проживавший при дворе Карла Великого, провозглашает себя королем Уэссекса.

810 г. Крум Болгарский наносит поражение императору Никифору и убивает его.

814 г. Смерть Карла Великого.

828 г. Эгберт становится первым королем Англии.

843 г. Людовик Благочестивый умирает, и Каролингская империя распадается. До 962 г. не существовало непрерывного наследования престола Священных Римских императоров, хотя титул время от времени и появлялся.

850 г. Около этого времени Рюрик (норманн) становится правителем Новгорода и Киева.

852 г. Борис, первый христианский царь Болгарии (до 884 г.).

865 г. Русский флот (норманский) угрожает Константинополю.

904 г. Русский флот (норманский) уходит от Константинополя.

912 г. Рольф Гангер утверждается в Нормандии.

919 г. Генрих Птицелов избран германским королем.

936 г. Оттон I становится германским королем после отца своего Генриха Птицелова.

941 г. Русский флот снова угрожает Константинополю.

962 г. Оттон I, король Германии, коронуется императором (сначала Саксонским) папой Иоанном XII.

987 г. Гуго Капет становится королем Франции. Конец Ка-

ролингской линии французских королей.

1016 г. Кнуд становится королем Англии, Дании и Норвегии.

1043 г. Русский флот угрожает Константинополю.

1066 г. Завоевание Англии Вильгельмом, герцогом нормандским.

1071 г. Возрождение ислама под владычеством турок-сельджуков. Битва при Манцикерте.

1073 г. Гильдебранд становится папой (Григорием VII, до 1085 г.).

1084 г. Норманн Роберт Гюискар разрушает Рим.

1087–99 г. Урбан II – папа.

1095 г. Урбан II созывает в Клермонте первый Крестовый поход.

1096 г. Избиение крестоносцев.

1099 г. Готфрид Бульонский завоевывает Иерусалим.

1147 г. Второй Крестовый поход.

1169 г. Саладин – султан Египта.

1176 г. Фридрих Барбаросса признает власть папы (Александра III) над Венецией.

1187 г. Саладин завоевывает Иерусалим.

1189 г. Третий крестовый поход.

1198 г. Иннокентий III – папа до 1216 г. (Он становится опекуном четырехлетнего Фридриха II, короля Сицилии).

1202 г. Крестоносцы Четвертого крестового похода нападают на Восточную империю.

1204 г. Взятие Константинополя (латинянами).

1214 г. Чингисхан берет Пекин.

1226 г. Смерть Франциска Ассизского (францисканцы).

1227 г. Смерть Чингисхана, владычествовавшего от Каспийского моря до Тихого океана; ему наследует Угедэй.

1228 г. Фридрих II отправляется в Шестой крестовый поход и завоевывает Иерусалим.

1240 г. Татары разрушают Киев. Русские принуждены платить дань татарам.

1241 г. Победа татар при Легнице в Силезии.

1250 г. Смерть Фридриха II, последнего из рода Гогенштауфенов. Междоусобие в Германии до 1273 г.

1251 г. Мангу становится Великим Ханом. Хубилай – правитель Китая.

1258 г. Гулагу берет и разрушает Багдад.

1260 г. Хубилай становится Великим Ханом.

1261 г. Греки отбирают Константинополь у латинян.

1273 г. Рудольф Габсбургский избран императором.

Швейцарцы образуют свой «Вечный Союз».

1280 г. Хубилай-хан основывает династию Юань в Китае.

1292 г. Смерть Хубилай-хана.

1293 г. Смерть Роджера Бэкона, провозвестника экспериментальной науки.

1348 г. Великая чума «Черная смерть».

1360 г. Падение монгольской (Юань) династии в Китае; ее сменяет династия Мин (до 1644 г.).

1377 г. Папа Григорий XI возвращается в Рим.

1378 г. Великий Раскол. Урбан VI – в Риме, Климент VII

– в Авиньоне.

1398 г. Ян Гус проповедует в Праге учение Виклифа.

1414–18 г. Констанский собор. Сожжение Гуса (1415 г.).

1417 г. Конец Великого раскола.

1453 г. Оттоманские турки под предводительством Мухаммеда II берут Константинополь.

1480 г. Иоанн III, великий князь московский, свергает татарское иго.

1481 г. Смерть султана Мухаммеда II во время приготовлений к завоеванию Италии.

1486 г. Диас огибает мыс Доброй Надежды.

1492 г. Колумб переплывает Атлантический океан и открывает Америку.

1493 г. Максимилиан I становится императором.

1498 г. Васко да Гама огибает мыс Доброй Надежды и достигает Индии.

1499 г. Швейцария становится независимой республикой.

1500 г. Рождение Карла V.

1509 г. Генрих VIII – король Англии.

1513 г. Лев X – папа.

1515 г. Франциск I – король Франции.

1520 г. Сулейман Великолепный – султан (до 1566 г.), владычествует от Багдада до Венгрии. Карл V – император.

1525 г. Бабур выигрывает битву при Панипате, овладевает

Дели и основывает империю Моголов.

1527 г. Германские войска в Италии под предводительством констебля Бурбонского берут и разграбляют Рим.

1529 г. Сулейман осаждает Вену.

1530 г. Папа коронует Карла V. Генрих VIII начинает ссору с папой.

1539 г. Основание иезуитского ордена.

1546 г. Смерть Мартина Лютера.

1547 г. Иоанн IV (Грозный) принимает титул царя русско-го.

1556 г. Отречение Карла V. Акбар – Великий Могол (до 1605 г.). Смерть Игнатия Лойолы.

1558 г. Смерть Карла V.

1566 г. Смерть Сулеймана Великолепного.

1603 г. Яков I – король Англии и Шотландии.

1620 г. Экспедиция, отправившаяся на корабле «Mayflower» («Майский цветок») основывает Новый Плимут. Первые рабы-негры прибывают в Джемстаун.

1625 г. Карл I вступает на английский престол.

1626 г. Смерть сэра Фрэнсиса Бэкона (лорда Веруламского).

1643 г. Начало царствования Людовика XIV, продолжавшегося 72 года.

1644 г. Конец династии Мин.

1648 г. Вестфальский договор, по которому Голландия и Швейцария признаны свободными республиками, и после

которого начинается возвышение Пруссии. Договор не дает полного удовлетворения ни императору, ни принцам. Война Фроны кончается полным торжеством французской королевской власти.

1649 г. Казнь Карла I в Англии.

1658 г. Аурангзеб – Великий Могол. Смерть Кромвеля.

1660 г. Карл II вступает на английский престол.

1674 г. Новый Амстердам по договору окончательно переходит в британское владение и переименовывается в Нью-Йорк.

1683 г. Последнее нападение на Вену турок отбито Яном III, королем польским.

1689 г. Петр Великий вступает на русский престол (до 1725 г.).

1701 г. Фридрих I – первый король Прусский.

1707 г. Смерть Аурангзеба. Империя Великих Моголов распадается.

1713 г. Рождение Фридриха Великого Прусского.

1715 г. Людовик XV вступает на французский престол.

1755–1763 г. Британия и Франция борются за Америку и Индию. Франция борется в союзе с Австрией и Россией против Пруссии и Британии (1756–1763 гг.). Семилетняя война.

1759 г. Британский генерал Вольф берет Квэбэк.

1760 г. Георг III вступает на Британский престол.

1763 г. Парижский мир. Канада переходит к Британии. Владычество Британии в Индии.

1769 г. Рождение Наполеона Бонапарта.

1774 г. Начало царствования Людовика XVI.

1776 г. Американские Соединенные Штаты провозглашают свою независимость.

1783 г. Заключение мирного договора между Британией и новыми Американскими Соединенными Штатами.

1787 г. Учредительное собрание в Филадельфии устанавливает федеральное управление в Соединенных Штатах. Обнаруживается банкротство Франции.

1788 г. Первый Федеральный конгресс Соединенных Штатов в Нью-Йорке.

1789 г. Созыв Французских Генеральных Штатов. Взятие Бастилии.

1791 г. Бегство в Варени.

1792 г. Франция объявляет войну Австрии. Пруссия объявляется республикой.

1793 г. Обезглавливание Людовика XVI.

1794 г. Казнь Робеспьера и конец якобинской республики.

1795 г. Директория. Бонапарт подавляет восстание и отправляется в Италию в качестве главнокомандующего.

1798 г. Поход Бонапарта в Египет. Битва при Ниле.

1799 г. Возвращение Бонапарта во Францию. Он становится первым консулом с громадной властью.

1804 г. Бонапарт делается императором. Франциск II в

1805 г. принимает титул австрийского императора, в 1806 г. отказывается от титула Священного Римского Императора.

Таким образом, «Священная Римская империя» заканчивает свое существование.

1806 г. Поражение Пруссии под Йеной.

1808 г. Наполеон делает своего брата Иосифа королем Испании.

1810 г. Испанская Америка становится республикой.

1812 г. Отступление Наполеона из Москвы.

1814 г. Отречение Наполеона. Людовик XVIII.

1824 г. Карл X на престоле Франции.

1825 г. Николай I вступает на русский престол. Первая железная дорога из Стоктона в Дарлингтон.

1827 г. Битва при Наварине.

1829 г. Независимость Греции.

1830 г. Год восстаний. Людовик-Филипп низвергает Карла X. Бельгия отделяется от Голландии, Леопольд Максен-Кобург-Готский становится королем этого нового государства – Бельгии. Безрезультатное восстание русской Польши.

1835 г. Впервые употребляется слово «социализм».

1837 г. Королева Виктория.

1840 г. Королева Виктория вступает в брак с принцем Альбертом Саксен-Кобург-Готским.

1852 г. Наполеон III – французский император.

1854–1856 гг. Крымская война.

1856 г. Александр II вступает на русский престол.

1861 г. Виктор-Эммануил – первый король Италии. Авра-

ам Линкольн становится президентом Американских С. Шт.
Начало американской гражданской войны.

1865 г. Сдача Аппоматокс-Курт-Гауза. Открывается доступ в Японию.

1870 г. Наполеон III объявляет войну Пруссии.

1871 г. Капитуляция Парижа (в январе). Король прусский становится германским императором. Франкфуртский мир.

1878 г. Берлинский договор. Начало вооруженного мира, длившегося 46 лет в Западной Европе.

1888 г. Фридрих III (в марте) и Вильгельм II (в июне) – германские императоры.

1912 г. Китай провозглашает себя республикой.

1914 г. Начало Великой Войны в Европе.

1917 г. Две русских революции. Большевицкое правление в России.

1818 г. Перемирие.

1920 г. Первое собрание Лиги Наций, на которое не были допущены – Германия, Австрия, Россия и Турция, и на котором Соединенные Штаты не были представлены.

1921 г. Греки объявляют войну Турции, проявляя полное пренебрежение к постановлениям Лиги Наций.

1922 г. Большое поражение греков в Малой Азии.